

UNIVERSITÀ
DEGLI STUDI
DI PADOVA

Università degli Studi di Padova

Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari

Corso di Laurea Magistrale in
Lingue e Letterature Europee e Americane
Classe LM-37

Tesi di Laurea

*Передача значений способов действия в
русском и английском языках
(на материале автопереводов
В. В. Набокова)*

Relatore
Prof. Rosanna Benacchio

Laureanda
Liubov Glebova
n° matr.1147717 / LMLLA

Anno Accademico 2016 / 2017

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Феномен Владимира Набокова: творчество, билингвизм, перевод	11
Глава 2. Аспектуальность в русском и английском языках	
2. 1. Классы и таксономические категории глаголов	21
2. 2. Аспектуальность в русском языке	
2. 2. 1. Вид в русском языке как грамматическая и понятийная категория	31
2. 2. 2. Глагольная префиксация и понятие способа глагольного действия	43
2. 3. Аспектуальность в английском языке: основные аспектуальные категории и значения	59
Выводы по Главе 2	73
Глава 3. Методология и объект исследования	
3. 1. Методы исследования	81
3. 2. Отбор материала исследования. Начинательный, делимитативный, терминативный и завершительный способы действия в русском языке	85
Глава 4. Передача значений способов глагольного действия в русском и английском языках	
4. 1. Соответствия начинательному (инхоативному) способу действия	101
4. 2. Соответствия делимитативному (ограничительному) способу действия	115
4. 3. Соответствия терминативному способу действия	121
4. 4. Соответствия завершительному (комплетивному) способу действия	125
Выводы по Главе 4	129
Заключение	135
Приложение 1	139
Приложение 2	141
Список использованной литературы	145
Riassunto	153

Введение

Выражение аспектуальных отношений — один из сложных вопросов при изучении иностранных языков и особенно переводе с одного языка на другой. Проблемой является понимание соотношения не только категорий вида двух языков, но и прямо или косвенно связанных с ней других грамматических категорий, а также лексических и морфологических единиц.

В настоящей работе будут рассмотрены способы передачи на английском языке аспектуальных значений русских глаголов совершенного вида, обозначающих начинательный, делимитативный, терминативный и завершительный способы действия.

В течение долгого времени категория вида (категория аспектуальности) считалась особенностью в первую очередь славянских языков, а аспектуальность в других языках рассматривалась на фоне славянской модели. В последние десятилетия ракурс рассмотрения вида несколько изменился, появились новые труды по аспектуальности, основанные на сравнительном и типологическом подходах, в которых описывается многообразие аспектуальных систем в языках мира. Сегодня общепринята точка зрения, что вид славянского типа — это лишь одна из существующих аспектуальных систем. В русской лингвистике эта точка зрения вслед за Ю. С. Масловым (Маслов 1984/2004: 24-25; Маслов 1978/2004: 305-306) разрабатывается в типологических исследованиях (ср. Аркадьев 2015).

Основы русской аспектологии были заложены в статье Ю. С. Маслова "Вид и лексическое значение глагола с русским языке», опубликованной в 1948 г. (Маслов 1948/2004). Статья была оценена только в 70-е годы, и сегодня русские аспектологи широко используют предложенный Ю. С. Масловым понятийный и терминологический аппарат. Другое направление, выросшее из Санкт-Петербургской аспектологической школы, — Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики, основанная А. В. Бондарко. Функциональный подход предполагает движение от значения к форме, и данные в этом случае описываются с использованием полевых структур. В данной работе мы будем опираться на сформированное в его многочисленных трудах А. В. Бондарко

понятия аспектуального признака и функционально-семантического поля аспектуальности.

Описание аспектуальности в английском языке — задача более сложная, чем описание этой категории в русском языке. Это связано и со сравнительно меньшим количеством работ, посвященных аспектуальности в английском языке, и с дискуссионностью выдвигаемых положений. Среди лингвистов нет единого мнения относительно как самого семантического аспектуального инвентаря (количества «видов» или значимых аспектуальных признаков), так и принадлежности морфологических форм к указанной категории. Одни лингвисты видят аспектуальность только в морфологически выделенных видовременных формах, другие — только в лексическом значении глаголов. Ценные наблюдения о наличии и выражении значимых аспектуальных категорий содержатся в работах, которые рассматривают аспектуальность в английском языке в типологическом плане, сочетая его с более широким контекстом комплекса глагольных категорий, включая вид, время, а также возможно модальность, наклонение и залог (Comrie 1976; Dahl 1985, 2000; Bybee 1994; Bache 1995; Bertinetto 1997 и др.). Исследований аспектуальности собственно в английском языке немного, это в основном грамматики (Greenbaum 1991; Leech, Svartvik 2002; Блох 1983; Ильиш 1971) и работы более узкой глагольной тематики (Leech 1971; Lewis 1991; Huddleston 1995; Binnick 1991; Иванова 1961; Соколова 2003; Жулина 2006).

Актуальность исследования заключается, во-первых, в сопоставительном рассмотрении аспектуальности в русском и английском языках с позиций современных аспектологических взглядов. Сферы русской и английской аспектуально-темпоральной области содержательно неэквивалентны. В русском языке есть оппозиция совершенного и несовершенного вида с разными семантическими отношениями внутри пар глаголов, скудная временная парадигма и способы глагольного действия, которые имеют специфические и достаточно тонкие аспектуальные значения. В английском языке присутствует развернутая сеть видовременных форм глагола и группы глаголов, обозначающие схожие аспектуальные ситуации (классы Вендлера).

Во-вторых, материалом исследования послужили не переводы, отражающие субъективное восприятие текста переводчиком, и не словарные дефиниции, а произведения, написанные на двух языках писателем-билингвом и теоретиком перевода В. В. Набоковым. Выбор автопереводов в качестве материала позволяет минимизировать влияние языковой личности переводчика и перенести фокус исследования из переводоведения в собственно сопоставительный анализ.

Актуальность обусловлена также современным интересом к проблемам билингвизма и возросшим в последние годы в России интересом к творчеству В. В. Набокова, о чем свидетельствует появление в последнее время ряда научных статей о феномене его билингвизма, синестезии и его переводческой деятельности (Васильева 2005; Напцок 2008; Айкина 2011; Самохина 2014; Зюбина, Кумпан 2015; Рябова 2016).

Теоретико-методологической базой исследования послужили, в первую очередь, фундаментальные труды ученых Санкт-Петербургской аспектологической школы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Е. В. Петрухиной, труды по категории вида в русском языке Е. В. Падучевой, А. В. Исаченко, А. Барентсена, коллективная монография по категории вида Анны А. Зализняк, И. Л. Микаэлян и А. Д. Шмелева и их отдельные статьи, «Русская грамматика» (Грамматика-80), работы по акциональности С. Г. Татевосова, исследования по словообразованию М. А. Кронгауза и др.

В фокусе настоящего исследования находится не столько категория вида русского глагола, сколько способы глагольного действия. По своей специфике они соотносятся как с категорией аспектуальности, так и с глагольным словообразованием, точнее — с префиксацией. Это потребовало осветить некоторые вопросы глагольной префиксации на основе трудов М. А. Кронгауза, Анны А. Зализняк, А. Д. Шмелева, А. Н. Тихонова и др.

Категория аспектуальности в английском языке становится предметом исследования не так часто, как в русском. В основу исследования легли, в первую очередь, широкие типологические исследования глагольных категорий Э. Даля (Östen Dahl) и коллектива исследователей под руководством Дж. Байби (Joan Bybee), уже ставшая классической работа Б. Комри по аспектуальности,

работы русских ученых по глагольным категориям в английском языке (классические исследования А. И. Смирницкого и М. Я. Блоха (Москва), И. П. Ивановой (Ленинград) и др.), глубокие исследования глагольных категорий К. Бахе, П. М. Бертинетто, Р. Бинника, З. Вендлера, Дж. Лича и др.

В качестве гипотезы предполагается, что анализ соответствий в автопереводах В. В. Набокова покажет неэквивалентность аспектуальных языковых значений, обусловленную наличием/отсутствием признаков и категорий в русском и английском языках, при этом ряд аспектуальных значений в русском языке окажется невыраженным в английском языке.

Цель работы, как было уже сказано, — выявить основные закономерности и наиболее употребительные средства передачи на английском языке специфических аспектуальных значений русских глаголов совершенного вида, обозначающих начинательный, делимитативный, терминативный и завершительный способы действия.

В связи с этим в исследовании предстоит решить следующие задачи:

- 1) описать систему глагольного вида в современном русском языке;
- 2) описать основные аспектуальные значения и построить поле аспектуальности в современном английском языке;
- 3) выявить значимые аспектуальные оппозиции в английской глагольной лексике и сопоставить их с лексико-грамматическими классами русских глаголов;
- 4) определить понятие способа действия;
- 5) описать особенности выбранных для анализа глаголов начинательного, делимитативного, терминативного и завершительного способов действия;
- 6) сопоставить способы передачи конкретных способов действия в русском и английском языках на основе лингвистического материала и выявить закономерности, имея в виду не только сами грамматические формы глаголов, но и сопутствующие способы выражения аспектуальности в русском и английском языках.

В исследовании способов выражения аспектуальных признаков, присущих выбранным способам действия, используются как качественные методы, так и элементы количественных методов. К качественным методам относятся:

- морфологический анализ русских глаголов и выделение префиксов, связанных с аспектуальным значением;
- критерий Маслова для определения видовых коррелятов;
- лингвистическое описание фактов и их систематизации;
- контекстуальный анализ неглагольных средств выражения аспектуальных значений и условий актуализации глагольных сем в различных контекстах;
- сопоставительный анализ функциональных соответствий и речевых контекстов на русском и английском языках.

Количественные методы представлены методом сплошной выборки и элементами статистического анализа.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что сопоставительный анализ дает возможность прояснить характер соотношения разноуровневых функциональных единиц, выражающих аспектуальные значения в каждом из данных языков. Попытки построить функционально-семантическое поле аспектуальности в английском языке, объединяющее как видовременные категории, так и лексическую аспектуальность, обобщив данные типологических исследований и английских грамматик, по нашим данным, также не предпринимались. В практическом плане такие исследования могут быть полезными для развития навыков правильного сопоставления и перевода лексико-грамматических явлений с одного языка на другой.

Материал исследования взят из романа В. В. Набокова «Лолита» и автобиографии «Другие берега». «Лолиту» В. В. Набоков написал на английском языке (роман опубликован в 1955 году) и перевел сам на русский в 1960-е годы (перевод вышел в свет в 1967 году). Автобиография изначально была написана по-английски под названием “Conclusive Evidence” (1951), переведена на русский язык и расширена В. В. Набоковым («Другие берега», 1954), а затем английский текст был также расширен и получил название “Speak, Memory!” (1967). В исследовании используется материал из второй английской версии автобиографии. Выбор произведений В. В. Набокова в качестве основного материала продиктован наличием автоперевода и его высоким качеством. Примеры выбирались методом сплошной выборки (всего 112 примеров).

Архитектоника построения магистерской диссертации. Настоящее исследование объемом 170 страниц состоит из введения, четырех глав, заключения, двух приложений, списка использованной литературы, насчитывающего 71 наименование, списка справочных материалов, насчитывающего 7 наименований, списка источников, насчитывающего 5 наименований, резюме.

Введение раскрывает обоснование актуальности темы, формулирует цель и задачи исследования, его гипотезу, теоретическую и практическую значимость и методы, которые использовались в исследовании.

В первой главе обсуждаются основания для сопоставительного анализа материала из произведения В. В. Набокова — его билингвизм и переводческие идеи. Во второй главе обсуждаются аспектуальные признаки в лексическом значении русских и английских глаголов, классификация английских глаголов З. Вендлера, дается характеристика системы вида и аспектуальных значений глагола в русском языке, рассматривается категория аспектуальности в английском языке. Третья глава посвящена объекту и методологии исследования. В ней также описываются специфические аспектуальные признаки анализируемых способов глагольного действия. В четвертой главе выявляются способы передачи значений начинательного, делимитативного, терминативного и завершительного способов действия в английском языке и делаются выводы об основных выявленных закономерностях. В заключении изложены результаты проведенного анализа.

В приложениях приведены диаграммы по основным количественным выводам исследования.

Глава 1. Феномен Владимира Набокова: творчество, билингвизм, перевод

Владимир Набоков известен как выдающийся русско-американский прозаик, поэт, драматург, критик и переводчик. Его творчество в равной мере принадлежит как русской, так и американской литературе.

В. В. Набоков родился в Санкт-Петербурге 10 (22) апреля 1899 года, через сто лет после Пушкина и в один день с Шекспиром, в образованной состоятельной дворянской семье англоманов, где в обиходе использовалось три языка: русский, английский и французский. Вспоминая свое детство, писатель говорит о себе так в интервью Олвину Тоффлеру (март 1963 г.): «Между десятью и пятнадцатью годами в Санкт-Петербурге я прочитал, наверное, больше беллетристики и поэзии — английской, русской, французской, — чем за любой другой такой же отрезок своей жизни. Особенно я наслаждался сочинениями Уэллса, По, Браунинга, Китса, Флобера, Верлена, Рембо, Чехова, Толстого и Александра Блока. Другими моими героями были Скарлет Пимпернел, Филеас Фогг и Шерлок Холмс. Иными словами, я был совершенно обычным трехязычным ребенком в семье с большой библиотекой» (цит. по: Напцок 2008: эл. изд.).

После революции 1917 года В. В. Набоковым пришлось перебраться в Крым и в 1919-м эмигрировать из России. Владимир учился в Кембриджском университете, в Trinity College, получая стипендию для выдающихся русских эмигрантов. С 1922 по 1940 гг. В. В. Набоков живет в Берлине и Париже, дает уроки русского, английского и изредка играет эпизодические роли в фильмах, публикует романы на русском языке. Его читатели — русская диаспора, и он считается одним из крупнейших европейских писателей современности и полноправным продолжателем традиций великой русской литературы. С наступлением II мировой войны В. В. Набоков сбегает от наступающей немецкой армии в Америку, где живет до 1958 года, зарабатывая на жизнь чтением лекций по русской и мировой литературе в американских университетах. Далее

В. В. Набоков возвращается в Европу и с 1960 до смерти в 1977 живёт в Монтрё, Швейцария.

В. В. Набоков одинаково прекрасно писал на трех языках и делал переводы со всех трех и на все три языка, стихотворные и прозаические. Однако ведущими в его творчестве стали русский и английский. Он создал восемь романов на русском языке и восемь на английском. В. В. Набоков писал на русском языке под псевдонимом «Владимирь Сиринь» (в эмиграции сохранялась дореволюционная орфография); в Америке он известен как писатель Vladimir Nabokov. Он оставил два неоконченных романа: *Solus Rex* и *The Original of Laura*. *Solus Rex* он начал писать на русском языке в Париже зимой 1939-40 гг., это время стало последним периодом творчества на русском языке. Он так и не вернулся к работе над этим романом после эмиграции в США в мае 1940 года. Уже до отъезда из Европы В. В. Набоков начинает писать свой первый роман на английском языке, «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (*The Real Life of Sebastian Knight*, 1941). В США он почти полностью перешел на английский язык в творчестве и до конца своих дней написал на русском языке еще только автобиографию «Другие берега» и перевод собственного романа «Лолита» на русский язык. После смерти Набоков оставил неоконченный роман на английском языке «Оригинал Лауры» (*The Original of Laura*), опубликованный его сыном в 2009 году.

Говоря об особенностях языкового сознания В. В. Набокова, нельзя не упомянуть свойственные ему синестезию и билингвизм. В. В. Набоков обладал цветным слухом, видел буквы в цвете. Это — одно из проявлений синестезии, явления восприятия, «когда при раздражении данного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств» (БЭС).

Билингвизм — это одно из проявлений мультилингвальности, «реализация способности пользоваться попеременно двумя языками; практика попеременного общения на двух языках» (Новый словарь методических терминов и понятий). Билингвизм широко и плодотворно изучается как с позиций языкознания и методики преподавания иностранных языков, так и со стороны психосоциологии, нейропсихологии, этнокультурологии. Для настоящего исследования важно выделение переводческого билингвизма, под которым мы подразумеваем, вслед

за М. К. Кабакчи, профессиональное и свободное владение иностранным языком (Кабакчи 2011: 112, 116-117). Для работы посредником и обеспечения связи между разноязычными коммуникантами билингвизма недостаточно. И когда мы говорим о переводе, билингвизм — это не цель обучения, а всего лишь предварительное условие успешного обучения профессии переводчика. Билингвизм в литературе достаточно редок и не столь широко изучен; несомненный интерес представляет рассмотрение проблем писательского билингвизма в вышеуказанной статье М. К. Кабакчи.

У В. В. Набокова был координативный билингвизм: он владел языками в равной мере свободно, но каждому языку отводил определенное место в жизни и творчестве. На вполне ожидаемый вопрос о том, на каком языке он думает, будучи билингвом, В. В. Набоков отвечал, что думает не словами, а образами, поскольку «образы всегда бессловесны», но затем «вдруг немое кино начинает говорить», и писатель «распознает его язык» (цит. по: Рябова 2016: 796-798).

В билингвизме В. В. Набокова не было доминирующего языка, но переход на английский язык после переезда в Америку оказался для него мучительным. В интервью Питеру Дювалю-Смиту В. В. Набоков говорит (июль 1962 г.): «Моя личная трагедия, которая не может, которая не должна быть чьей-либо еще заботой, — состоит в том, что мне пришлось оставить свой родной язык, родное наречие, мой богатый, бесконечно богатый и послушный русский язык, ради второсортного английского» (цит. по: там же). Для него английский язык был «гораздо беднее русского: разница между ними примерно такая же, как между домом на две семьи и родовой усадьбой, между отчетливо осознаваемым комфортом и безотчетной роскошью» (цит. по: там же).

В 1964 г. в интервью журналу *Life* В. В. Набоков так описывает, какие роли играют языки в его жизни: «My head says English, my heart, Russian, my ear, French» (Моя голова разговаривает по-английски, моё сердце — по-русски, моё ухо — по-французски, перевод – Л.Г.) (Набоков 1964: эл. изд.). А позднее, в мае 1975 года в телеинтервью Бернару Пиво он развивает эту мысль:

«Язык моих предков и посейчас остается тем языком, где я полностью чувствую себя дома. Но я никогда не стану жалеть о своей американской метаморфозе. <...> Я, само собой разумеется, обожаю русский язык, однако английский превосходит

его в рассуждении удобства — в качестве рабочего инструмента. Он изобильней, богаче своими нюансами и в сновиденческой прозе, и в точности политической лексики» (цит. по: Рябова 2016: 796-798).

Для нашего исследования несомненный интерес представляют рассуждения замечания В. В. Набокова о структурных различиях между русским и английским:

«По количеству слов английский гораздо богаче русского. Это особенно заметно на примере существительных и прилагательных. Нехватка, неясность и неуклюжесть технических терминов – одна из самых неудобных черт русского языка». «С другой стороны, русский более богат средствами выражения определенных нюансов движения, человеческих жестов и эмоций. Так, меняя начало глагола, для чего в русском языке есть полдюжины приставок на выбор, можно добиться выражения чрезвычайно тонких оттенков длительности и интенсивности действия. Синтаксически английский язык чрезвычайно гибкое средство, но русскому доступны еще более тонкие изгибы и вариации» (цит. по: Рябова 2016: 796-798).

Такая оценка подчеркивает отличительную черту русского языка: наличие богатого семантического ряда приставочных глаголов движения (которые В. В. Набоков, как свидетельствует эта цитата, тонко чувствовал), а также дает возможность предположить, что при контекстуальном анализе фразы, рассматриваемые как переводческие эквиваленты, будут иметь разную длину. Это свойство русского языка отлично знакомо переводчикам: русский текст всегда длиннее английского.

После переезда в США В. В. Набоков занялся преподаванием и разработкой курса лекций по русской литературе для американских студентов, то обнаружил, что большое количество произведений русской литературы не было переведено на английский язык. Качество существующих переводов его тоже не устраивало. В. В. Набоков переводит на английский язык произведения русских поэтов — В. Ф. Ходасевича, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева и др.

Активная переводческая деятельность заставила такого скрупулезного и думающего человека, как В. В. Набоков, выработать свою теоретическую базу.

Она отразилась в его научных статьях: «Искусство перевода» (1941), «Проблемы перевода» (1955), «Тропую рабства» (1955), «Заметки переводчика» (1957), «Заметки переводчика-II» (1957).

В. В. Набоков впервые излагает свои взгляды на проблему перевода в статье “The Art of Translation” («Искусство перевода»), опубликованной 4 августа 1941 г. Эта статья примечательна по нескольким причинам. Во-первых, В. В. Набоков описывает три вида ошибок, которые может сделать переводчик:

“The first, and lesser one, comprises obvious errors due to ignorance or misguided knowledge. This is mere human frailty and thus excusable. The next step to Hell is taken by the translator who intentionally skips words or passages that he does not bother to understand or that might seem obscure or obscene to vaguely imagined readers; he accepts the blank look that his dictionary gives him without any qualms; or subjects scholarship to primness: he is as ready to know less than the author as he is to think he knows better. The third, and worst, degree of turpitude is reached when a masterpiece is planished and patted into such a shape, vilely beautified in such a fashion as to conform to the notions and prejudices of a given public. This is a crime, to be punished by the stocks as plagiarists were in the shoebuckle days” (Набоков 1941: эл. изд.).

Как мы видим, В. В. Набоков склонен простить переводчику ошибки или опущения (лакуны), вызванные плохим знанием языка, но не искажение текста в угоду представлениям и предрассудкам читателей. В этой позиции мы видим истоки переводческого буквализма¹ В. В. Набокова. Укажем некоторые важные положения переводческой концепции В. В. Набокова.

Как отмечает Т. Ю. Айкина, взгляды В. В. Набокова на перевод эволюционировали с развитием его творческой деятельности; они сформировались в теорию буквализма только на позднем этапе его творчества, в последние двадцать лет жизни (Айкина 2011: эл. изд.). Буквальный перевод ведет

¹ Буквализм — ошибка переводчика, заключающаяся в передаче формальных или семантических компонентов слова, словосочетания или фразы в ущерб смыслу или информация о структуре. Примеры: "Je ai deux enfants" (фр.) — я имею двоих детей (вместо "у меня двое детей"), journal (фр.) — журнал (вместо "газета") (Краткий словарь переводческих терминов)

свою историю от перевода библейских священных текстов², когда переводчики стремились как можно точнее передать или даже скопировать священное писание на другом языке.

В. В. Набоков также стремился к точности перевода, но в его переводческой деятельности термин «буквализм» наполнился несколько иным значением. Рассматривая всевозможные ассоциативные ряды, которые вызывает пушкинская строка «Я помню чудное мгновенье...», В. В. Набоков отмечает, что выражение «буквальный перевод» не имеет смысла, поскольку при взаимодействии слов рождаются новые смыслы (“the three main words of the line draw one another out, and add something which none of them would have had separately or in any other combination”), а семантически ряды не совпадают («non-correspondence of verbal series in different tongues») (Набоков 1941: эл. изд.). Переводческий буквализм В. В. Набокова воплотился, наверное, наиболее ярко в переводе «Евгения Онегина» на английский язык — прозаическом, снабженным 2 томами комментариев. Т. Ю. Айкина предлагает оценивать буквализм В. В. Набокова как «функциональный буквализм, предполагающий сочетание точности и эстетического впечатления от перевода», который не является отклонением от категории эквивалентности. По ее мнению, переводческие взгляды В. В. Набокова близки современному переводоведению и составляют важнейший этап в его развитии (Айкина 2011: эл. изд.).

В статье “The Art of Translation” («Искусство перевода») В. В. Набоков рассуждает также о том, каким качествами должен обладать переводчик художественной литературы и поэзии:

“We can deduce now the requirements that a translator must possess in order to be able to give an ideal version of a foreign masterpiece. First of all he must have as much talent, or at least the same kind of talent, as the author he chooses. ... Second, he must know thoroughly the two nations and the two languages involved and be perfectly acquainted with all details relating to his author’s manner and methods; also, with the social background of words, their fashions, history and period associations. This leads to the

² В теологии «буквализм» (англ. literalism) — это практика интерпретации библейских текстов прямым, конкретным и несимволическим способом (Вестминстерский словарь теологических терминов).

third point: while having genius and knowledge he must possess the gift of mimicry and be able to act, as it were, the real author's part by impersonating his tricks of demeanor and speech, his ways and his mind, with the utmost degree of verisimilitude" (Набоков 1941: эл. изд.).

Несомненно, все эти критерии были и будут определяющими для профессионализма художественного переводчика: литературный талант, широчайшая историко-культурологическая эрудиция, способность к мимикрии. Эффект, сходный с мимикрией вызывает участие автора в переводе или выполнение перевода самим автором.

С этой точки зрения, обращаясь к проблеме перевода иноязычных текстов писателя, М. К. Кабакчи выделяет перевод, осуществленный самим автором-билингвом, профессиональным переводчиком-билингвом, либо автором и переводчиком совместно (Кабакчи 2011: 115). Назовем это автопереводом (традиционный термин), просто переводом и авторизованным переводом соответственно.

Разница в эквивалентности автоперевода и просто перевода интуитивно понятна. И. А. Зюбина и Н. А. Кумпан проанализировали автоперевод «Лолиты» в два перевода романа на французский язык, чтобы увидеть, как индивидуально-личностные качества автора и его лингвистические привычки (речевое поведение) проявляются в тексте, а именно, как они влияют на «участи/неучастие коммуникантов в событии» (например, акцентируя отправителя или получателя текста при коммуникации). Речевое поведение билингва В. В. Набокова оказывается почти идентичным в русском и английском текстах «Лолиты», одному из переводчиков удается достаточно близко передать речевое поведение автора, другой же переводчик вносит в перевод свою личную стратегию, проявляет свое «я» (Зюбина, Кумпан 2015: 345-346).

Материал исследования взят из автопереводов романа «Лолита» и автобиографии «Другие берега» (1954) (Speak, memory!, 1967). В. В. Набоков написал «Лолиту» на английском языке (работа над романом началась в 1948 г., опубликован в Париже в 1955 году) и перевел сам на русский в 1963-1964 гг. (перевод вышел в свет в США в 1967 году). (история создания и переводов «Лолиты» подробнейшим образом освещена в: Самохина 2014: 287-288, 290).

Автобиографическая проза В. В. Набокова, по оценке Е. В. Васильевой, «уникальна и беспрецедентна» по нескольким причинам. Во-первых, его автобиография репрезентирована в трёх вариантах: “Conclusive Evidence: A Memoir” (1951), «Другие берега» (1954) и “Speak, Memory! [An Autobiography Revisited]” (1967). Все три текста были созданы с хронологическим отрывом друг от друга. Во-вторых, автобиографическую прозу В. В. Набокова отличает лингвистическая неоднородность: “Conclusive Evidence” и “Speak, Memory!” написаны на английском языке, а «Другие берега» — на русском языке (Васильева 2005: 3, 11-13). В 1999 году вышел перевод С. Ильина английской биографии “Speak, Memory!” на русский язык под названием «Память, говори», и это подчеркивает тот факт, что «Другие берега» и “Speak, Memory!” по сути разные произведения.

Сравнивая историю создания и тексты трех вариантов автобиографии, Е. В. Самохина выявляет:

— около 40 фрагментов текста, «скупо намеченных в “СЕ”, разрастающихся в “ДБ” и превратившихся в полноценный эпизод в “СМ”»,

— 60 примеров, в которых «фрагменты англоязычных вариантов “СЕ” и “СМ” абсолютно идентичны по отношению друг к другу, а русскоязычная книга “ДБ” таким фрагментом не обладает вообще»,

— 10 примеров, где в “СЕ” отсутствует фрагмент текста в силу лаконичности книги,

— 22 фрагмента, в которых «русский отрывок текста существенно отличается от англоязычных из-за ориентации на русскоязычную аудиторию»,

— ряд фрагментов случаев, когда более поздний текст “СМ” отличается от фрагментов, “СЕ” и “ДБ” «совпадают полностью, а более поздний текст “СМ” отличается в силу изменившихся авторских установок» (Васильева 2005: 15-16). Принимая во внимание эти выводы, для исследования были выбраны две более поздние редакции автобиографии, но если выявлялось несоответствие в тексте, то во внимание принималась и автобиография “Conclusive Evidence”.

Итак, В. В. Набоков обладал координативным билингвизмом: русским и английским он владел одинаково свободно, ни один язык не доминировал, и ин

отводил каждому языку определенное место в жизни и творчестве. Парадоксальным образом он написал одинаковое количество романов на русском и английском языках. Русский период его творчества совпадает с периодом жизни в России и Европе, на английском языке он стал писать после переезда в США.

В. В. Набоков много занимался переводами русской прозы и поэзии и был теоретиком перевода. Его переводческую концепцию сегодня называют буквализмом, поскольку он предъявлял высокие требования к точности перевода. Однако для него понятие точности включало не только не столько лексическую эквивалентность, как передачу духа текста, его стилевой и эстетической составляющей.

Материал для анализа взят из двух автопереводов В. В. Набокова, т.е. выполненных им переводов его собственных произведений, преимущественно по направлению с английского на русский: романа «Лолита» (роман опубликован на английском языке в 1955 г., на русском — в 1967 г.) и автобиографий «Другие берега» (1954) и "Speak, Memory!" (1967). В. В. Набоков перевел на русский язык свой роман «Лолита», написанный изначально на английском языке, живя в США. Свою автобиографию он также изначально написал на английском (Conclusive Evidence), затем перевел ее на русский язык, расширив (Другие берега), а затем вновь переработал английский вариант (Speak, memory!), причем все три варианта автобиографии отличаются по содержанию, но наиболее полными являются две последние.

Глава 2. Аспектуальность в русском и английском языках

2.1. Классы и таксономические категории глаголов

В этом разделе рассматриваются аспектуальные признаки в лексическом значении глаголов (называемые также акциональными признаками), аспектуально-семантическая классификация глаголов Вендлера в английском языке и проводится ее сопоставление с аспектуально-семантическими классами парных глаголов и со способами глагольного действия в русском языке.

Рассмотрение аспектуальности в русском и английском языках начнем с аспектуальных признаков в лексическом значении глаголов. Такой подход к изучению аспектуальности можно назвать семантическим. Аспектуальные признаки в лексическом значении глаголов важны для понимания аспектуальности в русском языке, и играют кардинальную роль в английской аспектуальности. Они определяют тип события или ситуации, обозначаемой глаголом (или, правильнее, предложением). В настоящее время аспектуальные признаки в лексическом значении глаголов часто называют акциональными и относят к сфере акциональности (ср. Татевосов 2005: 109-110; Vache 1995: 12; Vache 2008: 109; Bertinetto 1986: 83-86; Bertinetto 1997: 16-19; Bertinetto, Delfitto 2000: 190). Нередко под аспектуальностью в английском языке понимаются только семантические признаки глагола (ср. Langacker 1982: 265 и далее). В этом и заключается основное отличие проявления и оценки аспектуальности в русском и английском языках. Можно несколько не согласиться с мнением Л. Ясаи о том, что «наличие чисто грамматической и, как правило, достаточно регулярной имперфективации позволяет говорить о славянском виде как о морфологической категории. Отсутствие же аналогичного процесса и тем самым чисто видовых корреляций в неславянских языках относит всю проблематику вида в этих языках к области синтаксиса и лексики» (Ясаи 1997: 70). Английские видовременные формы также несут аспектуальные значения, но на них оказывают влияние аспектуальные признаки в лексическом значении глаголов.

Признак предельность / неопредельность (telicity / atelicity, boundedness)

Предельность характеризует действия с точки зрения его направленности / ненаправленности к пределу (границе). Предельными называются те глаголы, в семантике которых есть «указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел» (Маслов 1984/2004: 29, см. также: Маслов 1978/2004: 315). Семантику предельности / неопредельности можно определить «как наличие/отсутствие внутреннего предела в языковом представлении действия» (Бондарко 2002: 399) или как «предел, на который действие направлено и после достижения которого оно прекращается» (Петрухина 2009: 77).

Есть некоторые различия в проявлении признака предельности в русском и английском языках. В английском языке предельность глагола может выражаться через объект, который знаменует конечную точку развития ситуации, ср. *Joe is reading* (неопредельный), *Joe is reading a book* (предельный). Один и то же глагол может выступать и как предельный, и как неопредельный. Примеры предельных контекстов: *He drank a cup of coffee. She built a house. I ran home.* Глаголы в формах разряда Continuous обычно неопредельные. Подробный обзор литературы по влиянию объекта на предельность глагола см. в (Depraetere 1995: 9).

Есть несколько тестов на проверку предельности глагола. Один из них предложен Б. Комри:

"if a sentence referring to this situation in a form with imperfective meaning (such as the English Progressive) implies the sentence referring to the same situation in a form with perfective meaning (such as the English Perfect), then the situation is atelic; otherwise it is telic. Thus from *John is singing* one can deduce *John has sung*, but from *John is making a chair* one cannot deduce *John has made a chair*. Thus a telic situation is one that involves a process that leads up to a well-defined terminal point, beyond which the process cannot continue" (Comrie 1976: 44-45).

Другой тест — сочетаемость с обстоятельствами времени "in (some time frame)" или "for (some time frame)". Ср. *Shakespeare wrote Hamlet in 3 months* (предельный глагол) **Shakespeare wrote Hamlet for 3 months (then he gave up)*.

В русском языке определить предельность/неопредельность глагола позволяет лексическая система языка: предельные глаголы входят в предельные

пары, где глагол несов. вида обозначает процесс, направленный на достижение предела (ср. *Долго убеждал; Он засыпает (= вот-вот заснет); Дерево падает (= вот-вот упадет)*), а глагол сов. вида — событие, к которому привел этот процесс (ср. *Наконец он нас убедил; Он заснул; Дерево упало*) (примеры из: Бондарко 2002: 398 и Петрухина 2009: 77-81). Предельность проявляется по-разному: в глаголах несов. вида внутренний предел представляется потенциальным, и выражена направленность на его достижение, а в глаголах сов. вида внутренний предел выглядит реальным, достигнутым. Самый простой тест на определение такой пары: употребление пары во фразе типа «строить, строить и построить» (ср. Зализняк, Шмелев 2015а: 65; Петрухина 2009: 77-81).

В некоторых случаях глагол, неопредельный в некоторых значениях, становится предельным в сочетании с дополнением (определенного типа) или с обстоятельством границы (цели) действия (ср. *курить* и *курить/выкурить сигарету, идти (медленно)* и *идти/прийти сюда*) (примеры из: Маслов 1978/2004: 315-316).

Отсутствие указания на предел отдельного действия характеризует его как неограниченное в своем проявлении, т.е. неопредельное, и соответствующие неопредельные глаголы имеют несовершенный вид (*смотреть, спать*). Иными словами, непарные глаголы несов. вида всегда неопредельны. Разница между значением несовершенного вида неопредельных и предельных глаголов состоит в том, что в первых его нет, а во вторых он еще не достигнут. Объединяет глаголы несовершенного вида отсутствие границы в проявлении действия. В случае многократного действия (ср. *Я каждый день прогуливаюсь по набережной*), граница может быть у отдельного действия, но "цикл действий" не завершается.

**Признак мгновенность / длительность (punctual / durative),
однократность / многократность (semelfactive / iterative)**

Признак длительности отражает одну из сторон широкого понятия времени. Семантику длительности подробно описывает А. В. Бондарко (Бондарко 2002: 427-436), основываясь на соответствующем разделе тома «Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис» (1987). Признак длительности выступает как

«положительная» величина, означая долговременность, и как «отрицательная» величина, означая мгновенность, кратковременность.

Длительность как признак глагольного предиката может быть выражена разными средствами. Различают внутреннюю и внешнюю детерминацию длительности. Внутренняя детерминация длительности связана с лексической или грамматической семантикой глагола. Внутренняя детерминация имеет ключевое значение для глаголов ограничительного способа действия (*посидеть* — некоторая ограниченная длительность) и терминативного способа действия (*проговорить* — подчеркнутое отсутствие длительности). Внешняя детерминация выражается, в первую очередь, различными обстоятельствами.

Эксплицитная длительность сопряжена с употреблением определенных формальных средств (например, повтор глагола несов. вида: *А он все говорит и говорит*). Если же длительность специально никак не выражена, но подразумевается, то речь идет об имплицитной длительности. Имплицитной длительностью обладают глаголы начинательного способа действия. Они, обозначая начальную фазу действия, ограниченную пределом, подразумевают его продолжение (*Она затараторила*).

Глаголы с отрицательной длительностью называют пунктивными или моментальными. Здесь хотелось бы остановиться на смежной стороне мгновенности: однократности (семельфактивности) и многократности (итеративности). Эта категория определяет семантические отношения в видовой паре в русском языке: в тривиальной видовой паре семантические отношения устанавливаются на основании однократности / многократности (*дать – давать*), а в семельфактивной видовой паре — на основании соотношения одноактность / многоактность или мультипликативность (*кинуть - кидать, махнуть – махать*), где «имперфективный член описывает некоторую деятельность, а перфективный указывает на единичный “квант” этой деятельности» (Зализняк, Шмелев 2015а: 68, ср. Маслов 1978/2004: 32). Некоторые английские глаголы могут иметь как значение однократности, так и многократности, ср. *to cough*. Для таких глаголов важны морфологические показатели видовременной формы и контекстуальные средства для прояснения характера глагола.

Стативные (stative) и динамические (dynamic) глаголы

Разделение глаголов на стативные и динамические отражает противопоставление ситуаций, которые длятся и не изменяются во времени (стативные), и ситуации, в которых есть изменение (динамические). Б. Комри указывает, что если состояние ничем не нарушается, то оно длится: “with a state, unless something happens to change that state, the state will continue... (ср. *to stand* или *to know* — прим. Л.Г). With a dynamic situation, on the other hand, the situation will only continue if it is continually subject to a new input of energy” (Comrie 1976: 49). Энергия для поддержания динамической ситуации может поступать как изнутри, так и извне: ср. *John is running; The oscilloscope is emitting a pure tone at 300 cycles per second* (примеры: там же). Поскольку мгновенные ситуации всегда подразумевают изменение состояния, то они всегда динамические. Другие типы динамической ситуации: действие в узком смысле (action), которое совершает агент (agent); процесс (process), который описывает внутреннюю структуру разворачивающейся ситуации; событие (event) — динамическая ситуация, представленная как единое целое.

Данные аспектуальные оппозиции актуальны и для русского языка. В рамках ФСП аспектуальности Ю. С. Маслов выделяет качественную и количественную аспектуальности. К количественной аспектуальности относятся однократности / многократности, степени длительности и степени интенсивности. К качественной аспектуальности относятся статика / динамка, предельность / неопредельность, а также фазовая детерминация, т.е. «выделение одной из фаз в протекании действия или состояния — начальной, серединной или конечной» (Маслов 1978/2004: 321).

Фазовая детерминация актуальна для начинательного и завершительного способов действия (выделение начальной и конечной фаз соответственно). Датский лингвист К. Бахе относит фазовую детерминацию к проявлению признака длительности, где можно выделить начало, середину и конец действия, а в мгновенных ситуациях начало, середина и конец смыкаются. В английском языке фазовость может быть представлена сочетаниями с фазовыми глаголами *to*

read/to begin reading/to finish reading или фразовыми глаголами *to eat/to eat up, to drink/to drink up* (Bache 1995: 233, 237).

При изучении глаголов от значения к форме (функциональный подход), глаголы группируются по типам описываемых ими ситуаций, актантной структуре, и эти типы ситуаций называют аспектуальными классами, акциональными классами и т.д. (подробный обзор терминологического многообразия см. в Татевосов 2005: 110). Наиболее часто исследователи используют семантическую классификацию глагольных значений в английском языке Зено Вендлера (Vendler 1957).

Понятие глагольного класса, выдвинутое З. Вендлером, обозначает разделение глагольных лексем на accomplishments (глаголы «свершения»), states (глаголы «состояния»), activities (глаголы «деятельности»), achievements (глаголы «достижения»).

В глагольных классах отражены семантические признаки стремления действия к пределу и связь с моментом времени или периодом. Они были выделены на основании разной глагольной синтаксической сочетаемости (с обстоятельством времени и длительности) и морфологического характера (возможность или невозможность образования видовременных форм). Глаголы, входящие в один класс, имеют общие аспектуальные значения. Их отношение к вышеуказанным аспектуальным признакам наглядно представлено в (Bertinetto 1997: 18-19).

Классы activities и accomplishments объединяет то, что они допускают использование форм разряда Continuous. Они длительны и стативны, отличаются предельностью: к классу activities относятся неопределенные глаголы (*to run, to push a cart*), а к классу accomplishments — предельные (*to run a mile, to draw a circle*) (примеры из Vendler 1957: 145-146).

Класс achievements обозначает динамические события, которые происходят моментально, дают скачкообразный переход в новое состояние (*to recognize, to find*). У этой ситуации нет подготовительной стадии, поэтому они не сочетаются с разрядом Continuous для обозначения разворачивающегося в момент речи действия: **I am reaching the top*. Форма Continuous возможна для выражения

многократности: *The soldiers are already reaching the summit* (примеры из Vendler 1957: 147, Comrie 1976: 43). Эти глаголы соотносятся с грамматически предельными глаголами в русском языке, т.е. с глаголами сов. вида (Бондарко 1996: 130).

К классу *states* относятся состояния, которые не предполагают изменения во времени. Они длительны, неопределены (*to know, to love*).

У З. Вендлера были предшественники, которые внесли вклад в изучение аспектуальной семантики, заключенной в лексическом значении глагола (в русистике – Ю. С. Маслов (Маслов 1948/2004; Падучева 2009а), более широкий контекст начиная с Аристотеля см. в (Binnick 1991: 172-173). Но именно классификация Вендлера принята в качестве отправной точки в большей части последующих исследований аспектуальности и акциональности (см. Татевосов 2005: 110-114), в частности, она выступает один из элементов двухкомпонентной теории вида К. С. Смит как ситуационный тип, т.е. «способ категоризации обозначенной в предложении ситуации» (Смит 1998: 405, см. также 408-410), ее интерпретирует как категорию действия (*action*) К. Бахе (Bache 1995: 12; Bache 2008: 109). При применении классификации Вендлера к материалу разных языков многие лингвисты полагают, что акциональные системы в языках совпадают, и в каждом языке предикаты в общем распадаются на классы, которые З. Вендлер установил для английского языка, иногда с некоторыми модификациями (см. сводную таблицу в Татевосов 2005: 112-113).

С. Г. Татевосов справедливо полагает, что классификация Вендлера не универсальна: для исследования частных акциональных систем нужен более детальный анализ. В частности, он считает, классификация, основанная на данных английского языка, не подходит для анализа русского: в английском языке — словоизменительная категория вида, и «глагольная основа реализует весь свой аспектуальный потенциал внутри лексемы», а в русском «деривационная морфология создает новые лексемы, которые отличаются от производящих не набором аспектуальных (в узком смысле) свойств, а неаспектуальными компонентами лексического значения» Татевосов 2005: 138). Вот как он оценивает возможность применения для русского языка разработанной им схемы оценки акциональных классов в языках со словоизменительной категорией вида:

«Сумма значений, которая в английском языке описывается формам одной лексемы, например, *build* 'строить' (*is building* и *built*), в русском языке распределена по разным лексемам — построить и строить. На том основании, что *is building* имеет значение ПРОЦЕСС, а *built* - значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, мы относим глагольную лексему *build* к классу сильных предельных — <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>. В русском языке *построил* и *строил* имеют такие же акциональные значения, но какому лингвистическому объекту можно было бы приписать характеристику <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>, если *построить* и *строить* являются разным лексемами? Акциональная характеристика отдельно взятого русского глагола любого вида — это в подавляющем большинстве случаев ровно половина характеристики соответствующего глагола в языках со словоизменительным видом. Это означает, что описанная выше процедура к языкам типа русского неприменима» (Татевосов 2005: 138).

Более наглядно это затруднение видно в (Зализняк, Шмелев 2015а), где для разных групп глаголов сов. и несов. вида указывается соответствующий класс Вендлера (см. Приложение 1), и в других попытках перенести классификацию Вендлера на славянскую почву (в частности, Падучева 1996/2010: 107).

Самая известная попытка принадлежит, пожалуй, Е. В. Падучевой, которая предложила для классификации понятие «таксономическая категория» (Т-категория). В классификации Падучевой восемь категорий, вместо четырех Вендлера. Три дополнительные категории возникают из того, что категории *activities*, *achievements*, *accomplishments* делятся каждая на две по признаку контролируемости / неконтролируемости (преднамеренности / непреднамеренности). При этом неконтролируемые *achievements* являются *happenings*, неконтролируемые *accomplishments* — предельными процессами, а неконтролируемые *activities* — непредельными процессами. Четвертая категория возникает из противопоставления временных состояний вневременным свойствам и соотношениям (Падучева 1996/2010: 107). Производные Т-категории, образованные способами глагольного действия, в классификацию не вошли.

Мы сопоставили нескольких классификаций, основанных на классификации Вендлера: Б. Комри (заявленную как типологически универсальную), вышеупомянутую классификацию Е. В. Падучевой (без

параметра контролируемости), а также объединили разрозненные указания на соответствия классам Вендлера в (Зализняк, Шмелев 2015а). Сравнительная таблица представлена в Приложении 1.

В таблице в Приложении 1 видно, что русские глаголы имеют очень разнообразную акциональную структуру и их сложно однозначно разбить на 4 группы. По словам Е. В. Падучевой, «отнесение глаголов к одному из классов Вендлера иногда определяется не структурой ситуации как фрагмента действительности, а структурой языка» (Падучева 1996/2010: 92). Некоторые пары оказываются «разорваны» и разнесены в разные классы, другие попадают целиком в один класс, что лишает логики объединение глаголов в пары.

Трудности сопоставления групп русских глаголов с классами Вендлера хорошо видны на примере градационных пар (*лысеть* — *полысеть*, *повышаться* — *повыситься*). Они близки предельным парам (*доказывать* — *доказать*). Отличие состоит в том, что когда мы что-то доказываем, предел этого действия абсолютно ясен. А вот если цены повысились, то они могут и продолжить повышаться. Если человек полысел, то, вероятно, процесс продолжится, и он будет и дальше лысеть, пока не облысеет (а это — предел). В предложениях типа «Ну, ты совсем полысел» наречие «совсем» означает не предел, а качественную оценку («сильно»). Так что глаголы сов. вида означают не достижение предела, а некоторую промежуточную остановку. Предельность у них – грамматическая, она обусловлена особенностями сов. вида, но обнаруживается это только при внимательном семантическом анализе, и ощущаются они полноправными членами класса *achievements*. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев относят оба глагола пары к классу *activity* (Зализняк, Шмелев 2015а: 70).

В (Зализняк, Шмелев 2015а) соотношения с классами Вендлера указаны только для основных типов видовых пар. Дополним список соответствий:

— *семельфактивные* пары (*махать/махнуть*): глаголы несов. вида относятся к *activities*, а глаголы сов. вида относятся к *accomplishments*;

— *ингрессивные* пары (*бежать/побежать*): от перфектных пар (*слышать/услышать*) их отличает то, что в них речь идет о начале действия, а не состояния, так что глаголы несов. вида относятся к *activities*, а глаголы сов. вида относятся к *achievements*;

— инхоативные пары (*закупать/закупеть*): глаголы несов. вида обозначают процесс и относятся к *activities*, а глаголы сов. вида относятся к *achievements*.

Что касается рассматриваемых в работе способов действия, отметим, что глаголы делимитативного способа действия не соотносятся напрямую ни с одним из глагольных классов Вендлера, ни глаголы «исполнения» (*accomplishments* – *построил, вымыл*), ни глаголы «достижения» (*achievements* — *нашел, споткнулся*) не могут сочетаться с обстоятельством длительности (*поспал два часа*) (Падучева 1996: 106). Делимитативы обозначают действие, длящееся в течение определенного отрезка времени, они обозначают «порцию» действия, ср. *посидел, потом походил, потом еще посидел*. Делимитативы здесь сравниваются с *accomplishments* или *achievements* из-за того, что только эти два класса включают предельные глаголы. Однако делимитативы обозначают законченную деятельность и сочетаются с обстоятельством длительности, не предполагая достижения предела или результата (особенность их семантики более подробно описана в следующей главе). Видится, что делимитативы имеют больше общего с *accomplishments*, которые обозначают предельные процессы или состояния. Другую точку зрения предлагает С. М. Дики со ссылкой на П. Дж. Хоппера, относя делимитативы к классу *activities*: «by expressing a perfective construal of atelic activities, delimitatives in fact perform a crucial systemic function in Russian — the extension of the aspect opposition to a whole class of atelic verbs, i.e., Vendler's activities (Dickey 2007: 329). Начинательные инхоативные, терминативные и завершительные глаголы, скорее всего, следует отнести к *achievements*: как указано выше, этот класс глаголов соотносится с грамматически предельными глаголами.

В заключение хочется отметить, что хотя русская глагольная система, очевидно, не полностью соответствует классификации Вендлера, такие соответствия можно устанавливать в индивидуальных случаях. В русском языке последовательно выделяются некоторые группы глаголов, которые соответствуют классам Вендлера, что полезно как для понимания и семантических взаимоотношений внутри видовых пар, так и своеобразия отдельных пар целиком.

2.2. Аспектуальность в русском языке

2.2.1. Вид в русском языке как грамматическая и понятийная категория

В данном разделе рассматриваются особенности категории вида в русском языке, понятие видовой пары и ее вычленимости. Семантика категории вида представляется сквозь призму функционально-семантического поля. В разделе обсуждаются категориальные для аспектуальности признаки целостности, ограниченности действия пределом (и связанная ним категория предельности), а также признак «возникновение новой ситуации» (секвентная связь) и признак длительности. В заключение вводятся смежные понятия темпоральности и таксиса.

Аспектуальность отражает внутреннюю характеристику протекания действия и его распределения во времени. Она имеет универсальный смысл и как семантическая категория существует во всех языках мира. В русском языке грамматической реализацией аспектуальности является вид. Носители русского языка усваивают систему видового противопоставления с рождения и употребляют в речи ту или иную форму глагола автоматически, безошибочно и неосознанно, в отличие от тех, для кого русский язык не является родным, в том числе и прекрасно владеющих русским языком.

«Единицей измерения» вида в русском языке являются видовые пары. Видовая пара объединяет два глагола, совершенного и несовершенного вида, которые не отличаются лексическим значением. Парные глаголы отличаются значением вида, который носит грамматический характер. Вид в русском языке — регулярная и обязательная категория, она выражается во всех глагольных формах. Невозможно употребить глагол и не выразить категорию вида. В зависимости от смысла высказывания русская языковая система заставляет носителя языка каждый раз употреблять в устной или письменной речи глагольную лексему в форме либо несовершенного вида (несов. вид, НСВ), либо совершенного вида (сов. вид, СВ).

Видовые пары в русском языке выделяются на основе функционального принципа: в определенных контекстах употребить глагол сов. вида становится невозможным, и вместо него употребляется глагол несов. вида. Этот метод был предложен Ю. С. Масловым: «Объективным критерием тождества лексического значения перфектива и имперфектива и основанием для их функционального объединения в составе одной лексемы служит возможность замены перфектива данным имперфективом. Такая замена возможна и даже обязательна в определенных типах контекстов, в частности, в историческом настоящем, в сценическом настоящем, при итеративизации и т.д.» (Маслов 1984/2004: 91). Критерий Маслова является одним из методов настоящего исследования и подробнее рассмотрен в соответствующем разделе.

Глаголы в видовой паре связаны разными типами семантических отношений. Во-первых, это предельные пары (*убеждать/убедить*), затем — противопоставленные по однократности и многократности тривиальные пары (*дать/давать*), перфектные (*слышать/услышать*), пролептические (*умирать/умереть*) и др. (см. подробнее в: Зализняк, Шмелев 2015а: 64-70).

Важно помнить, что понятие видовой пары касается не глагола в целом, а лишь отдельных его значений: в разных значениях глагол может формировать пары с разными глаголами. Например: *порвать/рвать* (на части), *порвать/порывать* (отношения, хотя в разг. речи допустимо и *рвать отношения*). На формирование видовой пары может влиять и стилистика.

В данной работе мы будем опираться на понятие функционально-семантического поля (ФСП), разработанное в трудах А. В. Бондарко. ФСП представляет собой «систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, словообразовательных, синтаксических, лексических), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций», например аспектуальность, темпоральность, персональность, залоговость, кондициональность и т.д. (Бондарко 1984: 5, 21-23). Под семантическими функциями здесь понимаются те же грамматические значения, которые выделяются традиционной грамматикой. К примеру, аспектуальные значения связаны с качественно-временной и количественной характеристикой действия, т.е. выражением характера протекания действия во времени (значение

начинательности, ограниченности протекания во времени, интенсивности и т.п.). Различие в терминах призвано, на наш взгляд, подчеркнуть разницу в подходе: традиционная грамматика изучает языковые явления, идя от формы к значению, а функциональная грамматика, наряду с этим способом, ведет изучение от значения к форме. Изучение от значения к форме позволяет выделить, с одной стороны, набор универсальных значений, а с другой стороны, языковые средства, способные выражать эти значения, т.е. выполнять определенные семантические функции. В дальнейшем, при изучении разноуровневых языковых средств, выражающих аспектуальные значения, мы будем придерживаться термина «грамматическое значение».

ФСП аспектуальности в русском языке описано А.В.Бондарко. Оно является моноцентрическим. В его центре находится категория вида, которая охватывает всю систему русского глагола и является обязательной для глагола в целом. К периферии поля аспектуальности относятся способы глагольного действия, аспектуальные признаки в лексическом значении глаголов (предельность/непредельность, статичность и т.п.), а также семантические признаки, передаваемые обстоятельствами временного образа действия типа «долго», «медленно», «постепенно», «вдруг» и т. п. (Бондарко 2002: 366).

Поиск семантического инварианта сов. и/или несов. вида, т.е. общего значения категории вида, имеет давние традиции, этому вопросу посвящено немало литературы. Как правило, ученые определяют видовую семантику через один или, чаще, несколько видовых признаков, поскольку «многогранность русского вида такова, что охватить ее одним признаком, как бы значителен он ни был, практически невозможно» (Барентсен 1998: 43).

А. В. Бондарко предложил рассматривать семантику аспектуальности (сквозь призму ФСП) в виде набора признаков. Категориальные признаки заключены в значениях видовых форм, они составляют инвариант значения. Кроме категориальных признаков, которые будут рассмотрены ниже, к семантике аспектуальности относятся признаки длительности, фазовости, лимитативности, кратности, перфектности, акциональности, стательности и реляционности, подробно рассмотренные в многотомнике «Теория функциональной грамматики». Аспектуальные признаки могут быть активизированы или находиться в положении

нейтрализации в определенных контекстах. Другим способом представления аспектуальных признаков может быть иерархически упорядоченная структура (ср. трехступенчатая модель А. Барентсена в: Барентсен 1998).

В современной аспектологической теории инвариант наиболее удачно определяется как «ограниченность действия пределом» в сочетании с признаком целостности (термины Бондарко 2002, см. также: Шелякин 1983). Семантически маркированной формой большинством лингвистов признается форма сов. вида, в ней заключены категориальные значения. Форма несовершенного вида является немаркированной. Хотя мы склонны согласиться с Анной А. Зализняк и А. Д. Шмелевым в том, что понятие инварианта не является основным для определения категории вида в русском языке, понятия предельности и целостности как инвариантные для сов. вида (или категориальные признаки), а также другие аспектуальные признаки важны и могут плодотворно использоваться в аспектологических исследованиях и в практике преподавания РКИ.

Целостность действия имеет две стороны: нечленимость его на фазы (начальную, серединную и конечную) и отсутствие динамической структуры разворачивания действия во времени, т.е. процессности. Глаголы несов. вида как раз выражают эксплицитную процессность, которая разворачивается во времени и выделяет серединную фазу.

Представление целостности через нечленимость действия на фазы не противоречит выделению начальной или конечной фаз действия (*занять, допеть*). Такие глаголы представляют целостность одной фазы действия — начальной или конечной соответственно, остальные фазы действия могут имплицироваться лексическим значением глагола и/или подкрепляться в контексте.

Говоря о процессности, необходимо подчеркнуть, что речь идет только об эксплицитной процессности. Имплицитная процессность может быть выражена глаголом сов. вида, ср. *Замолкли не сразу, а постепенно* (пример из: Бондарко 2002: 368). Обстоятельства предполагают процессность, в то время как действие обладает целостностью и выраженным пределом.

Инвариантное значение на основе семантического понятия предела действия трактуется с «точки зрения направленности / ненаправленности действия к внутреннему пределу, в достижении которого оно прекращается» (Шелякин 1983: 157). «Ограниченность действия пределом» связана с исчерпанностью действия, достижением границы его проявления. Признак «ограниченности действия пределом» как инвариант совершенного вида следует отличать от лексико-семантической категории предельности, согласно которой глаголы традиционно делятся на предельные и непредельные. Напомним, предельные глаголы в русском языке входят в так называемые предельные пары, где глагол несов. вида обозначает процесс, а глагол сов. вида — событие, к которому привел этот процесс (ср. Зализняк, Шмелев 2015а: 61-62, 65). Самый простой тест на определение такой пары: эти глаголы можно употребить во фразе типа «строить, строить и построить».

Проблемы, связанные с признаком «ограниченности действия пределом» как инвариантом совершенного вида в русском языке, можно свести к двум. Во-первых, это неоднородность терминологии для обозначения данного понятия: глаголы целенаправленной и нецеленаправленной деятельности, терминативные и нетерминативные, *telic* и *atelic*, *bounded* и *unbounded*. Во-вторых, растяжимость этого понятия. Например, М. А. Шелякин трактует предельность как ограниченность действия в своем проявлении и выделяет такие виды предела:

— "предусмотренный, неизбежный результат или цель действия" (рисовать картину, варить суп);

— "временная граница определенной длительности" (*посидеть немного, крикнуть, промычать*);

— "временная граница начала или конца действия" (*запеть, отслужить*);

— "крайняя граница развития интенсивности разового действия" (*разбушеваться*);

— "продолжительности и интенсивности действия" (*засмотреться*);

— "длительности или повторяемости действия с оттенком интенсивности" (*наестся*);

— "кратного проявления действия" (*изолгаться*) и др. (Шелякин 1983: 11, см. также Шелякин 1987: 63-84).

С точки зрения традиционного понимания предельности, такая трактовка предела кажется несколько чрезмерно расширенной и не вполне естественной. Понятие предела связано с базовой категорией времени, поэтому предел интуитивно связывается с прекращением, завершением действия, а не с его началом. Кратность действия включает в себя как его начало, так и завершение, так что это частный случай предельности. Интенсивность же указывает на количественную характеристику, которая сопровождает завершение действия.

А. В. Бондарко различает тендентивную и нетендентивную предельность, которые отражают соответственно узкое и широкое понимание предельности (Бондарко 2002: 399-400, более подробно об узком и широком понимании предельности в Бондарко 1996: 125-138). Тендентивная предельность отличается «признаком направленности действия на достижение предела (с потенциальным пределом) и с реальным достижением именно того и только того предела, на который направлено действие» (Бондарко 2002: 399-400). Тендентивная предельность (предельность в узком понимании) связана с понятием «направленность — достижение результата» и представлена видовыми парами глаголов, ср. *добиваться — добиться, вспоминать — вспомнить*.

Нетендентивная предельность не направлена «на достижение естественного результата» и фиксирует «предел, не предполагающий в качестве предпосылки направленность на его достижение» (Бондарко 2002: 400). Нетендентивная предельность связана со “скачком в новое” без указания на ведущий в этом процесс. Видится, что она представлена как видовыми парами (тривиальными), ср. *назначать/назначить, приглашать/пригласить*, отдельными соотносительными глаголами, ср. *узнать, увидеть* (глаголы сов. вида перфектных пар) и несоотносительными глаголами сов. вида, ср. *зазвучать*. Широкое понимание предельности в русском языке А. В. Бондарко называет «платой за грамматикализацию»:

«Заклученный в значении СВ признак ограниченности действия пределом выходит далеко за рамки видовых пар, выражающих соотношение “направленность — достижение”, распространяясь на все глаголы СВ. Это определяет и соответствующее распространение предельности. Других возможностей

реализации, свободных от влияния видовой системы, оппозиции П/НП (предельность/непредельность – прим. Л.Г.) не имеет» (Бондарко 1996: 129).

Для обозначения предельности используются и другие термины. Вслед за Е. В. Падучевой, П. М. Аркадьев предлагает называть терминативными глаголы, которые обозначают ограниченные во времени ситуации (Аркадьев 2015: 21-24, Падучева 2009а: 14), т.е. глаголы с нетендентивной предельностью. Сходным образом Е. В. Петрухина предлагает различать лексическую предельность (внутренний, качественный предел, выраженный в лексическом значении глаголов, ср. *делать/сделать, упасть/падать*) и грамматическую предельность, свойственную всем глаголам сов. вида (Петрухина 2009: 45-46). Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев аналогично разделяют узкую (зависящую от лексического значения) и широкую (свойственную глаголам сов. вида вообще) трактовки предельности (Зализняк, Шмелев 2015а: 61-62). В нерусскоязычной литературе telicity как правило обозначает семантический предел, а термины boundedness и terminative / non-terminative чаще используются для временного предела. Внимания заслуживает статья И. Депретер, где проводится грань между двумя вышеописанными типами предельности (Depraetere 1995: 2-13).

В данной работе мы будем использовать термины лексический и грамматический предел (вслед за Е. В. Петрухиной), узкое и широкое понимание предельности (вслед за Анной А. Зализняк и А. Д. Шмелевым). Термин "терминативный" будет использоваться далее для обозначения терминативного способа действия.

В начинательных глаголах (*завизжать*) признак «ограниченности действия пределом» проявляет себя не вполне очевидно. А. В. Бондарко относит такие случаи «к периферии сферы предела» (Бондарко 2002: 374). Дело в том, что начинательность предполагает наличие остальных фаз действия — срединной и конечной. Однако следующие за начинательной фазы только имплицитуются, а глагол выражает действие, ограниченное первой фазой. Это хорошо иллюстрируется парными глаголами со значением начинательности: *она заболела* (первые симптомы прошли, можно сказать, что она уже болеет; ср. *она заболевает* — налицо первые симптомы болезни), *деревья зацвели* (мы видим распусившиеся цветы, деревья цветут; ср. *деревья зацветают* — распускаются

первые цветы). Каждое из действий представляет прохождение начальной ситуации как результат, т.е. наступила новая ситуация (деревья не цвели — теперь цветут, она была здорова — теперь болеет).

Вопрос о том, являются ли предельными делимитативные глаголы (*посидеть*), может показаться достаточно сложным из-за неясности терминологии. М. С. Флайер отмечает, что они имеют моментальное завершение, и "как бы близко мы не приблизились к пределу, гарантий успешного завершения нет" (Флайер 1997: 46). П. М. Аркадьев относит их к непредельным (но терминативным) (Аркадьев 2015: 23). А. В. Бондарко, рассуждая о признаке «ограничения действия пределом», отмечает, что «действие, обозначенное исходным глаголом НСВ, может быть и непредельным (например, *сидеть, спасть, светиться, сиять, шуришать*), но это не препятствует образованию СВ при перфективации, не связанной с видовой парностью: *сидеть — посидеть, спасть — поспасть, светиться — засветиться, сиять — засиять, шуришать — зашуришать* и т.п.» (Бондарко 2002: 369). На чистовременной характер предела у делимитативов указывает Ж. П. Сёмон (Sémon 1986: 617-622). Очевидно, делимитативные глаголы выражают грамматическую предельность (свойственную глаголам сов. вида, где предел имеет не лексический, а временной характер).

Признак ограниченности действия пределом тесно связан с другим семантическим признаком аспектуальности — признаком «возникновение новой ситуации». Вместе они образуют семантический комплекс, поскольку «ограниченность действия внутренним пределом влечет за собой (если этому не препятствуют противодействующие факторы) наступление нового состояния, возникновение новой ситуации» (Бондарко 2002: 414). Важность этого признака в аспектуальной семантике подчеркивали многие исследователи — Ю. С. Маслов, А. Барентсен, М. Я. Гловинская и др., отмечая разные его грани и называя его при этом по-разному (см. обзор в Бондарко 2002: 414-419).

А. Барентсен рассматривает понятие возникновения новой ситуации как признак «секвентная связь» и выдвигает его в качестве третьего центрального аспектуального признака наряду с признаками «предельность» и «целостность» (Барентсен 1998). Все вместе эти признаки образуют иерархическую модель, в

основании которой находится предельность, в середине – целостность, а на верхнем уровне — «секвентная связь». Признак «секвентная связь» переносит внимание с действия на его окружения, связывая начало или конец целостного, ограниченного временным пределом действия с контекстом. А. Барентсен выделяет два основных случая проявления секвентной связи: «перфектное значение» форм прошедшего времени сов. вида и использование этих форм в нарративных цепочках.

«Секвентная связь» у форм прошедшего времени сов. вида с «перфектным значением» проявляется в связи с речевой ситуацией или моментом речи, который расположен в настоящем или в прошлом. Эти глагольные формы указывают, что действие целиком происходит до момента речи, и в центре нашего внимания оказывается связь между итоговым состоянием, следующим за действием, и речевой ситуацией. При этом, «в русском языке в подобных случаях представление о существовании итогового состояния в момент речи является часто настолько сильным, что представление о самом действии, «производившем» переход в данное состояние, отодвигается целиком на задний план» (Барентсен 1998: 51), ср. *Я очень устала*. В качестве опорной ситуации может выступать речевая ситуация в прошлом:

«В следующем фрагменте из романа М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени” интерпретация перфектного значения в прошлом вполне естественна: *Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее [...]*. В других языках в таких случаях скорее используются формы плюсквамперфекта или другие формы, указывающие не на события, но на состояния в прошлом (ср. английский перевод данных фраз: *The horses were exhausted; we were chilled*)» (Барентсен 1998: 51).

Примечательно указание на то, что в английском языке в таком контексте могут использоваться глагольные формы (в данном случае — причастия прошедшего времени), указывающие на состояния.

При использовании форм сов. вида прошедшего времени для передачи цепи сменяющихся событий секвентная связь выражается через связывание конца

одного действия с началом другого, ср. *Он встал, пошел к кону, махнул рукой* (пример из: Барентсен 1998). Иными словами, секвентная связь — объяснение одной из закономерностей функционирования видов при повествовании в русском языке: формы прошедшего времени сов. вида организуют линию развертывания сюжета, а формы несов. вида создают фон, на котором происходят события. В случае, если в цепь сменяющих друг друга действий включаются глаголы, обозначающие процессы или неопределенную деятельность,

«законы построения стилистически нейтрального повествовательного текста в русском языке требуют выражения временных границ этих процессов, т. е. употребления соответствующих начинательных или ограничительных глаголов СВ либо словосочетаний с фазисными глаголами СВ. Ср. высокую степень обязательности обозначения временных границ деятельности и процессов, включенных в цепь повествования: *Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил* (ср. *?ходил*) *по горнице, глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить* (ср. *?говорил*): «Ничего не знаю о тебе с тех пор» (И. Бунин)» (Петрухина 2009: 144, ср. Петрухина 2017: 242).

Специфическую роль делимитативов — «порционирование» неопределенных процессов и их перенесение в контекст цепочки событий — подчеркивает С. М. Дики (Dickey 2011: 180-181). Ж.-П. Семон отмечает, что делимитативы используются именно в середине цепочек действий, ни в коем случае в не конечной позиции, их функция — транзиторная (Sémon 1986: 624).

Представляется, что помимо начинательных глаголов и делимитативов, в таких контекстах возможно и употребление завершительных глаголов: *Допил чай и заговорил*. Повышенную частотность употребления префиксальных завершительных глаголов в русском языке, по сравнению с аналитическими конструкциями со значением окончания действия в славянских языках, отмечает Е. В. Петрухина (Петрухина 2017: 243-244). Такая обязательность выражения значения начинательности и делимитативности позволяет Е. В. Петрухиной говорить о потере значения собственно способа действия некоторыми глаголами

и некоторой грамматикализации этих словообразовательных моделей. Подробнее это будет рассмотрено в связи с префиксальным словообразованием.

Итак, традиционно поиски инварианта категории вида в русском языке ведутся вокруг тех аспектуальных значений, которые наиболее последовательно обнаруживаются в формах сов. вида в разных контекстах. Мы рассмотрели признаки целостности и ограниченности действия пределом, которые выдвигает как категориальные А. В. Бондарко, секвентную связь, которую относит к центральным признакам А. Барентсен, и признак длительности, который проявляется в анализируемых в данной работе способах глагольного действия.

Несколько иной подход к поиску инварианта предлагают Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев. Они исходят из того, что русская аспектуальная система базируется на определенном способе концептуализации действительности. Все происходящие в мире явления концептуализируются одним из трех способов: как процессы, события или состояния. При этом, «глаголы сов. вида всегда обозначают события (можно сказать, что они предназначены для обозначения событий), а глаголы несов. вида могут обозначать любое из трех типов явлений: состояния (*умирает* от нетерпения, *хворает*, чего-то *ждет*), процессы (*кипит*, *беседует* с приятелем, долго *пишет* письмо) и события (внезапно *понимает*, каждый день *приходит*) (Зализняк, Шмелев 2015а: 42). Особо оговаривается то, что глаголы сов. вида, образованные от “процессных” глаголов при помощи приставки *по-* (глаголы делимитативного способа действия), обозначают события несколько особого типа. Событие это означает то, что «имела место определенная "порция" соответствующего процесса (*погулять*, *почитать*, *поиграть* и т.п.)» (Зализняк, Шмелев 2015а: 42-43).

С ФСП аспектуальности связан аспектуально-темпоральный комплекс, который включает категории, отражающие разные стороны понятия времени. Этот комплекс включает категории аспектуальности, темпоральности, временной локализованности, временного порядка и таксиса. Невозможно говорить об аспектуальности, не дав краткую характеристику остальным смежным областям.

Темпоральность «отражает языковую интерпретацию восприятия человеком времени обозначаемых ситуаций по отношению к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчета. Основное членение в данной

семантической сфере — "одновременность (настоящее) / предшествование (прошлое) / следование (будущее)"» (Бондарко 2002: 473). Ядро категории составляет морфологическая категория времени. Основное различие между аспектуальностью и темпоральностью, видом и временем, заключается в следующем: аспектуальность характеризует действие изнутри, а темпоральность — извне, имея явную деиктическую природу. Деиктическая природа времени глагола заключена в ориентации на момент речи говорящего как точку отсчета, на которой базируется языковое представление временных отношений (о различии категорий времени и вида см. также Comrie 1976: 1-6).

Категория таксиса (временной соотнесенности) выражает «хронологическую последовательность событий, т. е. временные отношения между действиями по признакам 'раньше – одновременно – позже'» (Петрухина 2009: 40). Таксис характеризует событие по линии его отношения к другому событию без опоры на акт речи, тогда как время характеризует событие по отношению к акту речи. Таксисные ситуации всегда тесно сопряжены с аспектуальными, поскольку «характеристика временных отношений между действиями включает и характеристику протекания данного сочетания действия во времени, т.е. аспектуальную характеристику данного сочетания» (Бондарко 2002: 509). В предложении: *Заплакал ребенок, и она быстро дорезала хлеб*, таксисная ситуация — это цепочка событий с рассмотренной выше секвентной связью, где за концом первого действия (ограниченная во времени начальная фаза плача) следует второе (ограниченная во времени завершительная фаза резки хлеба). Именно аспектуальная характеристика глаголов сов. вида определяет типа таксисной ситуации — последовательность событий.

2.2.2. Глагольная префиксация и понятие способа глагольного действия

Данный раздел посвящен проблемам глагольной префиксации в словообразовательном и аспектологическом рассмотрении, и важнейшим аспектуальным сторонам префиксации — перфективации и образованию видовых троек, проблеме чистовидовых приставок, выделению и классификации способов глагольного действия, грамматикализации префиксальных глагольных образований.

Способы глагольного действия — это лексико-грамматические разряды глаголов связанные, с одной стороны, с категорией вида, а с другой стороны — со словообразованием. В «Русской грамматике» они определяются «как семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально результативных характеристик. Так, значение начала действия может быть выражено различными префиксами: *за-*, *по-*, *вз-*, *воз-*: *заговорить*, *пойти*, *вскричать*, *возговорить* (устар.); значение ограничения действия временными пределами выражается приставками *по-*, *про-*, *пере-*: *поспать*, *проспать* (полчаса), *перезимовать*; значение пресечения действия временным пределом выражается приставкой *от-*: *Отговорила роща золотая Березовым веселым языком* (Есен.); другие способы глагольного действия указывают на одноактность (*мигнуть*) или многократность (*хаживать*); на оттенки в достижении результата действия: *договорить* (до конца); *договориться* (до чего-либо)» (Русская грамматика § 1413).

Подчеркнем два важных аспекта такого понимания способа действия: группы глаголов выделяются на основе не только семантической общности, т.е. наличия одинакового элемента значения, но на основе общности его формального выражения, т.е. словообразовательной модели. Способы глагольного действия образуются при помощи префиксов, суффиксов, постфиксов, а также префиксально-суффиксальных формантов, называемых также конфиксами или

циркумфиксами. Способы действия, которым посвящена данная работа, — приставочные.

Способы действия неразрывно связаны с проблемами словообразования глаголов, особенно префиксации, поэтому уместно обозначить некоторые основные, с точки зрения аспектологии, вопросы глагольного словообразования. Интересный аналитический обзор литературы по словообразованию, особенно с середины 70-х гг. до середины 90-х гг., а также ссылки на более ранние обзоры можно найти у М. А. Кронгауза (Кронгауз 1998: 56-63), он же справедливо замечает, что «полный обзор всей литературы по глагольным приставкам не только мало реален в силу ее объема и труднодоступности отдельных работ, но и мало интересен в силу повторяемости одних и тех же идей» (Кронгауз 1998: 55).

Традиция описания приставок развивается в рамках двух разных областей лингвистики: словообразования и аспектологии. Аспектологический подход означает интерес к связи префиксации и перфективации, семантике способов действия, образованию видовых пар глаголов при помощи приставок, чистовидовому значению приставки и др. (например, Исаченко 1960, Comrie 1976, Аркадьев 2016 и др.). С точки зрения словообразования интерес представляют проблемы вычленимости и формальной характеристики приставки, выделения словообразовательных типов, которые соответствуют одной приставке, семантический потенциал отдельных приставок и др. Традиция описания приставок в России сложилась на пересечении этих двух направлений (например, труды Е. А. Земской, А. И. Тихонова и др.), она была зафиксирована в «Русской грамматике».

Традиционный терминологический аппарат основан на естественном языке, для него характерно употребление терминов типа «начинательность». В исследованиях последних десятилетий произошло развитие метаязыка, произошел переход от простых номинативных формул к более сложным предикатным («начинательность» и «начать действие, названное мотивирующим глаголом») (пример и более подробное обсуждение в Кронгауз 1998: 68-73). Нужно отметить, что обилие и разнообразие терминологической номенклатуры затрудняет сравнение различных подходов. На самом деле, за разницей метаязыков может скрываться структурная близость подходов. В настоящей

работе принят синтетический метаязык, опирающийся как на традиционные термины, так и на более подробные описания семантических признаков.

На пересечении словообразования и аспектологии находятся важные видовые проблемы: связь префиксации и перфективации, так называемое чистовидовое значение приставки и, наконец, семантика способов действия.

Связь префиксации и перфективации

Добавление приставки к глаголу несов. вида, или префиксация, почти всегда изменяет его вид на совершенный (*говорить – заговорить*). Далее такой приставочный глагол сов. вида может подвергнуться вторичной имперфективации путем добавления к нему суффикса, иначе говоря - вторичной суффиксации (*заговорить – заговаривать*). Таким образом, префиксация признается ключевым инструментом перфективации. Однако приставки не имеют значения совершенного вида, их было бы неправильно считать формальным показателем сов. вида. Обычно исследователи не уделяют этой проблеме много внимания, ее решение лежит в плоскости глубинных семантических связей приставки и вида. Ее вряд ли можно решить с использованием современного терминологического и когнитивного аппарата лингвистики. Но нужно помнить, как отмечает М. А. Кронгауз, что «значение приставки и семантическая функция процесса префиксации не сводимы друг к другу» (Кронгауз 1998: 83).

Отметим еще два вопроса, связанные с префиксацией и перфективацией. Во-первых, вторичная имперфективация приставочных глаголов может привести к образованию видовых троек. Видовые тройки — это "тройки глаголов, состоящие из одного приставочного глагола сов. вида и двух деривационно связанных с ним глаголов несов. вида — вторичного имперфектива и мотивирующего бесприставочного глагола: *съесть — съедать/есть, вылечить — вылечивать/лечить*", а возникают они вследствие "конкуренции двух механизмов аспектуальной деривации" (Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 228-229). В видовой тройке оба глагола несов. вида являются близкими синонимами и видовыми коррелятами глагола сов. вида. Так, в ряду глаголов *жарить, обжарить* и *обжаривать*, глагол *обжарить* не является коррелятом сов. вида

глагола *жарить*, кроме того, *жарить* и *обжаривать* – это не совсем одно и то же.

Во-вторых, при префиксации происходит изменение значения глагола. Разными исследователями эти семантические изменения характеризуются немного по-разному (см. Кронгауз 1998: 80), но мы предлагаем синтезировать их так:

1) префиксация приводит к образованию парного коррелята (и лексическое значение глагола не меняется);

2) префиксация приводит к образованию семантически отличающегося от исходного глагола способа действия (и меняет или не меняет его вид, ср. *писать* – *дописать*, *кидать* – *кинуть*);

3) префиксация приводит к образованию нового лексического значения глагола или нового глагола (и меняет или не меняет его вид, ср. *говорить* – *переговорить*, *стоять* – *отстоять*).

Нужно отметить, что границы эти достаточно условны, поскольку глаголы могут, например, терять специфическое значение способа действия и становиться простым видовым коррелятом (*есть* – *поесть*).

Чистовидовое значение приставки

Проблема чистовидового значения приставки заключается в следующем. Как мы писали выше, приставки, присоединяясь к глаголу несов. вида, практически всегда меняют его вид на совершенный. При этом значение глагола либо не меняется, либо меняется значительно или незначительно. Во втором и третьем случаях, когда значение глагола изменяется, проблемы не возникает. Если же приставка ничего не вносит в значение глагола, а только меняет его вид, то принято говорить о чистовидовом значении приставки. В качестве примеров и вопросов можно привести такие: *делать* – *сделать* (одинаково ли здесь семантическое соотношение с парой *записать* – *записывать*), видовые тройки *баюкать* – *убаюкать* – *убаюкивать* (синонимичны ли здесь значения глаголов несов. вида). Это решение проблемы достаточно последовательно развивается в работах А. Н. Тихонова. В частности, он справедливо указывает на следствие

теории чистовидовых приставок: равенство процессов перфективации и имперфективации:

«в образовании видовых пар между перфективацией, осуществляемой при помощи чистовидовых приставок, и имперфективацией нет принципиальных различий. Члены префиксальных видовых пар типа *ставить* — *поставить*, как и члены суффиксальных пар типа *открыть*—*открывать*, являются лексически идентичными» (Тихонов 1958: 45).

Иное решение предложил М. Вей для чешского языка: значение приставки не отсутствует, а лишь совпадает со значением глагола, этим объясняется семантический нулевой эффект (Vey 1952: 82-83). Для русского языка это явление сформулировал К. ван Схоневелд (Schooneveld 1958: 160–61). Этот нулевой эффект принято называть эффектом Вей-Схоневелда (the Overlap hypothesis). Например, если приставка *про-* присоединяется к глаголу, который означает процесс, ограниченный во времени (*процитировать*, *проанализировать*), то значение приставки «растворится» в значении глагола – ничего нового приставка в значение глагола не привносит. То же самое происходит, если глагол означает созидание: *сделать*. Этот подход в настоящее время можно считать общепринятым как в трудах по глагольному словообразованию (например, Кронгауз 1998), так и у аспектологов (например, Зализняк, Шмелев 2015а).

Способы глагольного действия

Способы глагольного действия как отдельное понятие были выделены шведским ученым Пером Сигурдом Агреллем (Агрелль 1962), в настоящее время большинство ученых в России знакомо с этой работой по переводу ее фрагмента, опубликованном в сборнике «Вопросы глагольного вида» (1962). С. Агрелль пишет: «Под способом действия (Aktionsart) подразумеваю не две основные категории славянского глагола, не формы, обозначающие законченные и незаконченные действия (имперфективный и перфективный глагол), — эти категории я называю видами (Aspekte). Термином способ действия я обозначаю те до сих пор почти вовсе не привлекавшие внимания и тем более никем не классифицировавшиеся семантические функции приставочных

глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления» (Агрелль 1962: 36). Такое разделение понятий «вид» и «способ действия» традиционно используется в русистике, не вызывая недопонимания. Одним из основных различий между ними является то, что вид охватывает все глаголы русского языка, а способы действия объединяют некоторые глаголы в группы по общности словообразовательной модели и семантическим признакам, не образуя грамматическую категорию (подробнее о различиях между этими понятиями см., например, Исаченко 1960: 209-215; Шелякин 1983: 13-15).

Здесь важно отметить следующее. Во-первых, до настоящего времени бытует расширенное толкование понятие *Aktionsart*, с которым полемирует С. Агрелль. Так, П. М. Бертинетто ставит знак равенства между понятиями *Aktionsart* и акциональность, которые «определяют природу события, означаемую предикатом, на основании вполне определенного списка семантических критериев» (пер. — Л.Г., Bertinetto 1997: 18, 27-28). Об акциональности пойдет речь далее в связи с классами Вендлера, здесь же отметим то, что П. М. Бертинетто относит к способам действия и категорию вида на основании исключительно лексического характера видовой корреляции (хотя и не отказывая ей в определенной грамматикализованности). В диахроническом плане это, возможно, и так, но в современном русском языке категория вида (*говорить/сказать*) достаточно сильно отличается по степени грамматикализованности от способов глагольного действия в узком понимании (*заговорить, поговорить, проговорить, договорить*) и причислять их к явлениям одного порядка сложно.

Во-вторых, понятие способа действия продолжает использоваться для выделения групп глаголов на основании только семантических (и не словообразовательных) критериев, таких как результативность, временная терминативность, продолжительность и др. В этом случае способы действия объединяют глаголы на основе особенностей их лексического значения и свойственны всей лексике независимо от формального выражения. Так, например, М. А. Шелякин выделяет «результативно-тотивные глаголы со значением

действий, совершающихся целостно «по природе», сразу от начала до конца», относя к ним *включать/включить, выключать/выключить, терять/потерять, схватить/схватывать, наскокивать/наскочить* и др. (Шелякин 1983: 181). Эта точка зрения была обоснована Ю. С. Масловым, развивалась А. В. Бондарко и др. В современной лингвистике получила большее распространение иная точка зрения на способы действия как обязательно морфемно или словообразовательно характеризованные группы глаголов (подробнее об этой полемике: Исаченко 1960: 215-216; Шелякин 1983: 19-26; Comrie 1976: 6-7). Такое «узкое» понимание способа глагольного действия отражено в «Русской грамматике» (автор раздела — Н. С. Авилова), развивается большинством современных исследователей, так что сейчас мы говорим о способах действия как о семантико-словообразовательных группах глаголов (о чем мы писали выше). В частности, М. А. Кронгауз отмечает, что «способы действия остаются удобным и компактным способом описания ряда значений русских приставок» (Кронгауз 1998: 83).

Способы глагольного действия — это упорядоченное представление реализации глагольного словообразования в языке. При помощи аффиксов образуется огромный пласт лексики, который составляет богатство и красоту русского языка, дает возможность точно выразить нюансы мысли. По наблюдению А. В. Исаченко,

«одной из наиболее характерных черт славянского глагола является его способность модифицировать основное лексическое значение с разных сторон, сосредоточить внимание то на определенных отрезках действия (на его начале, конце, на ограниченном во времени отрезке), то на степени интенсивности проявления действия (смягчение, усиление), то, наконец, на его внутренней расчлененности (многократность, дистрибутивность, прерывность) и т.п.» (Исаченко 1960: 295).

Возможность образования глагола определенного способа действия зависит от семантических свойств исходного глагола. А. В. Исаченко отмечает, что наиболее свободно способы действия образуют:

«а) Глаголы с многофазисным характером действия;

б) Глаголы речи и звука (типа *кричать*, *стучать*), отчасти перекрывающиеся с группой а);

в) Глаголы ненаправленного перемещения (типа *ходить*)» (там же).

Семантические характеристики исходных глаголов важны в данном исследовании для правильного отбора материала и будут рассмотрены для каждого способа действия далее в соответствующем разделе.

Способы глагольного действия соотносятся с категорией вида так: одни способы действия объединяют глаголы сов. вида (в частности, рассматриваемые в настоящей работе начинательный: *завонить*, делимитативный: *погулять*, терминативный: *пропеть*, завершительный: *доехать*), другие способы действия объединяют глаголы несов. вида (например, многократного: *хаживать*). Большинство глаголов сов. вида, относящихся к способам действия, не имеет видовой пары. Однако видовую несоотнесенность глагола не всегда можно объяснить принадлежностью глагола к какому-то способу действия, в русском языке есть обширные пласты бесприставочных одновидовых глаголов. Глаголы начинательного инхоативного способа действия могут образовывать вторичные имперфективы: *заговорить* – *заговаривать*. Возможность образования видовой пары обсуждается для каждого способа действия отдельно.

Вопрос выделения типов способов действия и их классификация — один из дискуссионных. Во-первых, способы действия отражают легко узнаваемые и выделяемые в лексике семантико-словообразовательные модели. Если же по модели образуется малое количество глаголов, то она может не попасть в обзор способов действия как малозначительная или малорегулярная. Вторая сложность — структурное или иерархическое представление способов действия в соответствии с их семантикой. Остановимся на этом моменте подробнее.

В «Русской грамматике» выделяются три группы способов глагольного действия, которые различаются «по своим самым общим значениям: 1) уточнения характера протекания действия во времени; 2) количественно-временной характеристики действия и 3) уточнения характера достигаемого действием результата... Первая группа включает временные способы действия: начинательный, ограничительный, длительно-ограничительный, финитивный; вторая группа подразделяется на две подгруппы: в первой подгруппе действие

уточняется в отношении одноактности или краткости его совершения; это одноактный и уменьшительно-смягчительный способы действия; во второй подгруппе действия представлены как неограниченно-длительные, кратко повторяющиеся; это многократный, прерывисто-смягчительный, длительно-смягчительный, длительно-дистрибутивный, сопроводительный, осложненно-интенсивный и длительно-дистрибутивно-взаимный способы действия. Третья группа включает глаголы, которые выражают дополнительные оттенки результативности; это специально-результативные способы действия: терминативный, комплетивный, интенсивно-результативный, накопительно-суммарный и дистрибутивный (распределительный)» (Русская грамматика § 1414).

Принципы и последовательность такого разделения на группы вызывает некоторые вопросы. Рассмотрим, вслед за М. А. Кронгаузом, первую группу, чисто временные способы действия. По классификации в «Русской грамматике» в действии выделяются его внешние границы – начало и конец. Начинательный и финитивный способы действия – это точки отсчета, относительно которых мы рассматриваем все действие: либо его начальную фазу, которая сейчас последует (или уже разворачивается), либо его фазу, которая предшествует концу, ср. *Петруша нервно забегал по комнате* и *Отзвенели песни нашего полка* (примеры из Кронгауз 1998: 123). Два ограничительных способа действия задают как начало, так и конец действия, ср. *Я простоял там целый час* и *Я простоял так всего один час* (примеры из Кронгауз 1998: 123). Так глагольное действие концептуализируется, и «возникает соблазнительно простая и красивая триада значений... С семантической точки зрения, отличие триады способа действия от триады грамматических времен состоит только в том, что используются две (а не одна) точки отсчета и эти точки отсчета «внутренние» (а не «внешние»), т.е. это моменты самого действия. Таким образом, происходит не локализация действия относительно каких-то других событий, а структурирование данного действия. С теоретической точки зрения, вся эта конструкция чрезвычайно привлекательна своей простотой и ясностью, тем более что носителями этих значений являются конкретные морфемы — глагольные приставки... К сожалению, некоторые языковые факты заставляют усомниться в том, что это изящное описание

глагольной и приставочной семантики отражает реальное положение дел» (Кронгауз 1998: 123-124). Далее исследователь разрушает нарисованную им прекрасную картинку, приводя глубокий семантический анализ финитивного способа действия (приставка *от-*), который оказывается не симметричным начинательному. Он также указывает, что различие между значениями приставок *про-* и *по-* (ограничительный и длительно-ограничительный способы действия) не сводится к различию по длительности (где *про-* должно быть «длиннее» *по-*). По мнению М. А. Кронгауза, «для *про-*глаголов в фокусе внимания находится временной отрезок, который заполняется соответствующим действием (отсюда обязательность четкого задания данного отрезка... **Он проспал сколько-то...*), а для *по-*глаголов – само действие, как правило, ограниченное другими действиями и часто оцениваемое как второстепенное, неважное и также недлительное: *Поспал, поел и опять поспал*. Попытка их объединения приводит к появлению абстрактного лингвистического конструкта – понятия «ограниченности», - не обладающего ни объяснительной силой, ни какой-либо другой практической ценностью» (Кронгауз 1998: 126). Так мы видим, что выделение временных способов действия «оказывается чрезмерным упрощением реального положения дел» (Кронгауз 1998: 124).

Хотя в нашем исследовании не описываются финитивный, ограничительный или длительно-ограничительный способы действия (но есть, на первый взгляд, близкие завершительный (комплетивный) и терминативный), данные рассуждения наглядны и убедительны. Семантика способов действия глубже, чем простое структурирование, она включает оценочность и другие параметры.

Другие исследователи подходят к вопросу классификации по-разному: предлагают свою (например, М. А. Шелякин, Е. В. Петрухина и другие) или отказываются от классификации (Зализняк, Шмелев 2015а). М. А. Шелякин основывает классификацию способов действия на формировании ими категории предельности/непредельности, далее проводит семантическую классификацию, подчиняя ей формальную. Он выделяет как словообразовательно-характеризованные, так и формально не характеризованные способы действия. Всего он выделяет 56 способов глагольного действия.

Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев отказались от классификации способов глагольного действия и описывают 15 способов действия. Они отмечают, что в русском языке многие приставки участвуют в формировании семантических классов глаголов, «причем некоторые модели приставочного глагольного словообразования обладают как регулярностью, так и высокой частотностью в речи. Вообще говоря, вопрос о том, какие из этих классов глаголов относить к способам действия, а какие нет, не имеет однозначного решения» (Зализняк, Шмелев, 2015а: 110-111).

В настоящем исследовании для анализа отобраны те способы действия, которые «любил» и чаще других употреблял Владимир Набоков. По счастливому совпадению или закономерности (скорее второе) их относительно последовательно выделяют большинство исследователей: начинательный инхоативный, делимитативный, терминативный и завершительный (хотя их названия у разных исследователей не всегда совпадают).

Эти способы действия исследователи относят в классификации к таким способам действия (примеры глаголов указываются в случае отличия от традиционно выделяемых групп):

— начинательный: «Русская грамматика» — к временным, М. А. Шелякин — к фазово-временным способам действия терминативно-временных способов действия предельных глаголов, Е. В. Петрухина — к (фазисно-)временным;

— делимитативный: «Русская грамматика» — к временным (ограничительный способ действия), М. А. Шелякин — к фазово-временным способам действия терминативно-временных способов действия предельных глаголов, Е. В. Петрухина — к (фазисно-)временным ограничительным.

— терминативный: «Русская грамматика» — к специально-результативным, М. А. Шелякин — к фазово-временным способам действия терминативно-временных способов действия предельных глаголов (протяженно-одноактный способ действия), Е. В. Петрухина — к (фазисно-)временным ограничительным (квантово-ограничительный способ действия).

— завершительный: «Русская грамматика» — к специально-результативным (комплетивный), М. А. Шелякин — к общерезультативному способу действия предельных глаголов (терминативно-локальные глаголы типа

добежать, дожить) и финально-комплетивному способу действия специально-результативного способа действия предельных глаголов (*дочитать/дочитывать*), Е. В. Петрухина – к (фазисно-)временным (Русская грамматика §1415, §1418, §1432, §1433; Шелякин 1983: 182-189; Петрухина 2009: 92-105).

Анализ классификаций демонстрирует, что их использование затруднительно и не имеет большой практической ценности для данного исследования. В отдельных случаях мы будем, все же, опираться на классификации «Русской грамматики» и Е. В. Петрухиной. Большая разница есть даже в названиях способов действия, и, выбирая одно название, мы приводим наиболее распространенные другие в скобках.

Грамматикализация и расширение видовой парности

В заключение необходимо отметить особенности функционирования некоторых приставок в свете процесса грамматикализации. Теория грамматикализации развилась в рамках грамматической типологии, и работы по грамматикализации исследуют вопросы формирования и развития грамматических категорий, а точнее — закономерности приобретения автономными и свободными словом или конструкцией грамматического статуса. В рамках грамматикализации рассматривается в первую очередь превращение лексической единицы в грамматический показатель в аналитических грамматических конструкциях и при формировании служебных слов (предлогов и союзов). Такие процессы универсальны как в диахронии, так и в синхронии. Принципы грамматикализации достаточно подробно описаны (типологические исследования глагольных категорий Bybee 1994: 4-22; Dahl 2000: 8-14). Материал собственно русского языка в теории грамматикализации затрагивается незначительно, что в частности можно объяснить тем, что аналитические конструкции распространены в нем относительно мало.

Между тем, в русском языке есть специфические тенденции, которые отражают тесную связь русской грамматики со словообразованием. В частности, это относится к приобретению словообразовательными формантами более грамматического статуса. Яркими примерами тесной связи словообразования и формообразования служат перфективация и имперфективация русских глаголов

посредством префиксации и суффиксации. Эти процессы позволяют говорить, в частности, о грамматикализации префиксальной перфективации (см. типологическое исследование префиксальной перфективации Аркадьев 2015: 99-101, 120-125, 173).

В настоящее время в русском языке этот процесс продолжает развиваться: как отмечает Е. В. Петрухина, «грамматикализации подвергаются фазисно-временные СГД (способы глагольного действия – прим. Л. Г.), выражающие временные границы деятельности и процесса в русском языке. Область видовых пар, имеющих грамматический статус, в современном русском языке расширяется за счет начинательного и ограничительных СГД (способов глагольного действия – прим. Л. Г.). Словообразовательные значения приобретают черты, свойственные грамматическим значениям, а именно свойства обязательности и пониженной интенциональности употребления» (Петрухина 2009: 107).

Сделаем следующее пояснение. Традиционно выделяемые видовые пары, как отмечалось выше, отвечают функциональному критерию Маслова, их значение принято считать тождественным, а глаголы в парах связаны семантическими отношениями определенных типов. Непарные глаголы несов. вида — непредельные. Предельные глаголы сов. вида, которые можно образовать от некоторых из них, — это способы действия (Маслов 1978/2004: 318). В область видовых коррелятов «втягиваются» именно пары непредельных глаголов несов. вида со значением деятельности и процессов и образованных от них глаголов сов. вида фазисно-временных способов действия с приставками *за-*, *-но* и др. Парные отношения устанавливаются на базе не тождественных лексических значений, а сходных значений, которые дают разные фазисно-временные представления одного действия.

Эта особенность связана с проявлением описанных ранее аспектуальных признаков сов. вида: комплекса целостность — ограниченность действия пределом — секвентная связь (возникновение новой ситуации) в нарративных текстах в прошедшем времени. Построение цепочки событий требует связывания конца одного действия с другим, и для процессов и состояний грамматическая предельность может выражаться через обозначения способа действия: делимитативного и начинательного.

Во-первых, приставка *по-* с ограничительным значением, которая традиционно выступает формантом делимитативного способа действия в современном русском языке функционально сближается с результативными видовыми приставками (ср. *строить/построить, сидеть/посесть*) и делимитативы, утрачивая оценку продолжительности действия, могут выражать достижение результата, к которому подводит деятельность в данной конкретной ситуации: *Я уже поел (покурил, попил), можем идти; Мы сегодня хорошо поработали (потрудились), надо и отдохнуть; Ну что ж, повеселились (погуляли, посидели), пора и за работу. Ты уже потренировался?* (примеры из Петрухина 2009: 108). Так делимитативы функционально приближаются к видовым коррелятам. На первый план значения такого глагола выдвигается не представление об ограниченной длительности, а семантический компонент окончания действия, которое можно оценить с точки зрения его результата (*хорошо, плохо*): *Я уже поел (хорошо — возможно, пять минут — не возможно)*. При подобном употреблении ограничительных глаголов с приставкой *по-* у них развиваются функции парных глаголов, отвечающих критериям функциональных видовых пар. Е. В. Петрухина отмечает, что «делимитативы и мотивирующие простые глаголы НСВ, если из контекста ясна последовательность действий или она несущественна, могут заменять друг друга без ущерба для смысла при переводе повествования из плана настоящего исторического в план прошедшего времени (а также из прошедшего времени в настоящее историческое): *Они покричали, поспорили, но ни до чего не договорились — Они кричат, спорят, но ни до чего не договариваются; Свеча немного погорела и погасла — Свеча немного горит и гаснет; Мы покатались на речном трамвайчике, погуляли и потом разошлись по домам («Столица». 18.03.1997) — Мы катаемся на речном трамвайчике, гуляем и потом расходимся»* (Петрухина 2009: 108). Обратим внимание на то, что делимитативы способны приближаться к видовым коррелятам как в контексте цепочки последовательных событий, так и вне ее (ср. *Ты уже поел?*). Полноценными видовыми парами такие отношения сложно признать из-за присутствующих у делимитативов оценочных значений.

Во-вторых, грамматикализации подвергаются начинательные приставки *за-* и *по-*. Эти приставки также представляют действие в его ограниченной

длительности (ограниченной начальной фазой), хотя и имплицитно охватывает его продолжение. Видится, что именно этот имплицитный охват всего действия позволяет начинательным глаголам вступать в видовые отношения с соответствующим бесприставочным глаголом: *Ребенок **увидел** незнакомого человека, пронзительно **закричал** и **побежал** к дому – Ребенок **видит** незнакомого человека, пронзительно **кричит** и **бежит** к дому* (пример из Петрухина 2009: 109).

Описанные процессы грамматикализации были учтены при отборе материала исследования. Проводился подробный анализ каждого примера на предмет степени грамматикализации значения приставки и утраты глаголом значения образа действия, что описано далее в соответствующей главе.

2.3. Аспектуальность в английском языке: основные аспектуальные категории и значения

Этот раздел посвящен аспектуальным значениям (категориям) видовременных форм английского глагола.

Аспектуальные значения в английском языке не лежат на поверхности. Аспектуальные значения в принципе наиболее близки темпоральным, и в некоторых языках они самым тесным образом взаимодействуют друг с другом, так что провести границу между ними иногда может оказаться трудно. Это как раз тот случай, когда мы говорим о «единой видовременной системе или, по меньшей мере, о наличии в глаголе этих языков гибридных видовременных образований» (Маслов 1978/2004: 307). Так обстоят дела и в английском языке. В отличие от русского языка, где перфективация / имперфективация формально сопряжены с процессами аффиксации, в английском языке аспектуальные значения не вполне грамматикализованы и их принято формально соотносить с временными формами. В современной русской англистике термины «видовременная система», «видовременные формы» вполне общеприняты, во многом благодаря взглядам И. П. Ивановой (Иванова 1961:158-182). В данной работе будет использоваться нейтральный термин «разряд» для обозначения форм Simple (Indefinite), Continuous (Progressive), Perfect.

Напомним, однако, что в плане содержания аспектуальность и темпоральность различны. Темпоральные значения связаны с локализацией обозначенного действия во времени, с его ориентацией по отношению в момент речи. Аспектуальные значения, напротив, не имеют дейктической функции и показывают, как действие протекает и распределяется во времени, но безотносительно к моменту речи (Comrie 1976: 1-6; Маслов 1978/2004: 307-308). Аспектуальные значения включают, например, длительность / мгновенность, наличие / отсутствие внутреннего предела действия и т.п.

Для английского языка дискуссионной продолжает быть не только принадлежность морфологических форм к аспектуальности, но и сам семантический аспектуальный инвентарь (количество «видов» или важных

аспектуальных значений). В целях данного исследования представляется необходимым разграничить аспектуальность как грамматическую категорию глагола, аспектуальность как лексико-грамматический характер глаголов и аспектуальность как часть семантической структуры предложения, то есть результат семантической интерпретации, учитывающей значение не только глагольных категорий. Так же как и русскую аспектуальность, эту категорию в английском языке удобно представлять в виде функционально-семантического поля (ФСП). Аспектуальность как грамматическая категория будет соответствовать центру ФСП аспектуальности, а аспектуальные (акциональные) лексико-грамматические характеристики глаголов и другие средства будут располагаться по направлению к периферии. ФСП аспектуальности в английском языке, вероятно, следует представить как полицентрическое. Количество центров зависит от количества выделяемых аспектуальных категорий, в чем взгляды ученых достаточно сильно расходятся.

Для начала уточним, что имеется в виду под «грамматической категорией». Согласно русской аспектологической традиции, для признания определенных форм грамматическим выражением категории аспектуальности необходимы:

- 1) обязательность выражения (невозможно употребить единицу лексики, не выразив эту категорию, ср. категория рода у русских и английских существительных);
- 2) регулярность и наличие предсказуемой системы морфологических форм;
- 3) возможность чисто видового противопоставления, не осложненного лексическими различиями.

Русский вид удовлетворяет всем этим условиям, поэтому мы ограничились лишь точечными указаниями на них в соответствующем разделе. Повторим: категория вида есть у всех русских глаголов, глаголы обоих видов имеют морфологические парадигмы, видовое противопоставление выражается через видовые пары.

Одним из следствий обязательности проявления грамматической категории будет то, что словоформы-носители одной грамматической категории, будут противопоставлены друг другу. Ср. мы всегда выбираем один из 3 родов в русском языке. У одного члена оппозиции, особенно если она бинарная, могут

быть категориальные признаки, которые у другого члена будут отсутствовать или необязательны, такой член будет маркированным (см. подробнее Comrie 1976: 111-122). В русском языке вид — маркированная оппозиция, а обязательность маркированности и выраженной бинарности в английской аспектуальности остается под вопросом (ср. Dahl 1985: 19).

Вопрос о том, насколько принципиально выполнение всех трех критериев для признания категории грамматической, остается открытым. Выяснение этого лежит за пределами данного исследования. Обратим внимание лишь на указание на то, что многие грамматические категории восточных языков не обладают строгой обязательностью (ср. Петрухина 2009: 31). Такой же вывод можно сделать на основании наблюдений над функционированием аспектуальных признаков в разных языках: абитуальный вид может выражаться в прошедшем времени в английском языке как при помощи *used to*, так и формами Past Simple (Bybee 1994: 156). Мы не будем строго придерживаться правила выполнения всех трех критериев, полагая, что в английском языке некоторые аспектуальные категории могут не быть строго обязательными. Задачей этого раздела является описание возможных аспектуальных категорий в английском языке, включая те, которые не имеют регулярных противопоставлений.

Отметим также, что для многих грамматических значений в принципе характерен автоматизм выражения, т.е. мы концентрируемся на лексическом содержании, попутно бессознательно выбирая грамматические значения (в русском языке — вид глагола, род и сопутствующее согласование у существительных) (ср. Петрухина 2009: 32-33).

В английском языке традиционно выделяются три разряда глаголов с морфологическими парадигмами в настоящем, прошедшем и будущем временах: Simple (Indefinite), Continuous (Progressive), Perfect. Есть также разряд Perfect Continuous, который формально и по значению совмещает черты двух разрядов. Распределение темпорального, аспектуального и таксисного значения в них оценивается по-разному.

В русской англистике достаточно распространена точка зрения, сформулированная А. И. Смирницким в статье «Перфект и категория временной отнесенности. Состав перфектных форм. Значение перфекта», посмертно

опубликованной в 1955 г., согласно которой аспектуальное значение есть только у форм Continuous и Simple (ср. Ильиш 1971: 76; Блох 1983: 156; Соколова 2003: 6). Формы разряда Perfect отражают не аспектуальное значение, а временную соотношенность, которую в настоящее время чаще называют таксисом (Блох 1983: 156, 170-172). Соотношение аспектуальных и таксисных черт в перфекте вообще и в английском языке в частности рассматривает Ю. С. Маслов, отмечая, что в английском перфекте преобладают таксисные черты (Маслов 1984/2004: 66).

Эта точка зрения не вполне распространена среди нерусскоязычных ученых. Она основывается на теории противопоставления Б. Комри двух основных аспектуальных категорий: имперфектива и перфектива (Comrie 1976: 3-6, 12). Так, К. Смит под аспектуальным ракурсом имеет в виду именно оппозицию разрядов Simple и Continuous, которую она считает способом выражения оппозиции perfective / imperfective (Смит 1998: 410-411). К. Бахе признает в английском языке только аспектуальную оппозицию perfective (completeness) / imperfective (progression) и в ее рамках рассматривает формы настоящего и прошедшего времени разрядов Simple и Continuous (Bache 1995: 270-271). Родни Хаддлстон считает Present Perfect вторичной категорией времени (“a secondary past tense”), которая выражает предшествование (“complex anteriority”, в отличие от форм Past Simple, которые выражают “simple anteriority”) (Huddleston 1995: 102, 107, 111).

Авторы английских грамматик выделяют два вида: перфект и прогрессив. С. Гринбаум определяет категорию вида так: “aspect is a grammatical category referring to the way that the time of the situation is viewed by the speaker or writer; the aspect is indicated by a combination of auxiliary and verb form” (Greenbaum 1993: 51). В авторитетной Кембриджской грамматике английского языка определение вида напрямую отражает значение этих категорий: “Aspect indicates the speaker’s perspective on time as indicated in a verb phrase, particularly whether the action is treated as finished or as still in progress or still relevant to the moment of speaking” (Carter, McCarthy 2006: 892). Два вида выделяют также Дж. Лич и Я. Свартвик (Leech 1971: vii, 14-18, 30; Leech, Svartvik 2002: 66-83).

М. Льюис считает аспектуальными формы глаголов, образованные при помощи вспомогательных глаголов, которые позволяют интерпретировать темпоральные элементы событий (“a verb form involving the use of an auxiliary which allows the speaker to *interpret the temporal elements of an event*” – курсив автора) (Lewis 1991: 51). Он выделяет 3 аспектуальные формы: Perfect (a retrospective form), (be) going to (a prospective form), (be)+...ing (Lewis 1991: 75-76, 81, 85-87).

Иной точки зрения придерживается Б. Комри, выделяя в английском языке две аспектуальные оппозиции: Progressive / non-Progressive и Perfect / non-Perfect, а также абитуальный вид (Habitual) и prospective aspect (Comrie 1976: 124 (общие замечания), также соответственно 27-30, 34-40, 52-61, 64).

Э. Даль выделяет две аспектуальные категории: Progressive и the habitual past, (Dahl 1985: 90-91, 100-102) и темпоральные формы: Perfect и проспективные конструкции (Dahl 1985: 132-133 и 144, 111-112). Формы Simple настоящего и прошедшего времени он относит, по-видимому, к общему виду (default), который не обладает маркированными чертами (Dahl 1985: 19).

Подводя промежуточный итог, можем согласиться с выводом Е. Е. Соколовой об отсутствии «какого-либо однозначного определения понятия “аспектуальность”. Кроме этого, принадлежность грамматических форм ... к указанной категории также остаётся дискуссионной» (Соколова 2003: 5).

Рассмотрим подробнее аспектуальные категории, которые большинством лингвистов признаются значимыми для английского языка в настоящем и прошлом временах, оставляя за пределами обсуждения проспективные конструкции.

Прогрессивный вид (Progressive)

По определению Дж. Байби, значение прогрессивного вида в английском языке локативно по своему происхождению: “the subject is in the midst of doing something” (Bybee 1994: 135). Помещенность в деятельность — один из аспектуальных признаков прогрессивного вида в английском языке.

По мнению Дж. Байби, прогрессив зародился для описания активной вовлеченности субъекта в деятельность в определенном месте. Прототипическая

модель прогрессива имеет динамический глагол, а субъект имеет выполняет семантическую роль агенса. Кроме того, “it is used at first for activities that imply a specific location for the subject and activity” (Bybee 1994: 136). Прототипическая модель с усиленным пространственным признаком, выглядит так:

- a. An agent
- b. is located spatially
- c. in the midst of
- d. an activity
- e. at reference time (там же).

Локативная доминанта в центре действия (с) как бы стирает значимость его начала и конца — понятно, что они где-то есть, но за пределами той зоны, на которой сконцентрировано внимание. Приведем два примера соотношения восприятия события и его описания: *He can't come to the telephone; he's **taking a bath*** (момент восприятия дает мгновенный акцент на середине события, его начало и конец — вне фокуса); *But now Malia Veldhuis's **coming** into the final closing stages and **beginning** to impose herself* (комментирование соревнования по плаванию, когда восприятие события и его описание совпадают по протяженности во времени, хотя начало и конец так же не акцентированы) (примеры из Bybee 1994: 136 и Жулина 2006: 8). Момент восприятия всегда находится внутри действия, обозначенного прогрессивным видом. Эта аспектуальная характеристика сохраняется и у неличных форм глагола в объектно-инфинитивной конструкции (Objective Infinitive Construction): *I saw the accused **stabbing** the victim / I saw the accused stab the victim* (Comrie 1976: 39-40).

С ослаблением или варьированием одного или другого признака, сфера употребления прогрессива расширяется по сравнению с прототипической моделью. Например, распространение сферы прогрессива на глаголы состояния и расширение интерпретации временной отнесенности.

Глагол начинает обозначать состояние субъекта, когда роль подлежащего английского прогрессива может распространяться на субъекта-экспериенцера³. При этом может происходить ряд изменений в интерпретации временной отнесенности. Дж. Байби справедливо указывает на то, что уже А. Хэтчер

³ Семантические роли понимаются в общепринятом смысле, как они определяются, например, в The Glossary of Linguistic Terms.

отмечала, что разница между Progressive Simple Present “seems to reside in the fact that the Progressive implies a greater involvement of the subject in the activity” (Hatcher 1952; Bybee 1994: 134). Вовлеченность субъекта не указывается в прототипической модели Байби. Вовлеченность субъекта сопровождается актуализацией настоящего момента / момента речи. Дж. Байби приводит следующие примеры из (Hatcher 1952: 269-72), иллюстрирующие бóльшую вовлеченность субъекта в действие: *Imagine: at last I'm seeing the Mona Lisa; I am hoping and praying the he'll come; He thinks he's being entertaining, but he's only boring her to death*. В примере: *I see it / I'm seeing it more clearly now*, прогрессив обозначает изменение состояния. Наряду с этими примерами, приводится еще один пример из того же источника: *I taste something bitter / I'm only tasting it (I'm not going to eat it)*. Дж. Байби отмечает, что здесь “the Progressive changes the interpretation of the predicate to a dynamic one that involves an agent” (Bybee 1994: 134). Так бóльшая вовлеченность субъекта в действие выражается через добавление переходности и изменение лексического значения глагола: пассивное получение информации через органы чувственного восприятия сменяется активным исследованием мира при их помощи (в данном случае — вкуса). Так глагол из класса состояния переходит в класс деятельности (ср. Binnick 1991: 173).

Если идти от значения к форме, то подобную актуализацию, включенность в момент речи отражают также сочетания глагола *can* с глаголами чувственного восприятия (*can see, can hear*). Глаголы чувственного восприятия, как и некоторые другие глаголы внутреннего состояния (мышления, оценки и др.), возможно, поскольку прототипическая деятельность (activity), о которой говорит Дж. Байби, у них не вполне наблюдается. Е. Б. Жулина отмечает, что «при помощи форм *can see* и *can hear* наблюдатель описывает способность видеть или слышать в текущий момент и, следовательно, нахождение в *состоянии* зрительного или слухового восприятия». Например, наблюдатель описывает разговор игрока со своими товарищами по команде во время спортивного соревнования: *I can hear Alexander Shalk talking to his colleagues suggesting to them something* (Жулина 2006: 10). Хотя лингвисты, по нашим наблюдениям, не включают в сферу охвата прогрессивного вида сочетания типа *can hear, can see*,

возможно, они все же имеют отношение к периферическим проявлениям категориального признака прогрессивного вида. В пользу этого говорит то, что, по данным Е. Б. Жулиной, они составляют 62% от общего числа форм настоящего времени глаголов *see* и *hear* в прямых репортажах о соревнованиях по кёрлингу и об официальном открытии сессии Британского парламента, то есть в состоянии непосредственного наблюдения событий, достаточно медленно сменяющих друг друга, когда наблюдатель находится как раз в центре ситуации восприятия (Жулина 2006: 10).

Изменение параметра временной отнесенности приводит к тому, что прогрессив начинает выражать многократные действия: *We are going to the opera a lot these days* (сейчас — часто, а обычно — нет, т.е. выражение временности ситуации, ее типичности только для настоящего момента с противопоставлением с обычным порядком вещей (пример из Comrie 1976: 37)

В целом, широкий охват английского прогрессива приводит к тому, что “the English Progressive appears to be very rich in meaning, supplying the sentence both with aspectual and non-aspectual nuances” (Bybee 1994: 138). Поиски инварианта прогрессивного значения приводят к определению “an on-going action or state of affairs” (Bybee 1994: 136), ср. “an on-going activity” (Dahl 1985: 91). На типологически нетипичные значения английского прогрессива указывают Б. Комри, Э. Даль, Ю. С. Маслов и др., включая и указанные выше значения (Comrie 1976: 36-40; Dahl 1985: 93-94, Маслов 1984/2004: 45), анализ аспектуальных значений прогрессива в английском языке детально проводится в (Leech 1971: 14-29; Leech, Svartvik 2002: 67-68, Lewis 1991: 87-89).

Особенность английского прогрессивного вида состоит в том, что в нем не употребляются глаголы класса *states*. В этом плане примечательно сравнение степени грамматикализации вида в русском и английском языках, сделанное Б. Комри: в русском языке вид является грамматической категорией, а в английском “this opposition has not been grammaticalised, and where the particular opposition has not been grammaticalised, namely that between progressive and nonprogressive meaning, is comparable to the imperfective/perfective distinction only in a limited set of verbs (nonstative verbs), and then only if habitual meaning is excluded” (Comrie 1976: 7). Видится, что степень грамматикализации английского

прогрессива все же достаточно высока, поскольку неполное его распространение на лексику связано с тем, что происходит наложение, дублирование аспектуального характера значения глаголов и значения морфологической формы.

Перфектный вид (Perfect)

Общепринято считать, что времена разряда Perfect выражают прошедшее действие с актуальностью для текущего момента (past action with current relevance”) (Bybee 1994: 61). Это значение Б. Комри называет Perfect, Дж. Байби относит его группе Anterior, что отражает его таксисную природу.

Традиционно выделяются такие значения:

— “a past action that is relevant to the current situation”, ср. *I've just eaten dinner (so I don't want any more food)*;

— “how news”, ср. *Nixon has resigned*;

— “experiential”, ср. *Have you ever been to London?*;

— предшествование в сочетании с прогрессивным видом, ср. *I've been waiting for him for an hour* (примеры и формулировки из Bybee 1994: 61-62).

Представляется, что эти значения носят в основном таксисный характер. Употребление перфектного вида не исключается в нарративе для сообщения о событиях, которые не включены в линейную последовательность повествования, таких, которые произошли до момента повествования.

Кроме того, Дж. Байби выделяет для времен разряда Perfect значения результативного вида, который отражает состояния, которые возникли вследствие прошлого действия (“a state exists as a result of a past action”) (Bybee 1994: 54). Эти значения выражаются формой со вспомогательным глаголом be. Ср. *He is gone* (результативный вид) — *He has gone* (перфектный вид); *The door is closed* (результативный вид) — *The door has closed* (перфектный вид) — *The door is closed by the doorman* (страдательный залог) (Bybee 1994: 63).

Несмотря на формальное различие в выражении перфектного и результативного значений, окончательное решение о соотношении таксиса и перфектной аспектуальности в разряде Perfect в рамках настоящей работы невозможно, и принимается точка зрения, что эти формы имеют смешанную аспектуально-таксисную природу.

Абитуальный вид в прошедшем времени (Habitual Past)

Абитуальный вид в прошедшем времени (Habitual Past) в английском языке с формой *used to* выделяют Б. Комри, Э. Даль, Дж. Байби, Ю. С. Маслов (Comrie 1976: 26-31, Dahl 1985: 100-102, Bybee 1994: 155-157; Маслов 1984/2004: 48-50). Абитуальные контексты характеризуются так: “they describe a situation which is characteristic of an extended period of time, so extended in fact that the situation referred to is viewed not as an incidental property of the moment but, precisely, as a characteristic feature of a whole period” (Comrie 1976: 27-28). В понимании Б. Комри и Э. Даля абитуальный аспект обязательно означает просто повторяющееся действие, т.е. он не равен итеративности, хотя может ее включать, ср: *The Temple of Diana used to stand at Ephesus* (длительность, нет итеративности); *The policeman used to stand at the corner for two hours each day* (присутствуют и длительность, и итеративность); *The old professor used always to arrive late* (длительности нет, итеративность есть) (примеры: там же). Заметим, что признак длительности в данных примерах заключен в семантике глаголов, а итеративность диктуется контекстом (обстоятельствами времени/частотности).

Абитуальный вид сочетается с прогрессивным, при этом прогрессивный вид сохраняет свои особые таксисные свойства: рамочность (“the Progressive indicates a situation that frames another situation”), ср. *When I visited John, he used to be reciting his latest poems*, т.е. гость по приходу помещался сразу в середину сцены декламирования стихов, Джон начинал читать стихи до прихода гостя. Высказывание *When I visited John, he used to recite his latest poems* дает картину последовательный действий: сначала приходит гость, затем Джон начинает читать свои стихи (Comrie 1976: 30).

Кроме того, Дж. Байби справедливо выделяет формы абитуального вида с глаголами *will* и *would*, которые совмещают модальные и аспектуальные значения. Past Habitual с формой *would* схож с формой с *used to* и включает значение итеративности. Что касается формы настоящего времени с *will*, то она используется с настоящим времени для обозначения типичного поведения (characteristic behavior) (Bybee 1994: 156-157).

Настоящие и прошедшие формы разряда Simple

Дж. Байби разделяет аспектуальные ситуации, которые могут возникать одновременно с моментом речи, на прогрессив, абитуальные ситуации (*habitual situations*), гномическое настоящее (*gnomic, generic situations*), стативные ситуации (*states*). Прогрессив был рассмотрен выше, равно как и грамматикализованные формы прошедшего времени абитуального вида. Гномическое (генерическое, афористическое) настоящее обозначает ситуации, которые остаются всегда верны: *Dogs pant to cool off* (примеры из Bybee 1994: 126).

Абитуальное значение в настоящем времени можно определить как: “a state consisting of a series of event”, “a repetition of events” (Leech, Svartvik 2002: 66-67), его также часто приравнивают к итеративному значению (например, Leech 1971: 5). Пример не выделенной формально абитуальной ситуации в настоящем: ‘*What do you do in the evenings?*’ — ‘*I watch television*’. Отметим то, что абитуальное значение в любой непрогрессивной форме, включая Present, приобретают глаголы классов *activity* и *accomplishment* (Binnick 1991: 173).

Формы разряда Simple в типологических исследованиях чаще всего сближают с имперфективом настоящего времени. Имперфектив обычно понимается, вслед за Б. Комри, как вид, раскрывающий внутреннюю временную структуру ситуации, отражающий ситуацию изнутри (“the general characterization of imperfectivity ... [is] ... explicit reference to the internal temporal structure of a situation, viewing a situation from within” (Comrie 1976: 24). Как считает Дж. Байби, все указанные выше аспектуальные категории легко вбирает в себя имперфект, или present: “an imperfective situation may be one viewed as ...characteristic of a period of time that includes the reference time, that is, a habitual situation. Imperfective forms are typically used in discourse for setting up background situations... An imperfective restricted to the present is simply a present, since a present situation cannot be perfective” (Bybee 1994: 125-126, а также 151-152). Различия же между всеми типами ситуаций, которые может выражать имперфектив настоящего времени (present) выражаются неглагольными средствами, а не закреплены формально у глагола. Так, разница между гномическим и абитуальным высказываниями заключены лишь в выборе общей или специфической референции подлежащего: *Dogs pant to cool off* — *My dog pants to cool off* (Bybee 1994: 152). В обоих

высказываниях длительность глагола, строго говоря, выходит за рамки настоящего времени. Дж. Байби отмечает, что разница между абитуальными высказываниями и стативными ситуациями также невелика. Стативные высказывания отражают ситуацию, которая включает, но может и превосходить настоящий момент. Отличаются они аспектуальными характеристиками значения глагола: в абитуальных ситуациях используются, как правило, динамические многократные глаголы, а не стативные (там же).

Это свидетельствует в пользу того, что форма Present Simple имеет общее, нейтральное значение (Э. Даль называет его default (Dahl 1985: 19)). Дж. Байби заключает, что общее значение этих форм — обозначение привычных действий и поведения, а также длящихся состояний: “The absence of any explicit tense or aspect meaning in the Simple Present, then, leaves it open to absorb the meaning inherent to normal social and physical phenomena, and this meaning, if described and broken down explicitly, consists of habitual occurrence and behavior as well as ongoing states” (Bybee 1994: 152).

Прошедшее время в английском языке сближается с типологическим перфективом. Перфектив как прототипический вид противопоставляется имперфективу и обозначает ситуацию, взятую целиком, без уточнения ее внутренней темпоральной структуры (“denoted a situation viewed in its entirety, without regard to internal temporal constituency”) (Comrie 1976: 12). Перфектив также противопоставляется перфекту, который обозначает прошедшее действие с актуальностью для настоящего момента (“past situation which has present relevance”) (там же).

Прототипический перфектив в целом достаточно схож с сов. видом в русском языке. Основной аспектуальный признак перфектива — целостность: “the perfective does indeed denote a complete situation, with beginning, middle, and end” (Comrie 1976: 18). Рассматривая аспектуальные признаки, характеризующие перфектив, Б. Комри не признает для него важность признака законченности: “the use of ‘completed’, however, puts too much emphasis on the termination of the situation, whereas the use of the perfective puts no more emphasis, necessarily, on the end of a situation than on any other part of the situation, rather all parts of the situation are presented as a single whole” (там же). Результативность оценивается Б. Комри

как один из типов перфектива, но этот признак также не оценивается как ведущий, поскольку акцентирует завершительную фазу действия: “the term ‘resultative’, like the term ‘completed’, puts unnecessary emphasis on the final stage of the situation rather than on its totality” (Comrie 1976: 21). Как было описано выше, результативность проявляется в английском языке как раз у форм перфекта (а не перфектива).

Проявление начинательного значения у перфективных глаголов Б. Комри оценивает с некоторым сомнением. Глаголы типа *to sit* и *to know* могут означать как состояния, так и вхождение в это состояние: “verbs can in general be either stative or ingressive, i.e. can in general refer either to the state or to entry into that state, like, for instance, English *sit* (which can mean either ‘be sitting’ or ‘adopt a sitting position’); compare also English *and suddenly he knew/understood what was happening*, where the meaning is also ingressive” (Comrie 1976: 20). Иными словами эти глаголы могут входить в разные классы Вендлера: *states* и *achievements*. Это соотношение значений повторяет семантические отношения в перфектных парах глаголов типа *увидеть/видеть*, *верить/поверить*, в которых сов. вид обозначает не исход действия, а начало нового состояния (ср. Падучева 1996: 94-96; Петрухина 2009: 81), и это не та начинательность, которую отражают глаголы начинательного способа действия в русском языке.

Начинательное инхоативное значение появляется у глаголов в контексте. Например, глагол *to believe* в форме Simple Past, который обычно рассматривается как стативный, допускает как стативную, так и инхоативную интерпретации:

а. *Macbeth believed in ghosts for years*. Макбет верил в призраков многие годы.

б. *Macbeth believed in ghosts when he saw Banquo*. Макбет поверил в призраков, когда увидел Банко (пример К. С. Смит, цит по: Татевосов 2005: 115). (Подробнее о различии между ингрессивным и инхоативным значениями см. далее в разделе, посвященному отбору материала).

С функциональной точки зрения, Past Simple близок перфективу в том, что оба используются для обозначения последовательных цепочек действий в нарративе, как и формы сов. вида русских глаголов (реализация признака «секвентная связь»).

Итак, ФСП аспектуальности в английском языке является полицентрическим. Одну его доминанту составляет аспектуальная категория прогрессива, другую — аспектуально-таксисная категория перфекта. Эти категории грамматикализованы, т. е. формально оформляются посредством перифрастических сочетаний, поэтому мы относим их к центру. Другие аспектуальные категории — в первую очередь абитуальная и гномическая — не имеют столь последовательного формального выражения и не образуют столь четко очерченные центры. Абитуальный вид имеет несколько семантических вариантов и выражается разными перифрастическими сочетаниями и формами Present Simple. Гномический вид выражается формами Present Simple, за которыми закреплены также другие аспектуальные значения.

Аспектуальность в английском языке выражается не только грамматикализованными средствами, но и аспектуальными признаками в семантике глаголов и контекстуальными средствами, которые играют нередко ключевую роль.

Выводы по Главе 2

Во второй главе были рассмотрены некоторые аспектуальные признаки в лексическом значении русских и английских глаголов, классификация английских глаголов З. Вендлера, была дана характеристика системы вида и аспектуальных значений глагола в русском языке и категории аспектуальности в английском языке.

Аспектуальные признаки в лексическом значении глаголов также называют акциональными признаками. Они важны для понимания аспектуальности в русском языке, и играют ключевую роль в английской аспектуальности. На основании этих признаков выделяют разные лексико-грамматические (в другой терминологии: акциональные, аспектуальные) классы глаголов. Рассмотрены следующие аспектуальные признаки лексики: предельность/непредельность, мгновенность/длительность (и связанные с ними однократность / многократность), статика/динамика, фазовая детерминация.

Предельность характеризует действия с точки зрения его направленности / ненаправленности к пределу (границе), с достижением которого действие прекращается. Есть некоторое различие в трактовки предельности для русских и английских глаголов. В русском языке предельные глаголы образуют предельные пары, где глагол несов. вида обозначает процесс, который потенциально направлен на достижение предела (ср. *Долго убеждал*; *Он засыпает* (= вот-вот заснет); *Дерево падает* (= вот-вот упадет)) а глагол сов. вида — событие, к которому привел этот процесс (ср. *Наконец он нас убедил*; *Он заснул*; *Дерево упало*) (примеры из: Бондарко 2002: 398 и Петрухина 2009: 77-81). Простой тест на определение предельной пары: эти глаголы можно употребить во фразе типа «строить, строить и построить». Кроме того, глаголы, непредельные в некоторых значениях, могут становиться предельными в сочетании с дополнением (определенного типа) или с обстоятельством границы (цели) действия (ср. *курить* и *курить/выкурить сигарету*, *идти* (медленно) и *идти/прийти сюда*) (примеры из Маслов 1978/2004: 315-316). Именно это поведение характерно для английских глаголов: один и то же глагол может выступать как предельный, и как

непредельный. Предельность глагола может выражаться через дополнение, которое знаменует конечную точку развития ситуации, ср. *Joe is reading* (непредельный), *Joe is reading a book* (предельный).

У русских глаголов различают два вида предельности. Предельность, о которой речь шла до этого — лексическая предельность (или предельность в узком понимании). Грамматическая предельность (предельность в широком понимании) связана не с лексическим значением глагола, а с распространением категориального аспектуального признака предельности. Она просто фиксирует предел, после которого действие прекращается. Грамматически предельными являются все глаголы сов. вида, включая глаголы рассматриваемых способов действия: начинательного (*зашипеть*), делимитативного (*поспать*), терминативного (*прошипеть*), завершительного (*донеть*).

Признак длительности формирует классы однократных (семельфактивных) и многократных (итеративных) глаголов. Английские глаголы могут иметь как значение однократности, так и многократности, ср. *to cough*, и их значения проявляются видо-временной формой и контекстом. В русском языке на основании однократности / многократности устанавливаются семантические отношения в тривиальной видовой паре (*дать/давать*). Кроме того, есть видовое соотношение одноактность / многоактность или мультипликативность (ср. семельфактивные пары *кинуть - кидать*, *махнуть - махать*), в них многоактный глагол описывает некоторую деятельность, а одноактный глагол обозначает единичный “квант” этой деятельности». От многоактных глаголов легко образуются глаголы начинательного инхоативного способа действия (*махать — замахать*). Внутренняя детерминация длительности определяет аспектуальное значение глаголов делимитативного способа действия (*посидеть* — некоторая ограниченная длительность) и терминативного способа действия (*проговорить* — подчеркнутое отсутствие длительности). У глаголов начинательного способа действия длительность никак внешне не выражена, она имплицитна. Обозначая начальную фазу действия, ограниченную пределом, начинательные глаголы подразумевают его продолжение (*Она затараторила*).

Стативные и динамические глаголы отражают противопоставление ситуаций, которые длятся и не изменяются во времени (стативные), и ситуации, в

которых есть изменение (динамические). Для поддержания динамической ситуации всегда нужно поступление энергии изнутри (от агента) или извне.

Фазовая детерминация, т.е. выделение начальной, серединной или конечной фаз протекания действия или процесса, актуальна для глаголов начинательного и завершительного способов действия. В английском языке фазовость выражается либо сочетаниями с фазовыми глаголами *to read/to begin reading/to finish reading*, либо фразовыми глаголами *to eat/to eat up, to drink/to drink up*.

Классификация глагольных значений в английском языке Зено Вендлера группирует глаголы соответствии с аспектуальными семантическими признаками по типам описываемых ими ситуаций. В основу положен признак лексической предельности, разная синтаксическая сочетаемость (с обстоятельством времени и длительности) и морфологическое поведение (возможность или невозможность образования видовременных форм, особенно длительного разряда).

Глаголы класса *activities* неопредельны и допускают использование форм разряда *Continuous (to run, to drive)*. Глаголы класса *accomplishments* предельны и не используются в формах разряда *Continuous (to paint a picture, to build a house)*. Глаголы класса *achievements* обозначает события, которые происходят моментально, дают скачкообразный переход в новое состояние без подготовительной стадии; они не сочетаются с разрядом *Continuous (to recognize, to find)*. К классу *states* относятся состояния; они длительны и неопредельны (*to know, to love*).

Классы Вендлера, с одной стороны, и способы действия и типы парных глаголов, с другой стороны, относятся к явлениям одного порядка и объединяют глаголы на основе общих аспектуальных компонентов значения, схожести характера действия. Детальное сопоставление способов действия с классами Вендлера провести затруднительно, поскольку основные аспектуальные компоненты значения у них не совпадают. Полагаем, что у инхоативных пар (*закинать/закинеть*) глаголы несов. вида обозначают процесс и относятся к *activities*, а глаголы сов. вида относятся к *achievements*. Начинательный, терминативный и завершительный способы действия, как и все глаголы сов. вида, относящиеся к способам действия можно отнести к *achievements*, поскольку

грамматическая предельность связана со “скачком в новое” без указания на ведущий в этому процесс.

ФСП аспектуальности в русском языке является моноцентрическим. В его центре находится категория вида, которая охватывает всю систему русского глагола. К периферии поля аспектуальности относятся способы глагольного действия, аспектуальные признаки в лексическом значении глаголов (предельность/непредельность, статичность и т.п.), а также семантические признаки, передаваемые обстоятельствами временного образа действия типа «долго», «медленно», «постепенно», «вдруг» и т. п.

Категория вида в русском языке является грамматической категорией, обязательной для русского глагола. Важная типологическая особенность русского языка проявляется в тесной связи морфологии и словообразования: префиксальная и суффиксальная деривация используются для образования грамматических форм сов. и несом. вида.

Для понимания аспектуальной семантики в русском языке важны признаки целостности и ограниченности действия пределом, которые выдвигает как категориальные А. В. Бондарко, секвентная связь, которую относит к центральным признакам А. Барентсен, и признак длительности, который по-разному характеризует анализируемые в данной работе способы глагольного действия.

Категориальные признаки свойственны сов. виду в целом. Целостность действия предполагает, с одной стороны, нечленимость его на начальную, серединную и конечную фазы, и с другой стороны, отсутствие процессности, т.е. динамической структуры разворачивания действия во времени. Понятие нечленимости действия на фазы не противоречит выделению глаголами начинательного и завершительного способов действия начальной или конечной фаз действия (*занеть, допеть*). Эти способы действия представляют целостность одной фазы действия — начальной или конечной соответственно, а остальные фазы действия могут имплицироваться лексическим значением глагола и/или выражаться в контексте.

Признак ограниченности действия пределом связан с исчерпанностью действия, достижением границы его проявления. Признак ограниченности

действия пределом проявляет себя не вполне очевидно в глаголах начинательного и делимитативного способов действия. Начинательный глагол выражает действие, ограниченное первой фазой, а следующие за начинательной фазы только имплицитуются. Парные глаголы со значением начинательности отражают предел, ограниченный первой фазой, по-разному: глагол несов. вида обозначает прохождение первой фазы, а глагол сов. вида представляет прохождение начальной ситуации как результат, т.е. наступила новая ситуация, ср. *деревья зацветают* — распускаются первые цветы; *деревья зацвели* — мы видим распустившиеся цветы, деревья цветут. В делимитативных глаголах (*посидеть*) признак ограниченности действия пределом позволяет выделить одну «порцию» действия при образовании непарного глагола сов. вида.

К центральным категориальным признакам «целостность» и «ограниченность действия пределом» примыкает признак «секвентная связь». При употреблении форм сов. вида прошедшего времени для передачи цепи сменяющихся событий секвентная связь обнаруживает себя в связывании конца одного действия с началом другого. Секвентная связь объясняет базовую закономерность функционирования видов в повествовании в прошедшем времени: формы сов. вида составляют линию развертывания сюжета, а формы несов. вида образуют фон, на котором происходят события. Если в цепь последовательных действий включаются глаголы, обозначающие процессы или неопределенную деятельность, то русский язык требует обозначить временные границы этих процессов. Это возможно через использование приставочных глаголов начинательного и делимитативного способов действия, а также, вероятно, глаголов завершительного способа действия (ср. *Допил чай и заговорил; Заплакал ребенок, и она быстро дорезала хлеб*).

Категория аспектуальности связана с другими категориями аспектуально-темпорального комплекса. Это темпоральность, ядром которой является морфологическая категория времени, и таксис (временная соотнесенность), который характеризует событие по его отношению к другому событию безотносительно акта речи (в отличие от темпоральности).

Способы глагольного действия — это лексико-грамматические разряды глаголов, связанные, с одной стороны, с категорией вида, а с другой стороны —

со словообразованием. Глаголы способов действия — это непарные глаголы сов. или несов. вида, образованные от бесприставочных глаголов путем префиксации (а также суффиксации и добавления префиксально-суффиксальных формантов). Начинательный, делимитативный, терминативный и завершительный способы действия — префиксальные, они объединяют глаголы сов. вида. Под воздействием деривации изначальное значение глагола определенным образом меняется, поэтому все глаголы одного способа действия имеют общий компонент значения аспектуального характера, продиктованный словообразовательной моделью. Это отличает способы действия от префиксации как способа образования парных глаголов сов. вида, где значение приставки тесно связано со значением глагола и по сути его не меняет. Такие приставки иногда называют чистовидовыми. Другая особенность способов действия — они представляют собой открытые классы. Деривационных моделей для образования непарных глаголов достаточно много, но не все они называются способами действия. К способам действия исследователи относят лишь наиболее обширные и регулярные классы глаголов. Лингвисты предлагают разные классификации и разные названия способов действия, поэтому мы выбрали наиболее широко употребительные названия, опираясь в основном на терминологию «Русской грамматики» и учебного пособия Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева (Русская грамматика §1415, §1418, §1432, §1433; Зализняк, Шмелев, 2015а).

Способы действия нужно отличать от групп глаголов, которые можно выделить на основании только семантических (а не словообразовательных) критериев, таких как результативность, временная терминативность, продолжительность и др. В нерусскоязычной литературе для обозначения самых разных аспектуальных классов глаголов, в том числе и способов действия, широко употребляется термин *Aktionsart*.

Хотя способы действия — непарные глаголы, они развивают видовую парность двумя способами. Во-первых, глаголы начинательного способа действия образуют суффиксальные глаголы несов. вида: *заговорить/заговаривать*. Во-вторых, под действием секвентной связи в нарративных цепочках степень осознанности употребления глаголов начинательного и делимитативного способа действия снижается, и, по мнению Е. В. Петрухиной, это приводит к

грамматикализации этих форм и втягивание таких начинательных глаголов и делимитативов в отношения видовой парности с бесприставочными глаголами: *Ребенок увидел незнакомого человека, пронзительно закричал и побежал к дому* – *Ребенок видит незнакомого человека, пронзительно кричит и бежит к дому*. Кроме того, делимитативы имеют тенденцию приближаться к видовым коррелятам в прошедшем времени, когда последовательность действий ясна из контекста или несущественна: *Они покричали, поспорили, но ни до чего не договорились* – *Они кричат, спорят, но ни до чего не договариваются* (пример из Петрухина 2009: 108-109).

Эти процессы грамматикализации учитывались при отборе материала исследования. Проводился подробный анализ каждого примера на предмет степени грамматикализации значения приставки и утраты глаголом значения образа действия.

Если представлять аспектуальность в английском языке в виде функционально-семантического поля (ФСП), то в центре, вероятно, можно расположить аспектуальные значения, регулярно выражаемые морфологическими видовременными формами, а аспектуальные лексико-грамматические характеристики глаголов и другие средства будут располагаться по направлению к периферии. В отличие от ФСП аспектуальности русского языка, ФСП аспектуальности английского языка полицентрично. Одну его доминанту составляет аспектуальная категория прогрессива (выражается формами Continuous), другую — аспектуально-таксисная категория перфекта (выражается формами Perfect). Другие аспектуальные категории, в первую очередь абитуальная и гномическая, не имеют столь последовательного формального выражения и не образуют четко очерченные центры. Абитуальный вид имеет несколько семантических вариантов и выражается разными перифрастическими сочетаниями (выражения *used to*, *would*) и формами Present Simple. Гномический вид выражается формами Present Simple, за которыми закреплены также другие аспектуальные значения. Аспектуальность в английском языке выражается не только грамматикализованными средствами, но и аспектуальными признаками в семантике глаголов и контекстуальными средствами, которые нередко играют ключевую роль.

Прошедшее время в английском языке (Past Simple) сближается с типологическим перфективом. Перфектив как прототипический вид противопоставляется имперфективу (и перфекту) и обозначает ситуацию целиком без уточнения ее внутренней темпоральной структуры. Прототипический перфектив сближается с сов. видом в русском языке по одному категориальному аспектуальному признаку: целостности, т.е. выражению всего действия, его начала, середины и конца, воедино. Формы Past Simple также близки перфективу и сов. виду в том, что они используются для обозначения последовательных цепочек действий в нарративе.

Начинательное (ингрессивное) значение, которые выделяют у английских глаголов в форме Past Simple отличается от аспектуального значения русских глаголов начинательного способа действия. Начинательное значение появляется у глаголов типа *to believe, to sit, to know*, когда они под влиянием контекста из класса *states* попадают в класс *achievements*, ср. *and suddenly he knew/understood what was happening* (пример: Comrie 1976: 20). Это смена значения повторяет семантические отношения в перфектных парах глаголов типа *увидеть/видеть, верить/поверить, сидеть/сесть*, в которых сов. вид обозначает не исход действия, а начало нового состояния. Глаголы начинательного способа действия выражают начальный отрезок ситуации как приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью.

В целом нужно отметить, что русская и английская аспектуальные системы имеют очень мало соответствий и точек соприкосновения. Самым ярким «пятном контакта» можно назвать схожесть форм Past Simple и глаголов сов. вида по признакам целостности и секвентной связи.

Глава 3. Методология и объект исследования

В данной главе будут рассмотрены основные методы, применяющиеся в исследовании, а также будет обоснован отбор материала. В описание процедуры отбора включены также некоторые релевантные теоретические рассуждения об аспектах значения русских глаголов начинательного, делимитативного, терминативного и завершительного способов действия.

3.1. Методы исследования

Объект исследования — префиксальные глаголы совершенного вида начинательного, делимитативного, терминативного и завершительного способов действия в русском языке и их функциональные соответствия в английском языке. Особенность сопоставительного анализа заключается в том, что в русском языке способы действия — это группы глаголов, которые уточняют характер протекания действия во времени и имеют собственную словообразовательную модель. В английском языке способы действия не выделяются ни семантически, ни формально, поэтому анализ проводится на уровне выявления степени выраженности основных аспектуально-семантических признаков, характерных для способов действия русских глаголов.

Данное исследование основывается на двух подходах. Первый подход — функциональный, поскольку объектом исследования являются разноуровневые средства языковой репрезентации когнитивно-семантических категорий «начало события», «ограничение действия временными пределами», «достижение результата действия» и «конец события» в английском и русском языках. Второй подход — сопоставительный, поскольку полученные результаты далее служат предметом сопоставительного анализа. Единицами сопоставительного анализа являются не только лексические единицы, но и грамматические явления, синтаксические конструкции, контекст сравниваемых языков.

Исследование проводится на основе лингвистического наблюдения (иными словами — на основе традиционного описательного или дескриптивного метода). Этот метод предполагает анализ и фиксацию языкового материала в его функционировании, в нашем случае — в письменной речи. Процедура лингвистического наблюдения обычно такова: 1) для сбора материала используется метод сплошной выборки; 2) проводится качественный анализ (анализируются контексты употребления слова, сочетаемость слова, проводится контекстуальный анализ значения) и количественный анализ; 3) зафиксированные в ходе наблюдения данные обобщаются и делаются выводы о значениях и функциях зафиксированных в ходе наблюдения языковых единиц, 4) делается статистический анализ (см. также: Стернин 2008).

В данном исследовании процедуры сбора материала и его обработки для получения научного результата опирались на частные методики: как на качественные, так и на элементы количественных. К качественным методам относятся:

- морфологический анализ русских глаголов и выделение префиксов, связанных с аспектуальным значением;
- критерий Маслова для определения видовых коррелятов;
- контекстуальный анализ неглагольных средств выражения аспектуальных значений и условий актуализации глагольных сем в различных контекстах;
- метод логической трансформации;
- лингвистическое описание фактов и их систематизация;
- сопоставительный анализ функциональных соответствий и речевых контекстов на русском и английском языках.

Рассмотрим более подробно некоторые из методов.

Морфологический анализ, наверное, хорошо известен. Напомним лишь, что перфективные способы действия (а выбранные нами для исследования способы действия все являются перфективными) образуются префиксальным способом, т.е. для них можно выявить бесприставочный глагол. Эта связь с исходным глаголом, как правило, «живая»: *бормотать – забормотать*. К таким «живым» глаголам примыкают образования, построенные по сходной морфологической модели, со сходными компонентами значения, но без

прозрачной словообразовательной структуры. Вычленив «живой» современный исходный бесприставочный глагол для них невозможно, например: добраться (подробнее см. в: Зализняк, Шмелев 2015а: 112). Нам попались единичные примеры с такими глаголами, и мы не включили их в материал исследования.

Критерий Маслова используется для определения видовой пары. Этот подход по своей сути функциональный. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев определяют его суть так: «Если некоторый глагол несов. вида может обозначать событие, то он образует видовую пару с тем глаголом сов. вида, который обозначает то же самое событие» (Зализняк, Шмелев 2015а:55). Глагол несов. вида может использоваться для обозначения событий в различных контекстах. Но только в двух случаях употребление сов. вида полностью исключается, и не возникает конкуренции вида (ситуации, когда можно использовать и глагол сов. вида, и глагол несов. вида): при описании повторяющихся событий и в настоящем историческом. Эти контексты также называют случаями обязательной нейтрализации видового противопоставления (подробнее см, например, в Петрухина 2009: 69-74). Иметь два контекста для «проверки» удобно в том случае, если глагол невозможно употребить в одном из них в силу его семантики. Но, по-видимому, удовлетворения по одному из текстов достаточно, чтобы определить парный глагол несов. вида (Зализняк, Шмелев 2015а: 56). Для данного исследования критерий Маслова использовался для «выбраковки» парных глаголов, где специфическое значение префикса в значительной степени стерто (за несколькими описанными в следующем разделе исключениями).

Контекстуальный анализ неглагольных средств выражения аспектуальных значений и условий актуализации глагольных сем в различных контекстах подразумевает, в первую очередь, анализ таксисной ситуации и выявление таких контекстов, как цепочка событий, фоновое действие и т.п.

Метод логической трансформации для уточнения значения глаголов заключается в нахождении синонимичных выражений или подстановке «проверочных» слов, которые позволяют более точно выявить значение глаголов. Более подробно применение метода логической трансформации описывается в следующем разделе для начинательных и делимитативных глаголов.

Количественные методы представлены методом сплошной выборки и элементами статистического анализа.

Метод сплошной выборки предполагает выбор из массива текста всех интересующих языковых явлений. Это — неотъемлемая часть лингвистического наблюдения. По мере прочтения текста, встретившиеся явления фиксируются на специальных карточках, где представлены фразы, контексты из параллельных текстов. Выборка материала шла от русского текста, поскольку в русском языке значения интересующих способов действия обязательно выражены и присутствуют формальные показатели — префиксы. Выборка осуществлялась либо вручную, при внимательном прочтении текста, либо при помощи функции поиска префиксов в электронном тексте.

Элементы статистического анализа представлены дистрибутивно-статистическим анализом, который показывает повышение или понижение частотности определенных явлений. Эта статистика служит основой для исследовательских выводов (Арнольд 1991: 41-43).

3.2. Отбор материала исследования. Начинательный, делимитативный, терминативный и завершительный способы действия в русском языке

Материалом для анализа послужили примеры употребления глаголов, выражающих начинательный, делимитативный, терминативный и завершительный способы действия в русских и английских автопереводах Владимира Набокова романа «Лолита» и автобиографии «Другие берега». Роман «Лолита» был написан по-английски и переведен автором на русский, и тексты, в общем, совпадают. Автобиография была изначально написана на английском языке (под названием *Conclusive Evidence*), затем переведена автором на русский язык, при этом он ее сильно переработал, а затем доработал английский текст/снова перевел, так появилась автобиография *Speak, Memory!*

Тексты автобиографий «Другие берега» и *Speak, Memory!* не совсем параллельны, как отмечалось в Главе 1 (в английском тексте даже на одну главу больше), и это немного ограничило выборку материала. В ряде случаев элементу ситуации в русском тексте соответствовала лакуна в английском тексте. В этом случае мы проверили текст автобиографии “*Conclusive Evidence*”, но во всех случаях там тоже были лакуны. Другим фактором, ограничившим выборку, стало использование в воспоминаниях контекстов с глаголами несовершенного вида — писатель как бы наблюдает, заново переживает картины прошлого.

Кроме личных форм глагола было проанализированы причастия, образованные от глаголов вышеуказанных способов действия. В тех случаях, когда от глаголов способа действия образуются видовые корреляты путем имперфективации, она также были включены в выборку (такие случаи крайне малочисленны).

Отбор материала проводился в несколько этапов. Отправной точкой послужили русские тексты Владимира Набокова, поскольку в русском языке есть способы действия, которые уточняют характер протекания действия во времени и имеют словообразовательную модель. В английском языке способы действия, напротив, не выделяются ни семантически, ни формально. Сначала были

отобраны все случаи употребления префиксальных глаголов, представляющих способы действия в романе «Лолита» (на русском языке). Из глаголов самых разных способов действия были отобраны те способы действия, на которые пришлось наиболее представительная выборка. Ими оказались начинательный, делимитативный, терминативный и завершительный способы действия. Далее была сделана выборка русских глаголов именно этих способов действия из автобиографии «Другие берега». Обнаруженные русские примеры были проанализированы, в некоторых случаях выборка была еще сужена, поскольку некоторые глаголы, имея сходство с глаголами определенных способов действия, ими не являются. Таким случаям уделено особое внимание. Результаты этого анализа и описание специфики словообразовательной модели и аспектуального значения глаголов рассматриваемых способов действия представлены ниже в этой главе. Далее был проведен анализ английских соответствий русских глаголов (он представлен в Главе 4).

Начинательный (инхоативный) способ действия

Глаголы начинательного способа действия относятся к временным (фазисно-временным) способам действия и выражают значение начала действия. Существует две разновидности начинательного способа действия. Первая имеет значение «приступа к действию, начального фазиса действия (*заходить*)» (Русская грамматика: §1415). Глаголы второй разновидности имеют значение «начала и продолжения действия в едином целом, которое не членится на фазисы (достижения результата в процессе возникновения действия): *пойти, вскричать*» (Русская грамматика: §1415). Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев, вслед за Е. А. Земской, называют первую разновидность инхоативным способом действия, а вторую — ингрессивным (Зализняк, Шмелев 2005а, б). Этой же терминологии придерживается Е. В. Петрухина (Петрухина 2009). Формальным показателем инхоативных глаголов является префикс *за-*. К формантам ингрессивных глаголов Русская грамматика относит приставки *по-*, *вз-*, *воз-*, а также циркумфиксы *раз-...-ся* и *вз-...-ся* (Русская грамматика: §1415).

Для данного исследования мы отобрали только глаголы первой разновидности, поскольку у ингрессивных глаголов ослаблено значение начинательности: по наблюдению Анны А.Зализняк и А. Д. Шмелева, оно соединяется с результативным («начать что-то делать» равняется в итоге «сделать это») (Зализняк, Шмелев 2015а: 117). Под начинательными глаголами далее будем понимать инхоативные глаголы.

Формальным показателем начинательных (инхоативных) глаголов является префикс *за-*. Они регулярно образуются от (обычно) непереходных глаголов несов. вида с неопределенным значением, которые обозначают гомогенные ситуации, однообразные на всем своем протяжении. Они представляют начальный отрезок ситуации как приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью, и по этому начальному отрезку можно идентифицировать все действие целиком, поскольку оно однообразно на всем своем протяжении.

Такие глаголы можно истолковать сочетанием "начать делать что-либо": *заходить* (начать ходить), *заговорить* (начать говорить) (Русская грамматика: §1415) или сочетанием с глаголом «стать»: *Кошка замурлыкала – Кошка стала мурлыкать* (Зализняк, Шмелев 2015б: 287). Мы использовали это толкование как метод логической трансформации для уточнения значения глаголов при отборе материала:

Если зазвонит телефон, возьми трубку = Если начнет звонить телефон....

Очевидно, такая фраза содержит глагол начинательного (инхоативного) образа действия.

Еще одним важным критерием принадлежности приставочного глагола к определенному способу действия является семантический характер исходного глагола. Исследователи предлагают разнообразные, но имеющие общие черты семантические классификации глаголов, от которых образуются способы действия. Разница между ними состоит, как правило, в дроблении глаголов на бóльшие или мéньшие группы и относится скорее к словообразованию, а не аспектуальности. Для удобства рассмотрения (и анализа в следующей главе), мы объединили обнаруженные в исследуемых текстах В. Набокова глаголы в некоторые группы в зависимости от лексического значения исходного глагола, основываясь на традиционных классификациях (в первую очередь, Русская

грамматика: §1415; Исаченко 1960 и Зализняк, Шмелев 2015б). Следовать целиком какой-либо одной классификации оказалось затруднительно, поскольку выборка отражает индивидуальные лексические предпочтения В. Набокова, а не весь словарный запас русского языка. Более целесообразным оказалось описывать глаголы разных способов действия на основе разных классификаций (не используя ни одну, впрочем, полностью).

Начинательные (инхоативные) глаголы можно сгруппировать так:

— глаголы со значением звучания, речи: *завонить, забарабанить, загудеть, затараторить, завопить, зареветь, засмеяться, зарыдать, заговорить, закричать* и т.п.

— глаголы (разнонаправленного) движения и многоактные глаголы, обозначающие гомогенные/однородные действия: *заплавать, засеменить, запрыгать, замаячить, заметаться, заходить* и т.д.;

— глаголы психического и физического состояния: *занемочь, зажить, закружиться* (о голове) и т.п.

Глаголы инхоативного способа действия относятся к *perfectiva tantum*, т.е. они не имеют ни беспривагочного видового коррелята несов. вида, ни парного суффиксального глагола, образованного от них.

К начинательным (инхоативным) глаголам примыкают некоторые другие группы глаголов, которые также вошли в сферу нашего исследования. Все группы таких глаголов рассмотрены достаточно подробно в трудах Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева и названы несобственно-инхоативными (Зализняк, Шмелев 2015б: 288-291, более кратко: Зализняк, Шмелев 2015а: 114-115).

Во-первых, в сферу данного исследования попали **парно-инхоативные глаголы**, похожие на собственно начинательные глаголы, но имеющие корреляты несов. вида: *закурить/закуривать, заболеть/заболевать, запеть/запевать, заговорить/заговаривать, завязаться/завязываться* (о романе, об отношениях), *заинтересовать/заинтересовывать* и т.п. Мы включили их в материал исследования, поскольку они имеют нетривиальное значение, указывая на процесс прохождения начальной фазы. Так, *заболеть/заболевать* означает не просто «начать болеть», а прохождение предварительной фазы, когда появляются первые симптомы болезни, но болезнь еще не проявилась полностью. Как

указывают Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев, в этом и состоит отличие несобственно-инхоативных глаголов от собственно-инхоативных: первые описывают прохождение начальной, подготовительной фазы, а вторые – прохождение начального отрезка самого действия (Зализняк, Шмелев 2015б: 288).

Во-вторых, это группа глаголов типа *закричать, захотеть, захотеться, заорать, заржать*. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев называют их **инхоативно-тотальными** и отмечают, что «некоторые из них обозначают скорее не начальный отрезок действия, а действие целиком» (Зализняк, Шмелев 2015а: 115; см. также Исаченко 1960: 227-228). Логическая трансформация подтверждает эту неоднозначность значения, ср.:

Если вы подойдете ко мне, я закричу в окно = я буду кричать? Я стану кричать? — логическая трансформация не позволяет однозначно определить, имеется ли в виду «приступ к действию» или все действие целиком.

Когда тебе захотелось, чтобы я проводил целые дни... = когда у тебя появилось желание.... — здесь налицо приступ к действию, описывается начальный отрезок — появление желания, и это состояние длится дальше.

Другой важной особенностью этих глаголов является то, что они могут образовывать «незаконные» видовые пары с непарными глаголами несов. вида, «и при замене одного на другой происходит определенный семантический сдвиг» (Зализняк, Шмелев 2015в: 158). Ср. *Если вы подойдете ко мне, я закричу в окно – Он подходит к ней, и она кричит в окно.*

Такие глаголы нуждаются в дальнейшем исследовании и описании. Пока же они были отобраны в отдельную группу, но не исключены из материала исследования. Единственным исключением стал глагол *затормозить*:

*... и она, даже не поморщившись, уставилась на меня, точно ответ был так прост, что объяснений не требовалось. Затем быстро пожала плечом и указала пальцем на мясистый затылок шофера. Тот **затормозил** у небольшого кафе и представился. (Лолита I, 8)*

Здесь глагол «затормозить» означает «остановиться», а не «начать тормозить» и вступает в видовую связь с глаголом «тормозить» (а в значении "замедлять" (процесс) у него есть коррелят «затормаживать»).

Что касается признака видовой парности, мы последовательно использовали его только для обнаружения видового коррелята парных несобственно-инхоативных глаголов. Среди прочих глаголов со значением деятельности и процессов были также обнаружены глаголы, имеющие парный коррелят — неопределенный глагол несов. вида, например:

Я видел, как он засеменял прочь (Лолита I, 10) / *Каждый день я видел, как он семенял прочь* / *И вот он семенял прочь*.

Е. В. Петрухина объясняет эту тенденцию следующим образом: «В отношении видовых коррелятов «втягиваются» пары производящих нетерминативных глаголов НСВ (со значением деятельности и процессов) и их фазисно-временных словообразовательных производных СВ с приставками *за-*, *у-*, *по-*, а также многоактные глаголы и их одноактные модификационные производные с суффиксом *-ну-*, которые также способны к регулярной взаимозамене при переводе повествования из прошедшего времени в настоящее или при изменении некоторых параметров ситуации, например кратности, ср.: *Я увидел опасность, закричал и побежал вперед* / *Я вижу опасность и кричу и бегу вперед*; *Ребенок увидел врача в белом халате и заплакал* / *Каждый раз, когда ребенок видел врача в белом халате, он плакал*; ... Таким образом, функциональные видовые пары формируются не только в рамках тождественных лексических значений (типа *переписать – переписывать*), но и на базе сходных значений, представляющих разные фазисно-временные параметры одного действия (*кричать – закричать, идти – пойти, видеть – увидеть, прыгать – прыгнуть, есть – поесть, гулять – погулять*)» (Петрухина 2009: 82).

Что касается функций инхоативных глаголов, то они используются в том числе для введения прямой речи (ср. Петрухина 2017: 240). Такие примеры есть в отобранном материале, но эта функция не стала предметом анализа.

Итак, глаголы начинательного (инхоативного) способа действия имеют приставку *за-*, их можно истолковать через глаголы "начать" или "стать": *засмеяться, заметаться*. Начинательные инхоативные глаголы обозначают начальный отрезок ситуации как приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью, и по этой начальной фазе можно идентифицировать все действие

целиком, поскольку оно однообразно на всем своем протяжении. По семантическому принципу инхоативные глаголы можно разделить на глаголы со значением звучания и речи, глаголы (разнонаправленного) движения и многоактные глаголы, обозначающие гомогенные/однородные действия, глаголы психического и физического состояния. В отобранном для исследования материале выделяются собственно-инхоативные и несобственно-инхоативные глаголы. Собственно-инхоативные глаголы относятся к *perfectiva tantum*, т.е. они не имеют бесприставочного видового коррелята несов. вида и не подвергаются вторичной суффиксации. Несобственно-инхоативные глаголы могут иметь парный коррелят. Среди них выделяются парно-инхоативные и инхоативно-тотальные глаголы.

Делимитативный (ограничительный) способ действия

Формальным показателем делимитативных глаголов является префикс *по-*.

Глаголы делимитативного способа действия относятся к временным (Русская грамматика §1418) или фазисно-временным (Петрухина 2009: 96) и выражают ограничение действия временными пределами, определенным незначительным временным отрезком. Хотя в Русской грамматике отдано предпочтение термину «ограничительный способ действия», мы будем называть такие глаголы делимитативами ввиду бóльшей распространенности этого термина (ср.: Петрухина 2009: 96, оба термина в: Исаченко 1960: 234 и Зализняк, Шмелев 2015а: 118). Эти глаголы описывают совершение некоторой небольшой и ограниченной временем «порции» действия, как удачно отмечают Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев (Зализняк, Шмелев 2015а: 118). Используя метод толкований в формулировке М. Я. Гловинской, Е. В. Падучева определяет значение делимитативов так: «начать заниматься деятельностью, заниматься в течение некоторого времени и перестать заниматься, причем ассертивным является компонент “перестать”» (Падучева 1996: 154). Эти глаголы нетендентивно предельны: они «выражают действие, ограниченное временными

рамками, но не доведенное до результата. Имеется в виду окончание деятельности или процесса в данной конкретной ситуации (Петрухина 2009: 96).

Эти глаголы достаточно легко выделить по следующему формальному критерию: они сочетаются с обстоятельством длительности, выраженным только винительным падежом без предлога, например: *погулял два часа, поглядела* (на снимок) *две секунды*, в то время как в целом для глаголов сов. вида типична сочетаемость с обстоятельством длительности с предлогом *за* (обстоятельством срока завершения), например: *просмотрела* (книгу) *за два часа*. Обстоятельство *за два часа* предполагает завершение, состоящее в получении результата, а у делимитативов, глаголов деятельности, нет результативного завершения (подробнее об «обстоятельстве срока завершения» — Падучева 1996: 104). Как справедливо указывает М. С. Флайер, "субъективная оценка продолжительности зависит от характера деятельности" (Флайер 1997: 39, см. также Sémon 1986: 627-628). *Поработать* можно и несколько минут, и несколько лет, а *поискать* — несколько минут.

Делимитативные глаголы регулярно образуются от любых глаголов со значением неопределенного процесса. Ядро группы делимитативов составляют неопределенные «динамические непереходные глаголы со значением конкретной, локализуемой во времени деятельности, а также физических и психических состояний, интерпретируемых в русском языке как динамические процессы» (Петрухина 2009: 97). Делимитативный способ действия образуется и от переходных глаголов с предельным значением. В этом случае они утрачивают объект и становятся неопределенными: *Ребенок порисовал немного, но быстро устал; Мальчик почитал и пошел гулять* (примеры из: Русская грамматика: §1418).

Нами обнаружены производные от:

— глаголов положения в пространстве (класс глаголов состояния): *посидеть, постоять*;

— глаголов ментальной деятельности, а также речи: *понаблюдать, поглядеть, поразмыслить, полюбоваться* и т.п.;

— а также обширная пестрая группа глаголов со значением конкретной деятельности, включая единственный найденный глагол разнонаправленного

движения: *погулять, посоветаться, почесать, поддержать, потрепать (по спине), погладить* и т.п.

Делимитативные глаголы не подвергаются вторичной имперфективации. Глаголы типа *почесывать, поглаживать* (ср. *почесать, погладить*) не составляют видовую пару, а являются глаголами прерывисто-смягчительного способа действия.

Глаголы делимитативного способа действия могут приобретать функции видового коррелята. По мере закрепления за глаголом функции видового коррелята у него может пропадать делимитативное значение. Глаголы чувственного и интеллектуального восприятия, речевой деятельности не всегда образуют делимитативы, поскольку ограничение длительности таких действий означает единичность акта восприятия, проявления воли или говорения: например, *благодарить – поблагодарить, верить – поверить, звать – позвать, здороваться – поздороваться, прощаться – попрощаться, чувствовать – почувствовать* и т.п. (примеры из: Петрухина 2009: 98).

Глаголы с приставкой *по-*, похожие на делимитативы, но не являющиеся ими, мы выявляли подстановкой обстоятельства длительности в винительном падеже и проверяли их на парность по критерию Маслова:

*Увы, однажды я **попросил** его (*два часа) нарисовать мне международный экспресс* (Другие берега, Гл. 4, 5) / *И вот я **прошу** нарисовать мне международный экспресс.*

Как видно, глагол *попросить* не сочетается с обстоятельством длительности в винительном падеже. Он функционирует как видовая пара к *просить* и означает все действие целиком, а не небольшую и ограниченную временем «порцию» действия.

С другой стороны, глаголы могут выступать в одном контексте как видовой коррелят, а в другом – как глагол делимитативного способа действия, сохраняя значение «порции» действия. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев приводят в качестве примера глагол *поест*, ср. *Поешь пока мое мороженое* (делимитативный способ действия) и *Ты уже поел?* (видовой коррелят) (Зализняк, Шмелев 2015а: 118).

В нашем материале такое поведение демонстрирует глагол *поглядеть*. В Толковом словаре Ожегова он дается как видовой коррелят глагола *глядеть*. Тем не менее, на наш взгляд, у него сохраняется делимитативное значение в следующем контексте:

Джоана прошептала, что до нее дошли кое-какие слухи — и поглядела еще (две секунды) на снимок и, все еще глядя на него, передала его Джону (Лолита I, 23).

В одном случае эту трансформацию провести не удалось (глагол *позабавить*), но значение глагола явно указывает на «порцию» действия. Кроме того, этот глагол сочетается с числительным *немного*:

Желая (немного) позабавить меня, коренастый гость высыпал рядом с собой на оттоманку десяток спичек (Другие берега, Гл. 1, 3).

Возможно, здесь есть сочетание со смягчительным способом действия, который образуется в том числе и префиксом *по-* и значит «делать что-то слегка, не прилагая усилий, недолго» (Зализняк, Шмелев 2015а: 120-121); см. также: Русская грамматика: §1423). Эти два способа действия иногда трудно различимы, и, по-видимому, в этом примере они совмещены.

Итак, глаголы делимитативного способа действия имеют приставку *по-*, обозначают совершение некоторой небольшой и ограниченной временем «порции» действия. Их можно выделить по следующему формальному критерию: они сочетаются с обстоятельством длительности, выраженным только винительным падежом без предлога, например: *погулял два часа, поглядела (на снимок) две секунды*. Среди делимитативных глаголов выделяются глаголы положения в пространстве, глаголы ментальной и психической деятельности и речи, обширная пестрая группа глаголов со значением конкретной деятельности, включая единственный найденный глагол разнонаправленного движения.

Терминативный способ действия

Формальный показатель терминативных глаголов — префикс *про-*.

Глаголы терминативного способа действия «Русская грамматика» относит к специально-результативным, у которых значение достижения результата осложнено добавочными значениями. Они означают «законченность какое-то время продолжавшегося действия» (Русская грамматика: §1432). А. В. Исаченко также предлагает называть такие глаголы терминативной разновидностью, относя их к результативной совершаемости («совершаемость» — термин А. В. Исаченко для обозначения способа действия) (Исаченко 1960: 243). Е. В. Петрухина предлагает рассматривать их в несколько ином ключе: как один из ограничительных способов действия, представляющий «квант действия», и называет такой способ действия квантовоограничительным (*За окном прошумела машина*) (Петрухина 2009:100). Такое понимание глаголов терминативного способа действия кажется более удачным по следующей причине.

От терминативных глаголов нужно отличать глаголы пердуративного/длительно-ограничительного способа действия, которые также образуются при помощи приставки *про-* и обозначают оконченность длившегося какое-то время действия. Этот способ глагольного действия подчеркивает то, что действие заполняло весь промежуток времени. Это, как правило, выражается формально – лексически, при помощи обстоятельств времени: *проплавать весь день, проговорить два часа* и т.п. (подробнее см. Зализняк, Шмелев 2015а: 199; Русская грамматика: §1419). Пердуративные/длительно-ограничительные глаголы не вошли в сферу настоящего исследования.

Глаголы терминативного способа действия, напротив, вместе с выражением замкнутого промежутка времени «устраняют всякое представление о длительности, выражая действие как единый неделимый квант, как бы не имеющий интервала между начальной и конечной границей: *прогрохотать, прозвенеть*» (Петрухина 2009:100).

С точки зрения лексического значения, терминативные глаголы образуются от глаголов звучания и речи: *проговорить, прошептать, промурлыкать, пропеть, промолчать* и т.п.

М. А. Кронгауз отмечает такие особенности актантной структуры этой словообразовательной модели. В модели управления этих глаголов

«отсутствует дательный падеж адресата, а “произносимое” может выражаться тремя способами...: именной группой с неопределенным местоимением (*Иван проорал что-то невразумительное*), прямой речью (*Старичок пропел: “Тра-ля-ля”*), а также именной группой, называющей уже существующий текст, по существу, скрывающий определенный артикль (если сравнивать с европейскими языками): *Мальчик еще раз проворил эту фразу*» (Кронгауз 1998: 228).

Отметим, что в нашей выборке глаголы встречаются только в функции введения прямой или косвенной речи:

"Кстати - мне нужны мои вещи", проговорила гитаночка, подняв холмом колени и перейдя на другую страницу газеты (Лолита II, 22).

"Оки-доки", пропел великан Франк, ударил по косяку и, посвистывая, ушел с моим поручением, а я продолжал пить, и к утру температура упала, и, хотя я был, как жаба, вял, я надел свой фиолетовый халат поверх кукурузно-желтой пижамы и отправился в мотельную контору, где находился телефон (Лолита II, 22).

К терминативному образу действия относятся и глаголы, обозначающие «возможность восприятия некоего характерного, как правило однократного, звука: *Вдалеке прорычал лев; Прогремел гром* (всегда без прямого дополнения, хотя сам звук в принципе восстанавливается)» (Кронгауз 1998: 228). Модель управления глаголов, обозначающих восприятие звуков животных, может включать прямое дополнение, обозначающее специфический звук животного: *Корова промычала «му»*. Таких глаголов в материале исследования нет.

Терминативные глаголы могут образовывать парные корреляты путем имперфективации: *проговорить/проговаривать*.

Итак, глаголы терминативного способа действия имеют приставку *про-*, но их нужно отличать от глаголов пердуративного (длительно-ограничительного) способа действия, который требует обстоятельств времени и образуется от широкого круга глаголов: *проплавать весь день*. Терминативные глаголы образуются только от глаголов звучания и речи и имеют значение такой законченности, которая не предполагает длительности, где начало и конец действия как бы смыкаются: *прошептать, пропеть*. Они используются для ввода

прямой речи, их модель управления включает либо обозначение произносимого звука (пропеть «тра-ля-ля», промычать «му»), либо ранее предъявленный текст, либо именной группой с неопределенным местоимением. Таким образом, эти глаголы акцентируют восприятие звука, речи, а не его смысловую составляющую (сам факт произнесения фразы, а не ее смысл). Глаголы терминативного образа действия иногда образуют вторичные имперфективы.

Завершительный (комплетивный) способ действия

Формальный показатель — приставка *до-*.

Глаголы завершительного (комплетивного) способа действия «Русская грамматика» относит к специально-результативным способам действия, и значение достижения результата у них осложнено другими значениями. У глаголов завершительного способа действия значение достижения результата осложняется «значением завершенности, законченности, доведения действия до его конечной фазы» (Русская грамматика: §1433), более точно — значением завершения конечной фазы действия.

Другой точки зрения придерживается Е. В. Петрухина, которая относит комплетивный способ глагольного действия к фазисно-временным. Она отмечает, что приставка *до-* «обслуживает» предельные глаголы для выражения последней фазы и завершения действия (*дочитать*, *дописать*), в то время как приставка *от-* присоединяется к неопредельным глаголам (*отплакать*) для обозначения конца действия. (Петрухина 2009: 103).

Глаголы завершительного (комплетивного) способа действия могут быть образованы от бесприставочных (реже — приставочных) предельных глаголов несов. вида. Возможно образование от глаголов сов. вида (*дополучить*).

Важным компонентом значения является то, что действие не просто прекратилось, а прекратилось в связи с исчерпанием объекта (*досмотреть*) или по причине достижения результата (*дозевнуть*). У некоторых глаголов, образованных от глаголов сов. вида, законченность действия выражена как доведение до нормы: *докупить*, *дооборудовать*.

Завершительные глаголы регулярно имеют видовые пары, образованные способом имперфективации: *домыть* – *домывать*, *дописать* – *дописывать*, *доломать* – *доламывать*, *дочистить* – *дочищать*. Ср.: *достроить* – *достраивать*: *Строители дом не достроили, так и стоит незаконченный. Если его не достроить, он просто разрушится. Михай Зотыч достраивает уже третью мельницу* (Д. Н. Мамин-Сибиряк) (примеры из: Петрухина 2009: 105).

Сомнения в принадлежности к завершительному способу действия могут возникнуть по поводу глаголов *доуложиться*, *додержаться*.

Из глубины как бы все удалявшейся комнаты своей она писала матери письма на шестнадцати страницах, и мать спешила наверх и заставляла ее трагически укладывающей чемодан в присутствии удрученного Сережи. И однажды ей дали доуложиться (Другие берега, Гл. 5, 3).

Когда камердинер, Иван Первый (затем забранный в солдаты), или Иван Второй (додержавшийся до тех времен, когда я его посылал с романтическими поручениями), будил меня, смуглая мгла еще стояла за окнами, жужжало в ушах, поташнивало, и электрический свет в спальне резал глаза мрачным йодистым блеском (Другие берега, Гл. 9, 1/2).

Они формально соответствуют модели с циркумфиксом *до-...-ся* со значением результата интенсивной деятельности и нежелательных последствий (*докричаться до кого-либо*, *дошутиться до неприятностей*) (Петрухина 2009: 103). Однако глагол *доуложиться* образован от глагола сов. вида *уложиться* (положить вещи в чемодан), глагол *додержаться* — от глагола несомн. вида *держаться* (оставаться, существовать). Оба приставочных глагола отличаются выделением последней фазы действия, поэтому мы их относим к завершительному образу действия.

Отнесем к завершительным глаголам в целом также глаголы движения с приставкой *до-*, обозначающие достижение конечного (или промежуточного) пункта: *доехать*, *доплыть*, *дойти*, *доходить* (несомн. вид). Эти глаголы выражают как завершение, так и прохождение последней фазы: *Мы уже почти пришли: осталось дойти вот до того дома*.

Глагол *добираться*, также на первый взгляд схожий с завершительным способом действия, на самом деле таковым не является и имеет намного более

сложную структуру. По словообразовательной семантике Анна А.Зализняк ставит его в один ряд с глаголами затрудненного целенаправленного движения *выбраться, забраться* и др. По аспектуальным свойствам *добраться* сравнивается с глаголами типа *доехать*. Но отличие от них, глагол *добраться* не может обозначать «преодоление финального участка пути» (как глаголы типа *доехать*), а обозначает «преодоление всего пути целиком». Кроме того, «у других глаголов движения с приставкой *до-* отсутствует не только актуально-длительное значение (**Я сейчас дохожу ... до дома*), но и имеющееся у глагола *добираться* дуративное значение, ср. **два часа доходил, доезжал...*» (Зализняк 2005: 100).

Итак, глаголы завершительного образа действия имеют приставку *до-* и обозначают прохождение последней фазы и завершение действия. Мы относим к завершительным и глаголы движения с приставкой *до-*, обозначающие достижение конечного (или промежуточного) пункта: *дойти, доехать*. Завершительные глаголы регулярно образуют видовые пары способом вторичной имперфективации.

Глава 4. Передача способов глагольного действия в русском и английском языках

4.1. Соответствия начинательному (инхоативному) способу действия

Глаголы этой группы представляют начало как приступ к дальнейшей деятельности, обладающей длительностью. Формально они выделяются приставкой *за-*.

Всего было проанализировано 65 случая соответствия контекстов в русском и английском языках, содержащие начинательные глаголы на русском языке. Среди них собственно-инхоативных глаголов — 34, несобственно-инхоативных — 31. По группам количество распределяется так:

- а) глаголов со значением звучания и речи — 15,
- б) глаголов (разнонаправленного) движения и глаголов, обозначающих гомогенные/однородные действия — 17,
- в) глаголов психических и физических состояний — 2,
- г) парно-инхоативных глаголов — 21,
- д) инхоативно-тотальных глаголов — 10.

Порядок рассмотрения материала будет идти от английского языка. Поочередно будут рассмотрены соответствия начинательных глаголов в английском языке, внутри них будет проведен анализ примеров по каждой из групп русских глаголов.

Начинательность может передаваться в английском языке эксплицитно, т.е. аналитически, имплицитно, посредством логической трансформации, или вообще не передаваться.

Аналитическим и, наверное, наиболее ожидаемым способом выражения начинательности являются сочетания с фазовыми глаголами, обозначающими начало действия *to start* и *to begin*. Значение начинательности

выражено эксплицитно всего в 5 примерах. Глагол *to begin* встречается в 2 случаях, глагол *to start* — в 3 случаях.

а) Среди глаголов, обозначающих звуки и речь, найдено 3 примера соответствий с сочетаниями с фазовыми глаголами в английском языке:

(1) *Она не отозвалась, сумасшедшая стерва, и я поставил стаканы на буфет рядом с телефоном, который как раз зазвонил.*

*She did not answer, the mad bitch, and I placed the glasses on the sideboard near the telephone, which **had started to ring.*** (Лолита I, 22)

(2) *Надо попеременно: три шага идти медленно, три — бежать. Тепловатый дождь забарабанил по листьям каштанов.*

*Walk three steps and run three. A tepid rain **started to drum** on the chestnut leaves.* (Лолита II, 14)

(3) *Она спросила: "Но почему голубой, когда она белая? Почему — Господи Боже мой..." — и зарыдала снова.*

*She said: "Why blue when it is white, why blue for heaven's sake?" and **started to cry** again...* (Лолита II, 26)

Нужно отметить особенность контекстов, в которых в английском языке встречаются эти эксплицитные выражения начинательности. В примере (1) важна таксисная ситуация: начало события предшествует ситуации говорения в английском тексте и совпадает в моментом говорения в русском тексте (или даже на неуловимое мгновение предшествует). Момент приступа к действию выражен эксплицитно, чтобы подчеркнуть это почти совпадение двух действий. В примере (2) присутствует перенос фокуса: автор занят погоней за выбежавшей на улицу после ссоры Лолитой и оценкой реакции на его странное поведение соседей, и в его внутренний монолог вдруг врывается дождь. Эксплицирование момента начала дождя, по-видимому, помогает сдвинуть ракурс. В примере (3) эксплицировано начало «второй порции» плача, так подчеркивается промежуток между 2 гомогенными процессами.

б, в, д) Для русских глаголов, обозначающих психические и физические реакции, гомогенные процессы, и для несобственно-инхоативных (непарных)

глаголов не обнаружено соответствий с эксплицитно выраженным началом с фазовыми глаголами в английском языке.

г) Парно-инхоативным глаголам соответствует эксплицитно выраженная начинательность в английском языке в следующих случаях:

(4) *Помню, как я вошел к себе в квартиру и вслух **подумал**: что же, теперь по крайней мере мы выследим - как вдруг второе письмо **заговорило** со мной деловитым голоском...*

*I remember letting myself into my flat and **starting to say**: Well, at least we shall now track them down-when the other letter **began talking** to me in a small matter-of-fact voice... (Лолита II, 27).*

В этом примере в плане таксиса мы видим почти одновременное начало двух действий, проявление двух ментальных информационных потоков, причем второй, письмо, как бы перебивает первый. Мы снова видим аналитически выраженную начинательность в контексте резкой смены двух ситуаций.

Интересно отметить то, что начинательному (ингрессивному) глаголу *подумал* в английском языке соответствует выражение с эксплицитно выраженной начинательностью. Несомненно, в русском глаголе начинательность затмевается его обыденным употреблением как видового коррелята к глаголу *думать*, кроме того, этот глагол чаще используется в ограничительном значении «провести некоторое время, думая о чем-нибудь». В силу этих причин такие глаголы не попали в сферу данного исследования. Здесь же В.Набоков использует этот глагол в начинательном значении, что подтверждается переводом.

В примере (5) снова смещение фокуса – в мысли героя врывается внешний шум радио.

(5) *Я знал теперь все, что мне нужно было знать. В мои намерения не входило терзать мою милочку. Где-то за лачугой Билля радио **запело** после трудового дня о безумной, обреченной любви, и вот она была передо мной, уже потрепанная...*

*I knew all I wanted to know. I had no intention of torturing my darling. Somewhere beyond Bill's shack an afterwork radio **had begun singing** of folly and fate, and there she was with her ruined looks...* (Лолита II, 29)

В этом предложении таксисная ситуация в русском и английском текстах не вполне совпадает (как и в примере (1): в английском радио начинает играть до того, как это осознает герой, а в русском акцентировано то, что радио начальная стадия уже прошла, и радио уже всю «пело». В целом, в этом примере ситуации в русском и английском вариантах очень похожи (в отличие от примера 1, где в русском языке предшествования, в общем, нет). В этом можно увидеть отличие парно-инхоативных глаголов от собственно-инхоативных. У парно-инхоативных глаголов глагол сов. вида обозначает уже наступившее состояние, а не прохождение начальной фазы действия.

2. Промежуточное положение между эксплицитным и имплицитным выражением начинательности в английском языке занимает конструкция *go + прилагательное психического или физического состояния*, которая передает идею постепенного наступления этого состояния, переход в это состояние. Строго говоря, это не одно и то же, что начинательность, выражаемая русскими префиксальными глаголами. В английской фразе *to go mad* наступление состояния *mad* является пределом процесса, его целью, а сам процесс обозначает начальную переходную стадию. Русские начинательные глаголы с приставкой *за-*, напротив, обозначают прохождение начальной стадии процесса, а не ведущей к нему переходной стадии. По этому начальному отрезку мы идентифицируем все действие.

Нами был обнаружен один пример такого рода с русским глаголом, обозначающим психические и физические реакции (в):

(6) *Сегодня за обедом старая ехидна, искоса блеснув косым, по-матерински насмешливым взглядом на Ло (я только что кончил описывать в шутовском тоне прелестные усики щеточкой, которые почти решил отпустить), сказала: "Лучше не нужно, иначе у кого-то совсем **закружится** головка".*

*At dinner tonight the old cat said to me with a sidelong gleam of motherly mockery directed at Lo (I had just been describing, in a flippant vein, the delightful little toothbrush mustache I had not quite decided to grow): "Better don't if somebody is not **to go absolutely dotty**."* (Лолита I, 11)

3. Наибольшую группу составили соответствия русских начинательных глаголов с приставкой *за-* с английскими глаголами основного разряда (Simple) — 47 случаев.

Начинательные глаголы с приставкой *за-* способны формировать в русском языке контексты, обозначающие цепь сменяющих друг друга событий. Конкретно-фактическое значение в английском языке создается в таких контекстах предельными или двойственными в предельном отношении глаголами в форме основного разряда (Simple). Таких соответствий найдено 45. Эти случаи наилучшим образом иллюстрируют описанную ранее закономерность употребления русских начинательных и делимитативных глаголов: «в русских претеритальных повествовательных текстах, в отличие от многих языков, отмечается высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов с приставками *за-* и *по-* (или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать, стать*), употребление которых характеризуется снижением осознанности и обусловленности коммуникативными намерениями говорящего» (Петрухина 2009: 109).

Начало и конец действия в английском языке формально оказываются не выражены, хотя сама таксисная ситуация смены событий предполагает предельность каждого события и наличие у него начала и конца. Очевидно, начинательный компонент не выражен даже имплицитно, нет значения прохождения начальной фазы процесса.

а) Среди глаголов, обозначающих звуки и речь, нами обнаружено 8 соответствий английским глаголам в форме основного разряда.

(7) Тут она приподнялась, охнула, **затараторила** с бредовой быстротой что-то о лодках, дернула простыню и впала обратно в свое темное, цветущее, молодое бесчувствие.

*And then, she sat up, gasped, **muttered** with insane rapidity something about boats, tugged at the sheets and lapsed back into her rich, dark, young unconsciousness.* (Лолита I, 29)

(8) В одну прекрасную лунную ночь я подкараулил Марию – в белых сиделочных башимаках она шла по пустынной улице; будучи, как многие, автоматом, она собралась было **завопить**, но мне удалось ее очеловечить довольно простым способом – я пал на колени и со взвизгами, с упоминанием святителей, стал умолять ее мне помочь.

*One moonlit night I waylaid white-shoed Mary on a solitary street; an automaton, she was about **to shriek**, but I managed to humanize her by the simple act of falling on my knees and with pious yelps imploring her to help.* (Лолита II, 23)

В примере (8) и в русском, и в английском языках использованы инфинитивы: в русском языке — инфинитив приставочного начинательного глагола, в английском языке — инфинитив основного разряда. Инфинитивы употребляются после, в общем, эквивалентных выражений *собраться* и *to be about*, которые означают интенцию, намерение совершить действие.

В примере (9) начинательный глагол открывает цепь повествования в новой главе («завонил телефон в кабинете... и голос мисс Ламперер спросил»). Таксисная ситуация осложнена фоновым действием («я кончал подчищать королевский фланг Гастона»).

(9) Как-то, в пятницу вечером, в последних числах мая (и около недели после той особенной репетиции, на которую, как и на прочие, я не был допущен), **завонил** телефон в кабинете, где я кончал подчищать королевский фланг Гастона, и голос мисс Ламперер спросил, придет ли моя Эмма - то бишь Лолита - в следующий вторник...

One Friday night toward the end of May (and a week or so after the very special rehearsal Lo had not had me attend) the telephone in my study, where I was in the act of mopping up Gustave's — I mean Gaston's-king's side, rang and Miss Emperor asked if Lo was coming next Tuesday because she had missed last Tuesday's and today's lessons. (Лолита II, 14)

б) Среди примеров с глаголами, обозначающими гомогенные процессы и движения, 10 английских контекстов имеют глаголы основного разряда, включенные в нарративные цепочки. Например:

*(10) Грубо говоря, в течение того сумасшедшего года (с августа 1947-го до августа 1948-го года) наш путь начался с разных извилин и завитков в Новой Англии; затем **зазмеился** в южном направлении, так и сяк, к океану и от океана; глубоко окунулся в ce qu'on appelle "Dixieland"; не дошел до Флориды... ; повернул на запад; зигзагами прошел через хлопковые и кукурузные зоны... ; пересек по двум разным перевалам Скалистые Горы; **закрутился** по южным пустыням, где мы зимовали; докатился до Тихого Океана; поворотил на север сквозь бледный сиреневый пух калифорнийского мирта, цветущего по лесным обочинам; почти дошел до канадской границы; и затем потянулся опять на восток, через солончаки, иссеченные яругами, через равнины в хлебах, назад к грандиозно развитому земледелию (где мы сделали крюк, чтобы миновать, несмотря на визгливые возражения Лолиточки, родной город Лолиточки, в кукурузно-угольно-свиноводческом районе); и, наконец, вернулся под крыло Востока, пунктирчиком кончившись в университетском городке Бердслей.*

*Roughly, during that mad year (August 1947 to August 1948), our route began with a series of wiggles and whorls in New England, then **meandered** south, up and down, east and west; dipped deep into ce qu'on appelle Dixieland, avoided Florida... , veered west, zigzagged through corn belts and cotton belts... ; crossed and recrossed the Rockies, **straggled** through southern deserts where we wintered; reached the Pacific, turned north through the pale lilac fluff of flowering shrubs along forest roads; almost reached the Canadian border;*

and proceeded east, across good lands and bad lands, back to agriculture on a grand scale, avoiding, despite little Lo's strident remonstrations, little Lo's birthplace, in a corn, coal and hog producing area; and finally returned to the fold of the East, petering out in the college town of Beardsley. (Лолита II, 1)

Обратим внимание на то, что в этом примере в русском языке есть акценты не только на начале действия (инхоативные глаголы в приставкой *за-*, а также ингрессивные глаголы с *по-*, которые в целом не включены в исследование), но и на его окончании (глаголы завершительного способа действия с приставкой *до-*); в английском языке значение приступа к действию не выражено.

в) Обнаружен 1 случай с глаголами, обозначающими психические и физические состояния, когда русскому глаголу с префиксом *за-* соответствуют глаголы общего разряда (в силу синтаксических особенностей английской фразы — инфинитив):

(11) *Гибельный упадок душевных сил привел меня в санаторию на полтора года; я вернулся к работе – и вскоре опять **занемог**.*

*A dreadful breakdown sent me to a sanatorium for more than a year; I went back to my work — only **to be hospitalized** again.* (Лолита I, 9)

г) Среди примеров с глаголами, составляющими парно-инхоативные пары, есть 17 случаев соответствия английским глаголам основного разряда.

(12) *"Мистер Ваткинс, как насчет лишней кровати...?" Кроваткинс, тоже розовый и лысый, с белыми волосками, растущими из ушных и других дыр, подошел и **заговорил**, а я уже развинчивал вечное перо.*

*"Mr. Potts, do we have any cots left?" Potts, also pink and bald, with white hairs growing out of his ears and other holes, would see what could be done. He came and **spoke** while I unscrewed my fountain pen.* (Лолита I, 27)

д) Английские глаголы общего разряда соответствуют 8 обнаруженным нами инхоативно-тотальным глаголам с префиксом *за-*. Русские глаголы можно разделить на две равные по количеству глаголов группы: глаголы говорения и глагол *захотеть(ся)*. Пример с глаголом *захотеться*:

(13) *Когда тебе захотелось, чтобы я проводил целые дни, загорая на озере, вместо того чтобы заниматься своей работой, я охотно подчинился и превратился ради тебя в представителя бронзовой молодежи, вместо того чтобы остаться литературоведом и... ну, скажем, педагогом.*

When you wanted me to spend my afternoons sunbathing on the Lake instead of doing my work, I gladly gave in and became a bronzed glamour boy for your sake, instead of remaining a scholar and, well, an educator. (Лолита I, 21)

Показательно то, что глаголы говорения часто употребляются для введения прямой речи – 3 примера из 4 контекстов с прямой речью. Исключение составляет:

(14) *Если вы подойдете ко мне, я закричу в окно. Прочь от меня!*
If you come near - I'll scream out the window. Get back! (Лолита II, 29)

Если глагол используется в функции введения прямой речи, то русским начинательным глаголам обязательно соответствуют глаголы основного разряда в английском языке, поскольку они включены в цепь событий, составляющих повествование, и характеризуются как достигшие предела:

(15) *"Итак", заорал я, "вы собираетесь в Канаду? То есть, не в Канаду", заорал я опять. "Хочу сказать — в Аляску".*

"And so," I shouted, "you are going to Canada? Not Canada"— I re-shouted — "I mean Alaska, of course." (Лолита II, 29)

Пример (15) представляет собой сходную таксисную ситуацию в примером (3) – действие – пауза – возобновление действия. Однако действия эти разные. В примере (3) – плач, рыдание – гомогенный процесс, состоящий из мелких отрезков (всхлипываний и т.д.). Ор, оранье – это «громкий, с криком, разговор» (Толковый словарь Ожегова), а данном контексте – сообщение информации громким голосом; в значении этого слова не выделяются процессные гомогенные отрезки, а акцентируется громкость голоса. Это различие отражено в английском языке: аналитическая конструкция *started to cry again* для выражения продолжения прерванного процесса и итеративный префикс *re-* (*re-shouted*) для повторения одноактного действия.

Рассмотрим другие случаи, где, на наш взгляд, в английском языке не выражен начинательный компонент, присутствующий в русском тексте.

4. В ряде случаев начинательным глаголам с приставкой *за-* соответствует английский глагол в форме длительного разряда (*Continuous*). В этих случаях аспектуальный признак начинательности заменен на признак длительности действия, и если в русском предложении читатель становится свидетелем начальной фазы процесса, то в английском предложении читатель сразу переносится в его середину, причем ситуация изменилась молниеносно. Всего таких соответствий найдено 3.

а) Среди глаголов, обозначающих звуки и речь — 1 случай. Этот пример интересен тем, что наречие «вдруг», сочетаясь с русским инхоативным глаголом указывает на очень быстрое прохождение начальной фазы, а не на ее отсутствие. В английском языке *suddenly* также указывает на быструю смену ситуации, но начальная фаза, на наш взгляд, остается, невыраженной, поскольку форма прогрессива акцентирует фазу «разгара» действия, но никак не его начало:

(16) *Весь дом вдруг загудел от голоса говорливой Луизы, докладывающей госпоже Гейз, которая только что вернулась, о каком-то мертвом зверьке, найденном ею и Томсоном (соседским шофером) в подвале - и, конечно, моя Лолиточка не могла пропустить такой интересный случай.*

*The house was suddenly **vibrating** with voluble Louise's voice telling Mrs. Haze who had just come home about a dead something she and Leslie Tomson had found in the basement, and little Lolita was not one to miss such a tale.* (Лолита I, 11)

б, в) Среди глаголов (разнонаправленного) движения и глаголов, обозначающих гомогенные/однородные действия и среди глаголов психического и физического состояния соответствий английским глаголам форме длительного разряда (Continuous) не обнаружено.

г) Среди парно-инхоативных глаголов обнаружено 2 случая:

(17) «Ты уверен, что не хочешь папироску?»

Она **закурила**. Я впервые видел ее курящей.

“Sure you don't want to smoke?”

*She was **smoking** herself. First time I saw her doing it.* (Лолита II, 29)

В примере (17) в русском и английском текстах разные таксисные ситуации. В русском варианте – последовательность событий с выделением прохождения начальной фазы первого действия (Лолита закурила), после чего следует второе событие – осознание Гумбертом, что он впервые видит, что Лолита курит. Английский язык не позволяет выделить начальную фазу этого процесса, но позволяет подчеркнуть процессность, которую наблюдает Гумберт.

д) Соответствий английских глаголов форме длительного разряда (Continuous) инхоативно-тотальным глаголам не найдено.

5. К данным случаям тесно примыкают соответствия наступившего состояния в английском языке началу гомогенного процесса в русском. Примечательно то, что соответствий глаголам других групп не было обнаружено. Всего было найдено 3 случая таких соответствий глаголам, обозначающим гомогенные/однородные действия. В первом случае русская фраза «зажечь

счастливо» заменяется на бытийное состояние «быть счастливым». Мы обнаружили два таких примера, приведем здесь один:

(18) *Обещаю вам, Брюстер, что вы **заживете** здесь **счастливо**, пользуясь великолепным погребом и всем доходом с моей следующей пьесы, - у меня сейчас маловато в банке, но ничего, буду жить долгами, как жил его отец, по словам поэта.*

*I promise you, Brewster, you **will be happy** here, with a magnificent cellar, and all the royalties from my next play-I have not much at the bank right now but I propose to borrow-you know, as the Bard said, with that cold in his head, to borrow and to borrow and to borrow.* (Лолита II, 35)

В другом случае в русском тексте есть метафора, отсутствующая в английском:

(19) *На мгновение мы оба **заплавали** в теплой зелени зеркала, где отражалась вершина тополя вместе с нами и небом.*

*For a moment, we **were** both in the same warm green bath of the mirror that reflected the top of a poplar with us in the sky.* (Лолита I, 11)

6. Среди английских соответствий были найдены причастия (Present Participle Simple) и прилагательные без начинательного компонента.

Причастия и прилагательные могут соответствовать русским причастиям, образованным от начинательных глаголов разнонаправленного движения и глаголов, обозначающих гомогенные/однородные действия.

Причастия русского языка, образованные от начинательных глаголов с приставкой *за-* сохраняют начинательное значение. Нами было обнаружено 4 таких причастия:

(20) *Ах, оставьте меня в моем **зацветающем** парке, в моем миштом саду. Пусть играют они вокруг меня вечно, никогда не взрослея.*

*Ah, leave me alone in my **pubescent** park, in my mossy garden. Let them play around me forever. Never grow up.* (Лолита I, 5)

(21) Лолита задержала во рту только что взятый глоток воды и поставила обратно на стол свой **затанцевавший** стакан.

*Lo arrested the mouthful of water she had just taken, and put down her **dancing** glass.* (Лолита I, 27)

Русским причастиям удается сохранить значение начинательности, поскольку оно заключено в приставке. В английском языке начинательность в этом случае передать не удастся.

Среди инхоативно-тотальных глаголов найдено 2 примера, где глаголу в личной форме в русском языке соответствует причастие настоящего времени в английском, которое не передает начинательность.

В первом примере личной форме русского глагола соответствует английское причастие, выражающее обстоятельство причины:

(22) *Прорвавшись* сквозь облака, ослепительное солнце прохлестнуло по всему шоссе; мне **захотелось** купить черные очки, и я остановился у бензозаправочного пункта.

*With a swishing sound a sunburst swept the highway, and **needing** a pair of new sunglasses, I pussled up at a filling station* (Лолита II, 18).

Другой пример отличается тем, что интересующие нас слова включены в сценическую ремарку в английском языке или пояснение в русском языке, которые сопровождают достаточно длинный (сокращенный здесь) монолог:

(23) *Ага, так, так. Вы, мистер Гейз, видно хотите, чтобы ваша Долли росла принцессой. Ну, что у нас еще тут имеется? Берет в руки книги и откладывает их весьма грациозно. Голос приятный. ... Волосы темнорусые и светлорусые попеременно, с блеском - ну, я думаю (Праттша **заржала**), - это вы сами знаете.*

Making a princess of your Dolly, Mr. Haze, he? Well, what else have we got here? Handles books gracefully. Voice pleasant. ... Hair light and dark brown, lustrous - well [laughing] you are aware of that, I suppose. (Лолита II, 11)

Пояснение в русском языке включено в нарративную цепочку с выделенным началом действия, а в английском языке этот смысловой компонент представлен причастием в функции обстоятельства образа действия — это традиционная форма комментариев такого рода.

4.2. Соответствия делимитативному (ограничительному) способу действия

Глаголы делимитативного способа действия выражают ограниченную во времени деятельность, небольшую ее «порцию». Делимитативы имеют префикс *по-*.

Всего было найдено 19 примеров с делимитативами, из них:

- а) с глаголами положения в пространстве — 4;
- б) с глаголами ментальной, психической деятельности и речи — 5;
- в) с глаголами со значением конкретной деятельности — 10.

Ограниченность действия во времени может быть выражена эксплицитно, при помощи лексических средств, имплицитно или не быть выраженной вовсе.

1. Наиболее частотным является соответствие с глаголами в форме основного разряда (Simple) — 9 случаев. Эти английские глаголы не передают значение ограниченности неопредельного по своей природе действия временными пределами. Значение способа действия остается невыраженным и другими языковыми средствами.

а) Соответствия с глаголами в форме основного разряда (simple) не найдены для глаголов положения в пространстве.

б) Среди примеров с глаголами ментальной, психической деятельности и речи таких примеров обнаружено 3:

(24) *Джоана положила мою кисть к себе на колено и **полюбовалась** Шарлоттиным подарочком; затем положила руку Гумберта обратно на песок, ладонью кверху.*

*Jean took my wrist upon her knee and **examined** Charlotte's gift, then put back Humbert's hand on the sand, palm up.* (Лолита I, 20)

в) Наибольшее количество соответствий найдено среди глаголов со значением конкретной деятельности (7 примеров). В примерах (25) и (26) делимитатив оказывается включенным в цепочку событий:

(25) *Подержал ее грубовато за плечи, затем ласково за виски и повернул ее к свету.*

Held her roughly by the shoulders, then tenderly by the temples, and turned her about. (Лолита I, 11)

(26) *Свернул на кладбище, вышел и погулял между разнокалиберными памятниками.*

I turned into the cemetery and walked among the long and short stone monuments. (Лолита II, 33)

Если бы пример (26) читал русскоязычный читатель на английском языке, то у него мог бы быть простор для интерпретации глагола *walked*, включая начинательный способ действия: *Свернул на кладбище, вышел и зашагал/пошел...*

Признак ограниченности действия, выраженный глаголом деятельности в русском языке, может в некоторой мере имплицитно передаваться в английском языке глаголом класса activity в форме основного разряда (simple), имеющим признак многократности. В этом случае в английском глаголе актуализируются признаки длительности и неопределенности:

(27) *Докторша установила бронхит, потрепала Лолиту по голой спине ... и уложила ее в постель на недельку или дольше.*

She diagnosed bronchitis, patted Lo on the back ... and put her to bed for a week or longer. (Лолита II, 12)

2. Признак ограниченности действия может имплицитно передаваться через выражение предельности в английском языке при помощи глагольного словосочетания с существительным со значением однократности. Единственный пример с глаголом конкретной деятельности:

(28) *Мне шел седьмой год, брату шестой, и, рано проснувшись, я с ним быстро **посоветался**, заключил безумный союз, — и мы оба бросились к чулкам, повешенным на изножье.*

*Upon awakening, I **held a furtive conference** with my brother, after which, with eager hands, each felt his delightfully crackling stocking, stuffed with small presents...* (Другие берега, Гл. 2, 4)

3. Признак ограниченности действия может быть выражен не только через лексическое значение глагола, но и эксплицитно — неглагольными средствами, при помощи обстоятельств длительности *for a moment, for a while* или количественных выражений *a bit of, a little of* и существительного *a moment*, причем в русском языке они могут как присутствовать, так и отсутствовать (чаще). Таких случаев 8.

а) Таковы все 4 примера с глаголами положения в пространстве:

(29) *Я обсуждал про себя вопрос, не заговорить ли с одним из немногих пешеходов. Отказался от этой мысли. **Посидел** в запаркованном автомобиле. Пошел осматривать городской сад на теневой стороне.*

*I deliberated only if I should talk to any of the sparse foot-passengers. I did not. I **sat for a while** in the parked car.* (Лолита I, 19)

б) Два случая с глаголами ментальной и психической деятельности представлены русскими действительными причастиями прошедшего времени и словосочетаниями с существительным/причастием в английской части:

(30) *Но мы так перемяли шелковистую розовую бумагу, так уродливо перевязали ленточки и так по-любительски изображали удивление и восторг (как сейчас вижу брата, закатывающего глаза и восклицającego с интонацией нашей француженки «Ah, que c'est beau!» [8 - «Ах, какая красота!» (фр.)]), что, **понаблюдавши нас с минутой**, бедный зритель разразился рыданиями.*

...but we had so messed up the wrappings, so amateurish were our renderings of enthusiastic surprise (I can see my brother casting his eyes upward and exclaiming, in imitation of our new French governess, “Ah, que c’est beau!”), that, **after observing us for a moment**, our audience burst into tears. (Другие берега, Гл. 2, 4)

(31) *Покончив с ними, он вернулся к локомотиву, тщательно оттенил обильный дым, валивший из преувеличенной трубы, склонил набок голову и, **полюбовавшись** на свое произведение, протянул мне его, приятно смеясь. When he had quite finished them, he carefully shaded the ample smoke coming from the huge funnel, cocked his head, and, **after a moment of pleased contemplation**, handed me the drawing.* (Другие берега, Гл. 4, 5)

В примере (31) обстоятельству времени с действительным причастием пришедшего времени в русском языке соответствует словосочетание с отглагольным существительным в английском также в функции обстоятельства времени и указывающее на временную ограниченность действия.

в) Среди примеров с глаголами со значением конкретной деятельности найдено 2 случая:

(33) *Лохматая дворняга с мокрой от грязи шерстью, висящей с брюха, вышла из-за дома, остановилась в недоумении и затем принялась благодушно гуф-гуфкать на меня, жмурясь и дергая вверх нос; перестала, **погуляла** кругом да около, да разок опять гуфнула.*

*A nondescript cur came out from behind the house, stopped in surprise, and started good-naturedly woof-woofing at me, his eyes slit, his shaggy belly all muddy, and then **walked about a little** and woofed once more.* (Лолита II, 28)

В одном случае русскому глаголу в личной форме соответствует отглагольное существительное в английском:

(34) *Ему иногда приходилось наказывать меня за ту или другую шалость... ; выбирая наказание, он пользовался не совсем обычным*

педагогическим приемом: весело предлагал, что мы оба натянем боевые перчатки и **попрактикуемся** в боксе, после чего он ужасными, обжигающими и потрясающими ударами в лицо, поххатывая, парировал мой детский натиск и причинял мне невозможную боль.

*When he deemed it fit to punish me for some slight misdemeanor ..., he would adopt the remarkable pedagogic measure of suggesting that he and I put on boxing gloves **for a bit of sparring**. He would then punch me in the face with stinging accuracy.* (Другие берега, Гл. 8, 2)

Как и в предыдущих примерах, ограниченная продолжительность, а вернее «порционность» действия, здесь выражена лексически при помощи *a bit of*.

4.3. Соответствия терминативному способу действия

Терминативный способ действия выражает «квант действия», законченность действия. Действие либо имеет выраженную продолжительность, либо его начальная и конечная фаза как бы смыкаются в одной точке, не обозначая серединный отрезок действия. Глаголы терминативного образа действия акцентируют восприятие звука, речи, а не его смысловую составляющую (сам факт произнесения фразы, а не ее смысл).

Всего нами найдено 16 примеров с глаголами терминативного образа действия. Все эти глаголы являются глаголами говорения и служат для введения прямой речи.

Анализ примеров позволил выявить, что глаголы терминативного способа действия регулярно соответствуют английским глаголам а форме основного разряда (Simple), имеющим признаки завершенности и однократности. Это объясняется тем, что действия, обозначающие цепочку событий, которые составляют повествование, а также слова автора при прямой речи, также включенные в эту последовательность, всегда характеризуются как достигшие предела.

Самым частотным из обнаруженных нами глаголов является *проговорить* — он встречается в 11 примерах. Как отмечено в «Русской грамматике», его основное отличие от глагола сов. вида *сказать* (парного к глаголу несов. вида *говорить*) заключается именно в значении оконченности продолжавшегося действия. Значение продолжительности действия может присутствовать: — *Неужели это правда? — сказал он... — Да! — значительно, медленно проговорила она* (Л. Н. Толстой). Значение продолжительности действия ослаблено, можно сказать, что оно отсутствует: — *До завтра! — проговорила она и исчезла* (А. П. Чехов) (Русская грамматика: §1432). Из примеров видно, что значение продолжительности действия носит «внешний» характер, т.е. оно не передается способом действия, а выражается лексически (обстоятельством образа действия).

Рассмотрим, возможно ли в английском языке выразить идею неделимости начала и конца действия, и как проявляется косвенное, факультативное значение

продолжительности действия у русских терминативных глаголов и их английских соответствий.

Во всех случаях русским глаголам говорения в прошедшем времени соответствует английский глагол в форме основного разряда (Simple). Таким образом, глаголы не передают каким-либо специальным образом и идею неделимости начала и конца действия.

1. В 13 обнаруженных нами русскоязычных примерах как с глаголом *проговорить*, так с другими терминативными глаголами, длительность действия не выражена, глаголы выражают как бы «квант» действия. Длительность отсутствует и в английских фразах:

(35) Джоана **прошептала**, что до нее дошли кое-какие слухи — и поглядела еще (два секунды) на снимок и, все еще глядя на него, передала его Джону...

*Jean **whispered** she had heard some rumors and looked at the snapshot, and, still looking, handed it to John...* (Лолита I, 23).

(36) "Выберите ваше любимое обольщение", **промурлыкала** она.
"Choose your favorite seduction," she **purred**. (Лолита I, 11)

Глаголу *проговорить* обычно соответствует английский глагол *say*:

(37) Мне, должно быть, шел одиннадцатый год, и вот вздохнули и стали длинные карие вагоны Норд-Экспресса, который дядя подкупал, чтобы тот останавливался на дачной станции, и страшно быстро из багажного выносилось множество его сундуков, — и вот он сам сошел по приставленным ковровым ступенькам и, мельком взглянув на меня, **проговорил**: «*Que vous êtes devenu jaune et laid, mon pauvre garçon!*» (как ты пожелтел, как подурнел, бедняга).

*Once, when I went to meet him at the station (I must have been eleven or twelve then) and watched him descend from the long international sleeping car, he gave me one look and **said**: "How sallow and plain [jaune et laid] you have become, my poor boy.* (Другие берега, Гл. 3, 4)

В одном случае В. Набоков передает глаголом *проговорить* архаическую форму *quoth*, но это вопрос стилистики, а не аспектуальности:

(38) *"Вам было бы не слишком скучно", проговорила Гейзиха, "завтра поехать с нами на озеро купаться, если Ло извинится за свою выходку?"*

"Would it bore you very much," quoth Haze, "to come with us tomorrow for a swim in Our Glass Lake if Lo apologizes for her manners?" (Лолита I, 11)

2. В 3 случаях можно говорить о некоторой выраженности длительности в английском глаголе через его лексическое значение. В русских фразах значение длительности отсутствует.

В одной фразе глаголу *проговорить* соответствует глагол *to pronounce*:

(39) *"Знаешь, Гум, у меня есть одна дерзкая мечта", проговорила лэди Гум, опуская голову — как бы стыдясь этой мечты или ища совета у рыжей земли.*

"Do you know, Hum: I have one most ambitious dream," pronounced Lady Hum, lowering her head — shy of that dream — and communing with the tawny ground. (Лолита I, 20)

To pronounce имеет значение "to employ the organs of speech to produce" (Merriam-Webster Dictionary). В самом деле, опустив голову, физиологически сложно говорить быстро, и приходится уделять чуть больше внимания хорошей артикуляции. Контекст акцентирует манеру произнесения и сопряженную с ней протяженность момента говорения, что обосновывает лексический выбор английского глагола. Выбор русского терминативного глагола, во-первых, подчеркивает особый характер протекания действия, его неделимость и невычленимость срединной фазы (а не просто протяженность), которая не выражается английским глаголом, ср. *проговорила* – *произнесла*. Во-вторых, здесь возможно влияние интенсивно-результативного способа действия, выражающего

тщательно выполненное действие (акцент на артикуляцию?), с тем же префиксом *про-* (*проделать*). Таким образом, вместо идеи невычленимости серединной фазы действия, английский глагол лексически передает идею затрудненности/тщательности выполнения действия и сопряженной с ней длительности.

Наконец, были найдены 2 примера, в которых глаголу *пропеть* соответствует глагол *sing out*.

(40) "*Оки-доки*", **пропел** великан Франк, ударил по косяку и, посвистывая, ушел с моим поручением, а я продолжал пить, и к утру температура упала, и, хотя я был, как жаба, вял, я надел свой фиолетовый халат поверх кукурузно-желтой пижамы и отправился в мотельную контору, где находился телефон.

"*Okey-dokey*," big Frank **sang out**, slapped the jamb, and whistling, carried my message away, and I went on drinking, and by morning the fever was gone, and although I was as limp as a toad, I put on the purple dressing gown over my maize yellow pajamas, and walked over to the office telephone.
(Лолита II, 22)

Мы предполагаем, что помимо значения "to say or shout something loudly", у этого фразового глагола есть значение, связанное с пением (узуальное или окказиональное), в котором и употребил его В. Набоков. Частица *out* придает глаголу оттенок протяженности и законченности.

4.4. Соответствия завершительному (комплетивному) способу действия

Завершительный способ действия имеет приставку *до-* обозначает прохождение последней фазы и завершение действия (*дочитать, дописать*) в связи с его исчерпанностью и/или достижением результата. Завершительный способ действия представляет собой, наверно, самую разнообразную картину соответствий. Всего было проанализировано 12 примеров.

1. Последняя фаза действия никак не выражена в 5 случаях. Они все достаточно разнообразны, приведем несколько интересных примеров.

Русскому действительному причастию соответствует причастие настоящего времени без выражения завершения последней фазы:

(41) *С одной стороны полотна, над синеватым болотом, темный дым горящего торфа сливался с **дотлевающими** развалинами широкого оранжевого заката.*

*On one side of the tracks, above bluish bogs, the dark smoke of burning peat was mingling with the **smoldering** wreck of a huge, amber sunset.* (Другие берега, Гл. 11, 2)

В одном случае в английском тексте есть указание на продолжение действия, без указания на его завершенность (которая, однако, подразумевается в контексте):

(42) *Из глубины как бы все удалявшейся комнаты своей она писала матери письма на шестнадцати страницах, и мать спешила вверх и заставала ее трагически укладывающей чемодан в присутствии удрученного Серезжи. И однажды ей дали **доуложиться**.*

From her remote room she would write a sixteen-page letter to my mother, who, upon hurrying upstairs, would find her dramatically packing her

trunk. And then, one day, she was allowed to go on with her packing. (Другие берега, Гл. 5, 3)

2. В 5 случаях в английских фразах есть лексическое выражение завершения действия, а последняя фаза не выражена.

Во-первых, в одном примере завершительному глаголу движения соответствует глагол движения со значением прибытия (но без выделения последней фазы, ср. прийти) в форме основного разряда:

(43) *...ибо вдруг, в ту минуту, когда мы дошли до конца дорожки, ты и я увидели нечто такое, на что мы не тотчас обратили внимание сына, не желая испортить ему изумленной радости самому открыть впереди огромный прототип всех парходиков, которые он бывало подталкивал, сидя в ванне.*

...for suddenly, as we came to the end of its path, you and I saw something that we did not immediately point out to our child, so as to enjoy in full the blissful shock, the enchantment and glee he would experience on discovering ahead the ungeninely gigantic, the unrealistically real prototype of the various toy vessels he had doddled about in his bath. (Другие берега, Гл. 14, 1)

Во-вторых, в трех случаях русскому глаголу движения соответствует английский глагол со значением достижения:

(44) *Последний этап моего путешествия наступал, когда, вымытый, вытертый, я доплывал наконец до островка постели.*

The final stage in the course of my vague navigation would come when I reached the island of my bed. (Другие берега, Гл. 4, 3)

(45) *Меня сладко волновала мысль, что и я могу когда-нибудь дойти до такого блистательного совершенства.*

I was thrilled by the thought that some day I might attain such proficiency. (Другие берега, Гл. 4, 1)

В ряде случаев в синтаксическая структура в русском и английском предложении не соответствует, в английской фразе есть идея завершения, выраженная предельным глаголом класса achievement (но не последняя фаза не выделена):

(46) *Беспомощное хлопанье его крыльев, скользкий звук его тела о борт, колыханье и чмоканье илюпки, клеенчатый блеск черной волны под лучом фонаря — все это показалось мне насыщенным странной значительностью, как бывает во сне, когда видишь, что кто-то прижимает перст к губам, а затем указывает в сторону, но не успеваешь **досмотреть** и в ужасе просыпаешься.*

*The heavy, impotent flapping of his wings, their slippery sound against the rocking and plashing boat, the gluey glistening of the dark swell where it caught the light—all seemed for a moment laden with that strange significance which sometimes in dreams is attached to a finger pressed to mute lips and then pointed at something the dreamer has no time **to distinguish** before waking with a start.* (Другие берега, Гл. 5, 8)

3. Наконец, нам кажется, что в двух примерах больше чем в других выражена именно последняя фаза действия, при этом — неглагольными средствами.

В одном случае обозначению действия и его последней фазы в русском языке соответствуют два отдельных действия в английской фразе:

(47) *"В половине — она подавила новый зевок — "седьмого", **дозевнула** до конца с содроганием всего тела.*

*"Half-past — "she stifled another yawn — "six" — **yawn in full** with a shiver of all her frame.* (Лолита II, 27)

Несмотря на отсутствие параллелизма в использовании частей речи, фразы в целом эквивалентны. Глагол "to stifle" показывает, что первый зевок был подавлен, но позыв к зевоте был завершен полным зевком.

В другом примере в английской фразе лексически акцентируется цель, к которой направлено действие (*all the way*).

(48) *Не могу объяснить моему ученому читателю (брови которого, вероятно, так полезли вверх, что уже **доехали** до затылка через всю плешь), каким образом я это понял...*

*I cannot tell my learned reader (whose eyebrows, I suspect, **have** by now **traveled all the way** to the back of his bald head), I cannot tell him how the knowledge came to me... (Лолита I, 11)*

В сочетании с глаголом перфектного разряда подчеркивается факт достижение этой цели, и так, опосредованно, возможно, выделяется последняя фаза действия.

Выводы по Главе 4

В данной главе были проанализированы способы передачи значений начинательности, ограниченности протекания действия временными пределами и законченности какое-то время протекавшего действия в английском языке.

Анализ проводился на основе соответствия в английском языке русским приставочным глаголам начинательного, делимитативного, терминативного и завершительного способов действия. Это глаголы совершенного вида, употребленные в конкретно-фактическом значении, причем подавляющее их большинство имеет форму прошедшего времени (106 соответствий). В анализ были также включены шесть причастий. Всего 112 соответствий. Типичной ситуацией употребления анализируемых глаголов является последовательная смена нескольких действий, и эти глаголы как бы «двигают» повествование. В русском языке для таких контекстов характерно обозначение начала и конца деятельности или процесса, включенных в нарратив. Это, в первую очередь, глаголы начинательного и завершительного способов действия. В повествовательных контекстах также используются глаголы делимитативного способа действия, которые репрезентируют определенную «порцию» действия, включенного в нарративную цепочку. Функцию последовательной смены ситуаций выполняют и глаголы, вводящие прямую речь, — они входят в диалог в качестве элементов авторского повествования, намечая продвижение действия вперед. Такую роль играют глаголы терминативного способа действия.

В английском языке формами, оказавшимися наиболее употребительными в повествовательном контексте, являются формы прошедшего времени основного разряда. Они не передают специфические аспектуальные значения способов действия. Ничем не осложненные формы прошедшего времени основного разряда (Past Simple) встречаются в 78 случаях или 69,6% (см. Приложение 2, рис. 5). Специфические аспектуальные значения могут передаваться лексическими средствами: словосочетаниями с фазовыми глаголами, словосочетаниями с существительными, обстоятельствами и т.п.

Что касается начинательного способа действия, то было проанализировано 65 примеров с глаголами начинательного способа действия, собственно-инхоативными и несобственно-инхоативными. Из собственно-инхоативных: 15 примеров с глаголами со значением звучания и речи; 17 — с глаголами (разнонаправленного) движения и глаголы, обозначающие гомогенные/однородные действия; 2 — с глаголами психического и физического состояния. Среди несобственно-инхоативных 21 пример с парно-инхоативными глаголами и 10 примеров с инхоативно-тотальными глаголами.

Анализ материала обнаруживает следующие способы передачи в английском языке аспектуального значения начинательности:

— значение начинательности эксплицитно передается только при помощи аналитических конструкций с фазовыми глаголами *to start* и *to begin*, в некоторых случаях английский глагол к тому имеет перфектную форму (но в связи с малым количеством таких примеров и их разнообразием тенденцию выявить не удалось) (5 примеров из 65 — 7,7%);

— промежуточное положение между эксплицитным и имплицитным выражением начинательности в английском языке занимает конструкция *go* + прилагательное психического или физического состояния, которая передает идею постепенного наступления этого состояния, переход в это состояние (1 пример из 65 — 1,6%);

— значение начинательности (прохождения начальной фазы процесса) не передается при употреблении форм основного разряда (Past Simple) в повествовательном контексте последовательной цепочки событий (47 примеров из 65 — 72%);

— отсутствие начинательного компонента значения у соответствий, выраженных формами длительного разряда (3 примеров из 65 — 4,7%), формами основного разряда глаголов со значением состояния (3 примера из 65 — 4,7%), причастиями и прилагательными (6 примеров из 65 — 9,3%).

Частотность английских соответствий русских начинательных глаголов показана в Приложении 2, рис. 1.

Особенно выделяется различие между собственно-инхоативными и несобственно-инхоативными глаголами. Несобственно-инхоативных глаголов

всего проанализировано 31, и 25 из них соответствует английский глагол в форме основного разряда (Past Simple). Для парно-инхоативных глаголов (типа *заболеть/заболевать, запеть/запевать*) это соотношение 17:4. Такая частотность форм Past Simple отчасти подтверждает то, что форма сов. вида этих глаголов представляет прохождение начальной ситуации как результат, т.е. наступила новая ситуация (она была здорова — теперь болеет). У тотально-инхоативных глаголов (типа *закричать, захотеть, заорать*) соотношение форм Past Simple с другими соответствиями 8:2, что косвенно подтверждает, что они обозначают скорее не прохождение начального отрезка действия, а действие целиком. Формы Past Simple у собственно-инхоативных глаголов встречаются несколько реже. Эта закономерность графически показана в Приложении 2, рис. 2.

Если говорить о глаголах делимитативного способа действия, отметим, что было проанализировано 19 примеров с делимитативами, из них 4 — с глаголами положения в пространстве; 5 — с глаголами ментальной, психической деятельности и речи; 10 — с глаголами со значением конкретной деятельности. Значение ограниченности действия во времени выражено в английском языке разными средствами.

Наиболее частотным является соответствие с глаголами класса *activity* в форме основного разряда (Simple) — 10 случаев из 19 (52,6%), где в английском языке аспектуальный признак остается невыраженным.

Признак ограниченности действия во времени может быть выражен через лексическое значение глагола. В некоторой мере, имплицитно передается в английском языке при помощи глагольного словосочетания с существительным со значением однократности — 1 случай из 19 (5,3%).

Признак ограниченности действия может быть выражен и эксплицитно — неглагольными средствами, при помощи обстоятельств длительности *for a moment, for a while* или количественных выражений *a bit of, a little of*, и существительного *a moment*, причем в русском языке они чаще отсутствуют — 8 примеров из 19 (42,1%).

Обобщая результат, можно сказать, что признак ограниченности действия во времени с приблизительно равной частотой может быть выражен или не выражен в английском языке. Он выражается эксплицитно при помощи

обстоятельства длительности *for a while, for a moment* с вероятностью 100% при глаголах положения в пространстве *посидеть, постоять*. Статистические результаты наглядно показаны в Приложении 2, рис. 3.

Что касается глаголов терминативного способа действия, то с ними было проанализировано 16 примеров. Они все представляют собой глаголы говорения, 11 случаев — глагол *проговорить*. Все служат для введения прямой речи. Во всех случаях русским терминативным глаголам соответствуют английские предельные глаголы в форме основного разряда (simple), которые не передают значение терминативного способа действия, который представляет действие «как единый неделимый квант, как бы не имеющий интервала между начальной и конечной границей» (Петрухина 2009: 100).

В 13 проанализированных соответствиях (81%), как с глаголом *проговорить*, так с другими терминативными глаголами, длительность действия в английских фразах не выражена.

В 3 проанализированных соответствиях (19%) в английских фразах длительность подчеркнута. В одном случае это глагол *to pronounce*, который подчеркивает артикуляционный момент говорения и имплицитно подразумевает длительность, т.е. длительность подразумевается лексическим значением глагола. В 2 примерах глаголу *пропеть* соответствует глагол *to sing out*, который также, на наш взгляд, передает идею протяженности, а не ограниченной длительности.

Что касается законченности, то нужно различать общее значение законченности, которое присуще как русским формам прошедшего времени глаголов сов. вида, так и английским глаголам в форме прошедшего времени основного разряда (Simple) в нарративном контексте, где есть цепочка действий. Если говорить о специфическом для терминативного способа действия значении законченности, соединенного со значением продолжительности либо представлением действия как «квант», то оно остается невыраженным во всех примерах.

Глаголы завершительного способа действия представляют самую малочисленную группу — всего 12 примеров параллельных фраз (включая глаголы движения). Соответствия в английском языке очень разнообразны и поддаются систематизации с большой долей обобщения.

Значение завершенности с выделением последней фазы действия в некоторой мере передается только в двух примерах (17%). В одном случае русскому завершительному глаголу соответствует английское словосочетание с существительным, в другом — глагол в форме Present Perfect с обстоятельством места, акцентирующим момент пространственного достижения цели.

В 5 случаях (41,5%) в английском языке лексически выражено лишь значение завершения (через значение лексическое глагола прибытия/достижения), а значение прохождения последней фазы — нет.

В 5 примерах (41,5%) в английском языке значение завершительного способа действия не выражено.

Ввиду небольшой выборки по глаголам движения, сделать подробный анализ их соответствий в английском языке не представляется целесообразным.

Основные выводы по глаголам завершительного способа действия графически приведены в Приложении 2, рис. 4.

Заключение

В настоящей магистерской диссертации исследовались способы передачи значений русских глаголов начинательного, делимитативного, терминативного и завершительного способов действия на английском языке на материале автопереводов В. В. Набокова. Трудность перевода глаголов как на русский язык, так и с русского языка заключается в том, что сферы аспектуальности в русском и английском языках отличаются по содержанию аспектуальных признаков и по средствам их передачи. В результате работы подтвердилась гипотеза, что ряд аспектуальных значений в русском языке оказался невыраженным в английском языке, что обусловлено отсутствием некоторых аспектуальных признаков английского языка при их присутствии в русском. Напомним, В. В. Набоков переводил преимущественно с английского языка на русский (возможно, некоторые незначительные части автобиографии были переведены с русского на английский). При этом он воспроизводил на русском отсутствующие в английском языке аспектуальные значения, представляя себе ситуации в русскоязычном когнитивном пространстве.

Теоретические основы исследования представляют собой синтез нескольких подходов. Во-первых, это семантический подход к изучению аспектуальных характеристик глаголов, который состоит в рассмотрении аспектуальных признаков в лексическом значении глаголов (предельности, длительности, статичности) и на выделении на их основе классов глаголов (Vendler 1957; Маслов 1948/2004). Общие аспектуальные компоненты значения, схожесть характера действия объединяют как классы Вендлера, так и способы действия и типы парных глаголов в русском языке.

Основные аспектуальные компоненты значения способов действия русских глаголов не отражаются классами Вендлера, поэтому их сопоставлять затруднительно. Полагаем, что у инхоативных пар (*закупать/закупеть*) глаголы несов. вида обозначают процесс и относятся к *activities*, а глаголы сов. вида относятся к *achievements*. Начинательный, терминативный и завершительный способы действия можно отнести к *achievements*, поскольку предельность в них связана со “скачком в новое” без указания на ведущий в этом процесс.

В магистерской диссертации был также использован традиционный аспектологический подход, в рамках которого изучаются аспектуальные свойства морфологических форм глагола: видовых в русском и видовременных в английском. В частности, при рассмотрении аспектуальности в русском языке мы следовали традициям русской аспектологической школы, заложенным Ю. С. Масловым, и теории функциональной грамматики, разработанной в многочисленных трудах А. В. Бондарко. Функциональный подход позволяет построить и сравнить функционально-семантические поля, в центре которых находятся те аспектуальные категории, которые проявляются в языке наиболее последовательно (как правило, они соотносятся с морфологическими формами и их называют видом). Выяснилось, что ФСП аспектуальности в русском и английском языке сильно отличаются. В русском языке, по мнению А. В. Бондарко (Бондарко 2002: 366), центр ФСП составляет категория вида, которая охватывает все глаголы. Дальше располагаются способы глагольного действия, а второстепенными периферийными средствами аспектуальности являются неглагольные средства. ФСП аспектуальности английского языка является полицентрично: одну его доминанту составляет аспектуальная категория прогрессива (выражается формами Continuous), другую — аспектуально-таксисная категория перфекта (выражается формами Perfect). ФСП английского языка было построено на основании как типологических данных (Dahl 1985, Bybee 1994), так и современных грамматик английского языка.

При подготовке к анализу русских глаголов приставочных глаголов, отобранных для исследования, были установлены следующие основные аспектуальные значения исследуемых способов действия:

1) Глаголы начинательного инхотативного способа действия (с приставкой *за-*) обозначают начальный отрезок ситуации как приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью, и по этому начальному отрезку можно идентифицировать все действие целиком, поскольку оно однообразно на всем своем протяжении.

2) Глаголы делимитативного способа действия (с приставкой *по-*) передают совершение некоторой небольшой и ограниченной временем «порции» действия.: *погулял два часа, поглядела (на снимок) две секунды.*

3) Глаголы терминативного способа действия (с приставкой *про-*) образуются только от глаголов звучания и речи и имеют значение такой законченности, которая не предполагает длительности, где начало и конец действия как бы смыкаются: *прошептать*, *пропеть*. Они акцентируют восприятие звука, речи, а не его смысловую составляющую (факт произнесения фразы, а не ее смысл).

4) Глаголы завершительного способа действия (с приставкой *за-*) выражают прохождение последней фазы и завершение действия: *дописать*, *доехать*.

В собственно аналитической части были сопоставлены способы передачи аспектуальных значений вышеуказанных способов действия в русском и английском языках на основе лингвистического материала и выявлены закономерности соответствий, имея в виду не только сами грамматические формы глаголов, но и сопутствующие способы выражения аспектуальности в русском и английском языках.

Типичной ситуацией употребления анализируемых глаголов является последовательная смена нескольких действий, можно сказать, что эти глаголы «двигают» повествование. Напомним, что в русском языке в этом случае всегда используются глаголы сов. вида, а функция глаголов начинательного и завершительного способов действия — подчеркивать начало и конец деятельности или процесса, включенных в нарратив. В повествовательных контекстах также используются глаголы делимитативного способа действия, которые репрезентируют определенную «порцию» действия, включенного в нарративную цепочку. Глаголы терминативного способа действия вводят прямую речь и обозначают элементы авторского повествования в диалоге, также обозначая последовательную смену ситуаций.

В английском языке в повествовательном контексте наиболее употребительными являются формы прошедшего времени основного разряда (Past Simple). Они не передают специфические аспектуальные значения способов действия, но выражают общие для сов. вида признаки целостности и секвентной связи (а точнее, признак «возникновение новой ситуации»). Формы прошедшего времени основного разряда (Past Simple) соответствуют глаголам способов

действия в 83 случаях или 74% (более подробно статистика представлена в Приложении 2, рис.5).

Аспектуальные значения анализируемых способов действия достаточно редко оказываются эксплицитно выраженными в английском языке. Они находят выражение таким образом:

— глаголы начинательного инхоативного способа действия: посредством сочетаний с фазовыми глаголами *to start* и *to begin*;

— глаголы делимитативного способа действия: посредством обстоятельств длительности *for a moment*, *for a while*, количественных выражений *a bit of*, *a little of*, при употреблении существительного *a moment*;

— аспектуальное значение глаголов терминативного способа действия никак не передается в английском языке;

— глаголы завершительного способа действия: через перифразы, вовлекающие значительные части предложения или частично выражается в лексическом значении глагола (глаголы прибытия или достижения).

Итак, можно заключить, что приставочные глаголы, представляющие способы действия, позволяют выражать достаточно тонкие и точные аспектуальные значения. Значения начинательного инхоативного, делимитативного, терминативного и завершительного способов действия русского глагола не всегда могут быть переданы средствами английского языка, чаще всего употребляются глаголы в форме Past Simple.

Настоящее исследование может быть продолжено и расширено на более широком материале, включая как другие автопереводы В. В. Набокова и авторизованные переводы его произведений, выполненные переводчиком совместно с автором, так и автопереводы других писателей-билингвов. В этих исследованиях можно было бы проверить данные, полученные в этой работе, а также провести сопоставление других способов действия русских глаголов и более детально изучить закономерности в нарративных цепочках, где есть маркированные начало и конец действия в русском языке и формы Past Simple в английском языке.

Приложение 1

Vendler 1957	states		activities		accomplishments		achievements	
Comrie 1976	stative		dynamic					
			durative				punctual	
			atelic		telic			
Падучева 1996/2010	статические		динамические					
			нетерминативные		терминативные		терминативные	
	вневремен- ные свойства/ соотношения (<i>вмещать</i> , НСВ)	состояния ингерент- ные (<i>болеть</i> , НСВ)	деятельно- сти контроли- руемые (<i>гулять</i> , НСВ)	процессы непредельные неконтро- лируемые (<i>кипеть</i> , НСВ)	действия обычные контролируемые (<i>открывать</i> / <i>открыть</i> , НСВ / <i>СВ</i>)	процессы предельные неконтроли- руемые (<i>таять</i> / <i>растаять</i> , СВ)	действия с акцентом на результате контроли- руемые (<i>найти</i> , СВ)	происшествия неконтроли- руемые (<i>лишиться</i> , СВ)
Зализняк, Шмелев 2000/2015	состояния, непредельные глаголы 1) Imperfectiva tantum: соответствовать 2) глаголы НСВ, входящие в перфектные		деятельности, непредельные глаголы 1) процессы, Imperfectiva tantum: <i>шуметь</i> 2) глаголы СВ и НСВ, входящие в		свершения, постепенные осуществления 1) глаголы СВ и НСВ, входящие в предельные пары: <i>писать/написать</i> , <i>строить/построить</i> ,		достижения, происшествия, моментальные глаголы 1) глаголы СВ и НСВ, входящие в тривиальные пары: <i>находить/найти</i> ,	

	<p>пары: <i>видеть</i> (увидеть), <i>верить</i> (поверить), <i>огорчаться</i> (огорчиться)</p> <p>3) глаголы НСВ, входящие в пролептические пары: <i>опаздывать</i> (опоздать), <i>успевать</i> (успеть), <i>умирать</i> (умереть)</p>	<p>градационные пары: <i>стареть/постареть</i>, <i>развиваться/развиться</i>, <i>повышаться/повыситься</i></p>	<p><i>учить/выучить</i>, <i>читать/прочитать</i>, <i>ловить/поймать</i></p>	<p><i>съесть/съесть</i>, <i>посещать/посетить</i>, <i>брать/взять</i>, <i>приходить/прийти</i></p> <p>2) глаголы СВ, входящие в перфектные пары: <i>увидеть</i> (видеть), <i>поверить</i> (верить), <i>огорчиться</i> (огорчаться)</p> <p>3) глаголы СВ, входящие в пролептические пары: <i>опоздать</i> (опаздывать), <i>успеть</i> (успевать), <i>умереть</i> (умирать)</p>
--	--	--	---	---

Приложение 2

Рис. 1. Начинательный способ действия

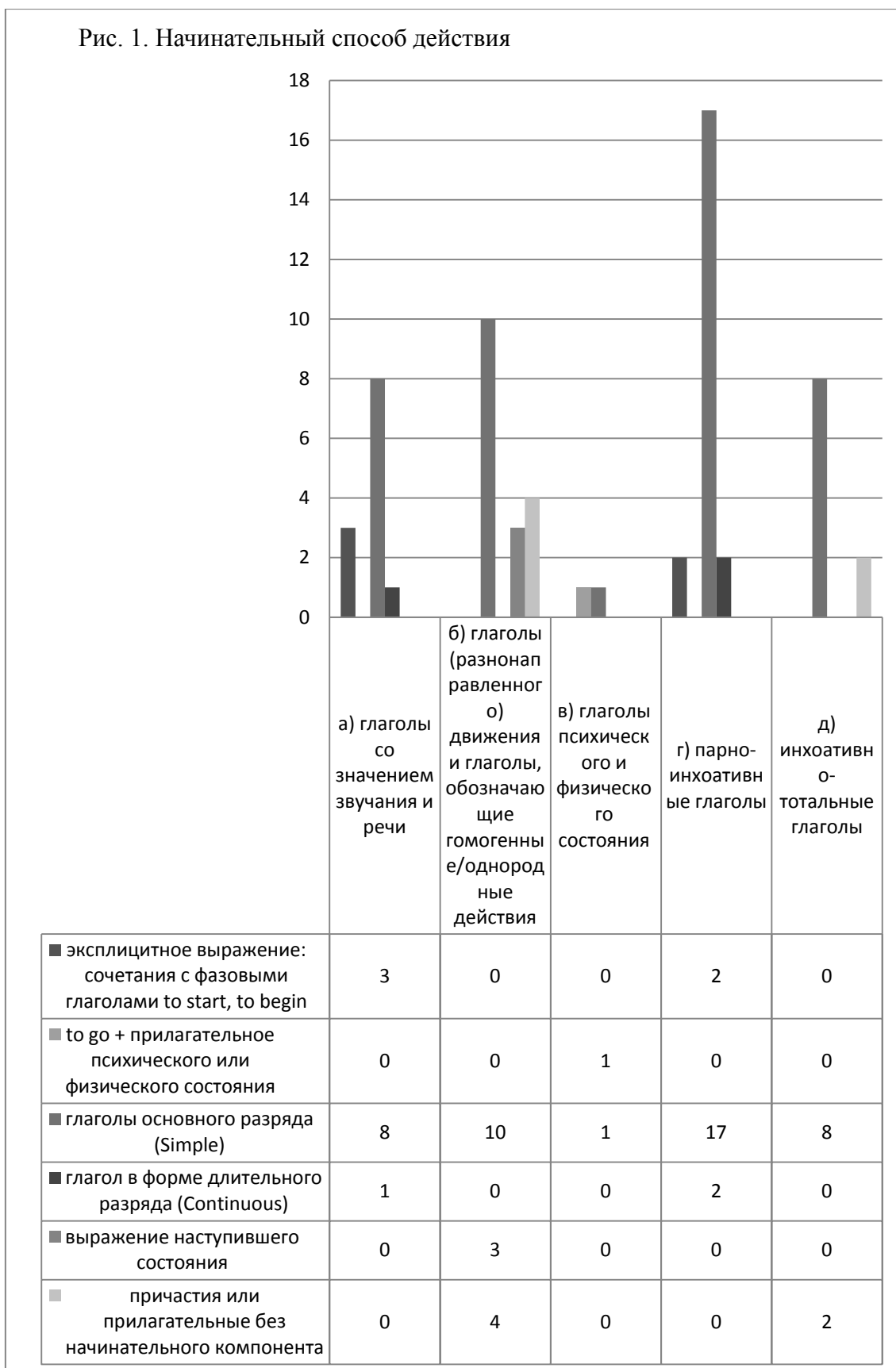

Рис. 2. Начинательный способ действия, личные формы глагола

Рис. 3. Делимитативный способ действия

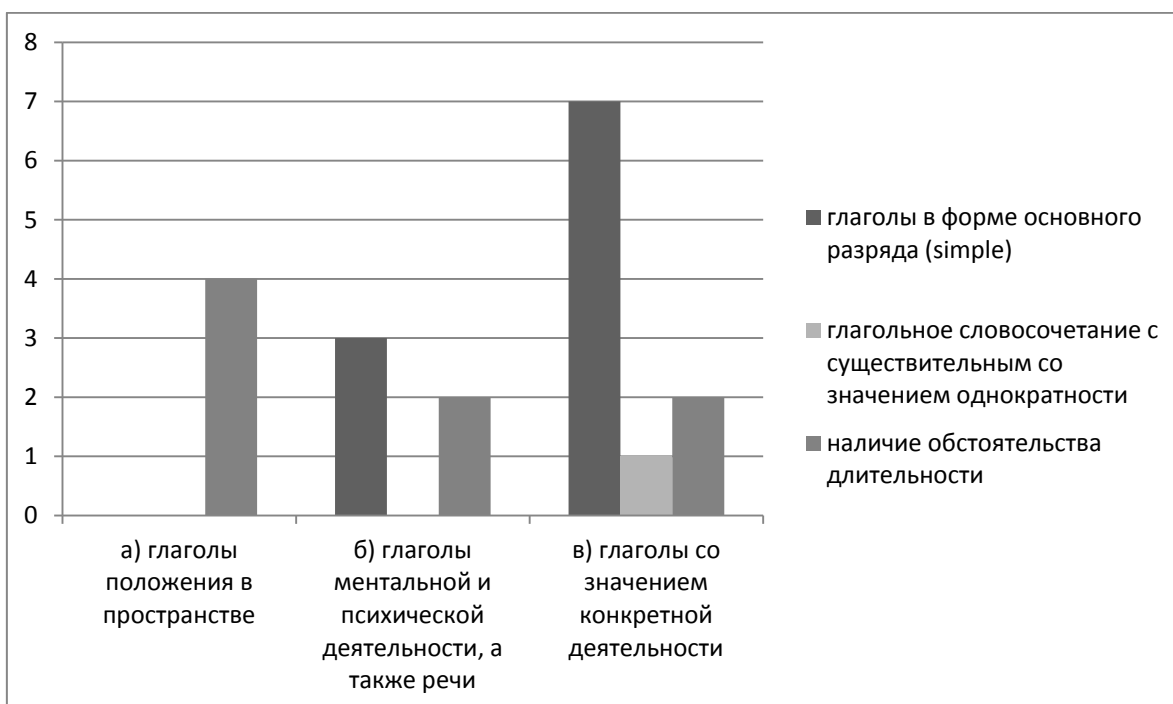
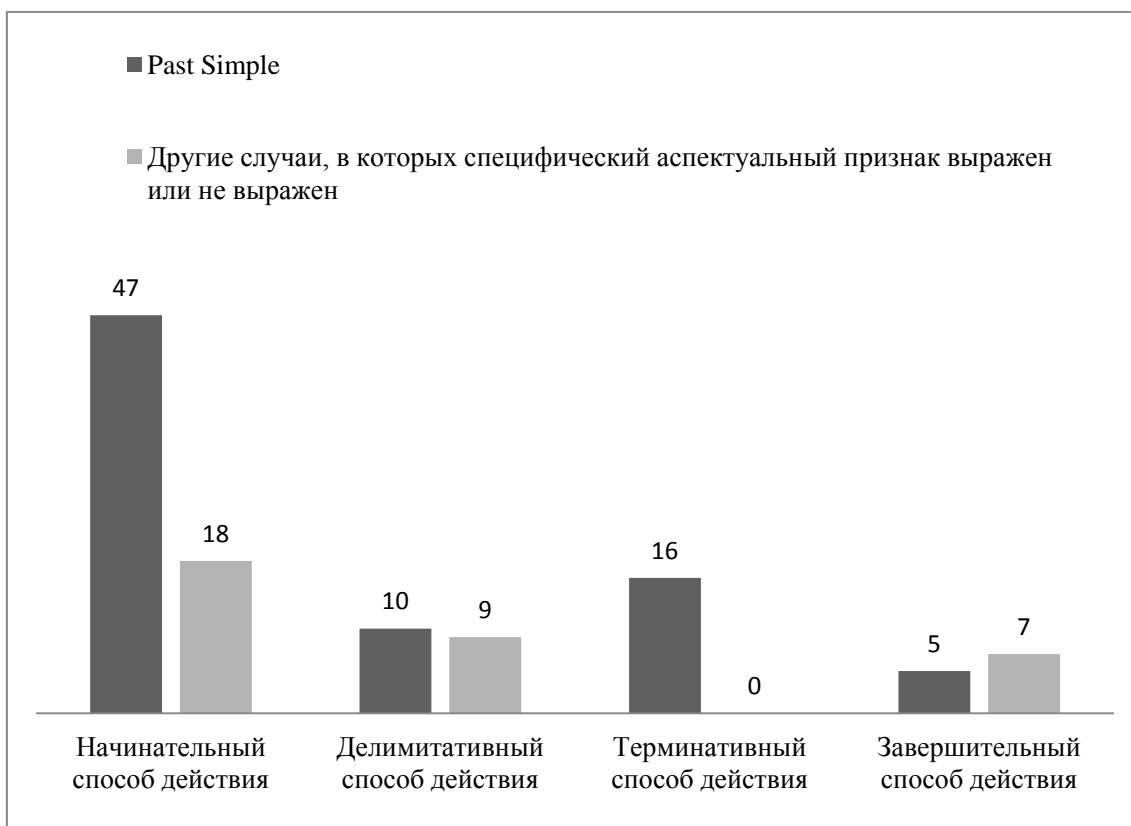

Рис. 4. Завершительный способ действия

Рис. 5. Частотность форм Past Simple в нарративной цепочке и при вводе прямой речи среди глаголов всех способов действия

Список использованной литературы

Научная литература

- Bache C. (1995). *The study of aspect, tense and action: towards a theory of the semantics of grammar categories*. Bern: Lang, 1995. 350 p.
- Bache C. (2008). *English tense and aspect in Halliday's systemic functional grammar: a critical appraisal and an alternative*. London: Equinox, 2008. 229 p.
- Bertinetto P. M. (1986). *Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo*. Firenze: Accademia della Crusca, 1986. 552 p.
- Bertinetto P. M. (1997). *Il dominio tempo-aspettuale: demarcazioni, intersezioni, contrasti*. Torino: Rosenberg & Sellier, 1997. 257 p.
- Bertinetto P. M., Delfitto D. (2000). *Aspect vs. Actionality: Why they should be kept apart* // Dahl Ö. (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 189-225.
- Binnick R. I. (1991). *Time and the verb: A guide to tense and aspect*. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1991. 554 c.
- Bybee J. L. et al. (1994). *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1994. 398 p.
- Carter R., McCarthy M. (2006). *Cambridge grammar of English: a comprehensive guide: spoken and written English grammar and usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 973 p.
- Comrie B. (1976). *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.
- Dahl Ö. (1985). *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985. 213 p.
- Dahl Ö. (2000). *The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective* // Dahl Ö. (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 3-25.
- Depraetere I. (1995). *On the Necessity of Distinguishing between (Un)Boundedness and (A)Telicity*. *Linguistics and Philosophy*. Vol. 18, No. 1. Feb., 1995. Pp. 1-19.
- Dickey S. M. (2007). *A prototype account of the development of delimitative po- in Russian* // D. Divjak, A. Kočańska (eds.). *Cognitive Paths into the Slavic Domain*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 329–374.
- Dickey S. M. (2011). *The varying role of po- in the grammaticalization of Slavic aspectual systems: Sequences of events, delimitatives, and German language contact* // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 19, No. 2. 2011. P. 175–230.
- Greenbaum S. (1993). *An introduction to English grammar*. Harlow: Longman, 1993. 336 p.

- Hatcher A. G. (1951). The use of the Progressive form in English. *Language* 27 (1951). P. 254-80.
- Huddleston R. (1995). The English Perfect as a secondary past tense // *The verb in contemporary English. Theory and Description*. Cambridge University Press, 1995. P. 102-122.
- Langacker R. W. (1982). Remarks on English Aspect // P. J. Hopper (ed.). *Tense-aspect: between semantics and pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 256-304
- Leech G. (1971). *Meaning and the English Verb*. London: Longman, 1971. 131 p.
- Leech G., Svartvik J. (2002). *A communicative grammar of English*. London [etc.]: Longman, 2002. 440 p.
- Lewis M. (1991). *The English Verb: An Exploration of Structure and Meaning*. London: Cambridge University Press, 1991. 180p. (1st ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1986)
- Schooneveld C. van. (1958). The So-called 'préverbe vides' and Neutralization // *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics*. The Hague: Mouton. 1958. P. 159–61.
- Sémon J.-P. (1986). Postojat' ou la perfectivite de congruence. Definition et valeurs textuelles. *Revue des Etudes Slaves* 58 (4). 1986. P. 609-635. [Электронный ресурс] URL: http://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1986_num_58_4_5586 (дата обращения: 22.08.2017)
- Vendler Z. (1957). Verbs and Times. *The Philosophical Review*, Vol. 66, No. 2. (Apr., 1957), pp. 143-160. (2nd ed. in: *Linguistics in philosophy*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967. 203 p.)
- Vey M. (1952). Les préverbes «vides» en tchèque moderne // *Revue des études slaves*. T. 29, 1952, Fasc. 1–4. Pp. 82–107.
- Агрелль С. (1962). О способах действия польского глагола // *Вопросы глагольного вида: Сборник статей: Переводы / Сост., ред., вступ. статья [с. 7-32] и примеч. проф. Ю.С. Маслова*. Москва: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 35-36. (Перевод фрагмента из: Agrell S. *Aspekt anderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte // Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Praeverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen*. Lund: Ohlsson, 1908)
- Айкина Т. Ю. (2011). К вопросу о переводческом буквализме В.В. Набокова // *Молодой ученый*. 2011. №7. Т.1. С. 135-139. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/30/3426/> (дата обращения: 06.06.2017)
- Аркадьев П. М. (2015). Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М., 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://inslav.ru/publication/arkadev-p-m-arealnaya-tipologiya-prefiksalnogo-perfektiva-na-materiale-yazykov-evropy-0> (дата обращения: 22.08.2017)
- Арнольд И. В. (1991). *Основы научных исследований в лингвистике*. М.: Высшая школа, 1991. 140 с. [Электронный ресурс] URL: http://paerok.narod.ru/bibl/01_a/arnold01.pdf (дата обращения: 07.07.2017)

- Барентсен А. (1998). Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. Отв. ред. М. Ю. Черткова. М. 1998. С. 43-58.
- Блох М. Я. (1983). Теоретическая грамматика английского языка: Учебник для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. М.: Высшая школа, 1983. 383 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/BlokhMYa/BlokhMYa.pdf> (дата обращения: 06.09.2017)
- Бондарко А. В. (1984). Функциональная грамматика / Отв. ред. В.Н.Ярцева. Л.: "Наука", 1984. 136 с.
- Бондарко А. В. (1996). Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 220 с.
- Бондарко А. В. (2002). Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
- Васильева Е. В. (2005). Автобиографическая проза В. В. Набокова "Conclusive evidence", "Другие берега", "Speak, memory!": история создания, художественная и жанровая специфика. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. Томск: Том. гос. ун-т, 2005. 23 с.
- Жулина Е. Б. (2006). Категории времени и вида в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 18 с.
- Зализняк Анна А. (2005). Преодоление пространства в русской языковой картине мира // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 97-110.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. (2015). Видовые тройки в аспектуальной системе русского языка // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки русской культуры, 2015. С. 233-247.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. (2015). Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки русской культуры, 2015. С. 208-232.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. (2015а). Введение в русскую аспектологию // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки русской культуры, 2015. С. 15-154. [1-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000].
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. (2015б). Семантика начала с аспектологической точки зрения // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки русской культуры, 2015. С. 285-296. [1-е изд. в Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 212-224].

- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. (2015в). Типы «незаконной» видовой связи // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки русской культуры, 2015. С. 155-161.
- Зюбина И. А., Кумпан Н. А. (2015). Фрагмент речевого поведения билингва В. Набокова и его переводчиков (на материале романа «Лолита») // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2015. №5. С. 343-348.
- Иванова И. П. (1961). Вид и время в современном английском языке. Л.: ЛГУ, 1961. 200 с.
- Ильиш Б. А. (1971). Строй современного английского языка. Учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов. М.: «Просвещение», 1971. 367с.
- Исаченко А. В. (1960). Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. Братислава: Изд-во словацкой академии наук, 1960. 570 с.
- Кабакчи М. К. (2011). Билингвизм как ключевой фактор авторизованного перевода художественного произведения // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. №3. С.111-117.
- Кронгауз М. А. (1998). Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. 288 с.
- Маслов Ю. С. (1948/2004). Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 303–316. (В: Ю. С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 71–89).
- Маслов Ю. С. (1978/2004). К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю. С. Маслов (ред.), Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: ЛГУ, 1978, с. 4–44. (В: Ю. С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 305–364).
- Маслов Ю. С. (1984/2004). Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984. (В: Ю. С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 21–302).
- Набоков В. В. (1941). The Art of Translation // New Republic. 4 августа 1941. [Электронный ресурс] URL: <https://newrepublic.com/article/62610/the-art-translation> (дата обращения: 06.06.2017)
- Набоков В. В. (1964). Интервью В. Набокова журналу «Life». 1964. [Электронный ресурс] URL: http://www.vladimirabokov.ru/misc/interview_1964_2.htm (дата обращения: 06.04.2017)
- Напцок М. Р. (2008). Дискурс В. Набокова: билингвизм и проблемы перевода // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. №6. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-v-nabokova-bilingvizm-i-problemy-perevoda> (дата обращения: 06.04.2017)

- Падучева Е. В. (1996/2010). Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с. (1-е изд. М.: «Языки русской культуры», 1996). [Электронный ресурс] URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf> (дата обращения: 11.09.2017)
- Падучева Е. В. (2009а). Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову—Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009, № 6. С. 6–20. [Электронный ресурс] URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/03MembersPadu.htm> (дата обращения: 07.09.2017)
- Падучева Е. В. (2009б). Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: Языка славянских культур, 2009. С. 394-416. (Впервые опублик. в: Russian Linguistics. Vol. 22, 1998. С. 35-38.)
- Петрухина Е. В. (2009). Русский глагол: категории вида и времени. М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_posobie2009.pdf (дата обращения: 22.08.2017)
- Петрухина Е. В. (2017). Выражение начальной и конечной границ действия в славянских языках // Язык, сознание, коммуникация сборник научных статей к юбилею профессора Наталии Евгеньевны Ананьевой. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2017. С. 235-247. [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_55.pdf (дата обращения: 23.08.2017)
- Русская грамматика (Грамматика-80) / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusgram.narod.ru> (дата обращения: 07.08.2017)
- Рябова Е. В. (2016). Влияние билингвизма на переводческую деятельность В.Набокова // Молодой ученый. 2016. №26. С. 796-798. [Электронный ресурс] URL:<https://moluch.ru/archive/130/36031/> (дата обращения: 06.04.2017)
- Самохина И. А. (2014). История переводов основных произведений В. Набокова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2014. №2. С. 287-292.
- Смит К. С. (1998). Двухкомпонентная теория вида: Пер. с англ. // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 404–421.
- Соколова Е. Е. (2003). Средства выражения аспектуальности в английском дискурсе: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
- Стернин И. А. (2008). Метод, методика, прием // Вопросы психолингвистики, № 7, 2008. с.24-25. Доп. и испр. 15 сентября 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://sterninia.ru/index.php/studentam-i-aspirantam/item/60-method-metodika-priem> (дата обращения: 07.07.2017)

- Татевосов С. Г. (2005). Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005, № 1, с. 108–141. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy2005-1.pdf> (дата обращения: 12.09.2017)
- Тихонов А. Н. (1964). Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // Вопросы языкознания. 1964. 1. С. 42-52. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1964-1.pdf> (дата обращения: 22.08.2017)
- Флайер М. С. (1997). Делимитативные приставки в русском языке // Глагольная префиксация в русском языке: Сб. статей. М.: Русские словари, 1997. С. 29-48. (Перевод: Flier M. S. The scope of prefixal delimitation in Russian // The scope of Slavic aspect. UCLA Slavic studies. Vol. 12. Columbus-Ohio. 1985. P. 41-58).
- Шелякин М. А. (1983). Категория вида и способы действия русского глагола: (Теорет. основы). Таллин: Валгус, 1983. 216 с.
- Шелякин М. А. (1987). Способы действия в поле лимитативности. Способы действия предельных глаголов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: "Наука", 1987. С. 63-84.
- Ясаи Л. О (1997). О принципах выделения видовой пары в русском языке // Вопросы языкознания. 1997. No. 4. С. 70-84.

Справочная литература

- Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 22.07.2017)
- SIL, the Glossary of Linguistic Terms. [Электронный ресурс] URL: <http://www.glossary.sil.org/> (дата обращения: 03.07.2017)
- Большой энциклопедический словарь (БЭС). [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения: 06.06.2017)
- Мак-Ким Д. К. Вестминстерский словарь теологических терминов. М.: "Республика". 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://teology.academic.ru> (дата обращения: 11.10.2017)
- Краткий словарь переводческих терминов. 2014. [Электронный ресурс] URL: http://translation_terms.academic.ru (дата обращения: 11.10.2017)
- Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). [Электронный ресурс] URL: http://methodological_terms.academic.ru/ (дата обращения: 06.06.2017)

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949-1992. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 03.07.2017)

Список источников примеров

Набоков В. В. Другие берега. [Электронный ресурс] URL: http://loveread.me/read_book.php?id=231&p=1 (дата обращения: 11.10.2017)

Набоков В. В. Другие берега = Conclusive Evidence: Мемуары. М.: Захаров, 2004. 445 с.

Набоков В. В. Лолита. [Электронный ресурс] URL: <http://loveread.ec/contents.php?id=235> (дата обращения: 11.10.2017)

Nabokov V. V. Lolita. London [etc.]: Penguin books, 1995. 331 p.

Nabokov V. V. Speak, memory: an autobiography revisited. Vintage International: New York, 1989. [Электронный ресурс] URL: http://royallib.com/read/nabokov_vladimir/speak_memory.html#0 (дата обращения: 11.10.2017)

Riassunto

La presente ricerca rappresenta uno studio sui modi di trasferire in inglese i valori aspettuativi dei verbi prefissati perfettivi riguardanti i modi d'azione incoativo, delimitativo, terminativo e completivo della lingua russa contemporanea.

Nell'Introduzione si presentano la rilevanza della ricerca, il corpus sul quale si è svolto lo studio, le basi teoriche, l'ipotesi, lo scopo e i criteri metodologici sui quali si è basata l'analisi.

La rilevanza della ricerca consta, innanzitutto, dell'analisi comparativa dell'aspettatività nella lingua russa e in quella inglese dal punto di vista delle teorie aspettuative contemporanee. Le sfere temporali-aspettuative russe e inglesi sono molto diverse. Infatti, nella lingua russa c'è un'opposizione aspettuale tra i verbi perfettivi e imperfettivi, con relazioni semantiche diverse all'interno delle coppie verbali; ci sono i modi d'azione verbale che hanno valori aspettuativi specifici e piuttosto dettagliati. Il paradigma temporale russo non è ricco. Al contrario, in inglese esiste una vasta gamma di forme temporali-aspettuative.

Il materiale dell'analisi non consiste in traduzioni che riflettono la percezione soggettiva del testo da parte del traduttore, ma in opere scritte nelle due lingue da V.V. Nabokov, scrittore bilingue e teorico della traduzione. Aver scelto delle autotraduzioni come materiale consente di minimizzare l'influenza della personalità linguistica del traduttore e di spostare l'attenzione della ricerca dagli studi di traduzione all'attuale analisi delle corrispondenze. Il materiale di ricerca è tratto dal romanzo di V.V. Nabokov "Lolita" e dall'autobiografia "Drugije Berega" ("Altre rive"). V.V. Nabokov scrisse "Lolita" in inglese (1955) e lo tradusse in russo negli anni '60 (la traduzione fu pubblicata nel 1967). Originariamente l'autobiografia è stata scritta in inglese e intitolata "Conclusive Evidence" (1951), poi tradotta in russo e ampliata ("Drugije Berega", 1954), infine il testo inglese è stato ampliato ed è diventato noto come "Speak, Memory!" (1967). Nell'analisi viene utilizzato materiale della seconda versione inglese dell'autobiografia. Per l'analisi sono stati selezionati 112 campioni.

Le basi teoriche e metodologiche dello studio dell'aspetto russo sono tratte dalle opere fondamentali di A. Barentsen, A.V. Bondarko, A.V. Isačenko, Yu. S. Maslov,

E.V. Padučeva, E.V. Petrushina, S.G. Tatevosov, dalla monografia collettiva sulla coppia aspettuale in russo di Anna A. Zaliznjak e A.D. Šmelev e dai loro articoli separati, "La grammatica russa" (Grammatica-80) e altri.

La categoria dell'aspettualità in lingua inglese non viene studiata spesso come in russo. Un importante punto di riferimento, in primo luogo, sono gli studi tipologici delle categorie verbali di Ö. Dahl' e del team di ricercatori guidato da J. Bybee, seguiti dal libro classico di B. Comrie sulla aspettualità, studi approfonditi sulle categorie verbali di C. Bache, P.M. Bertinetto, R. Binnik, Z. Vendler, G. Leech e altri. Abbiamo consultato le monografie degli studiosi russi sulle categorie verbali in inglese (A.I. Smirnitskij, M.J. Bloch, I.P. Ivanova e altri).

Gli obiettivi della tesi sono:

- descrivere i valori aspettuativi significativi nei verbi inglesi e confrontarli con le classi lessico-grammaticali dei verbi russi;
- descrivere il sistema aspettuale e il campo dell'aspettualità nel russo contemporaneo;
- definire il concetto di modo d'azione;
- identificare i significati aspettuativi fondamentali e costruire il campo dell'aspettualità nell'inglese contemporaneo;
- descrivere le caratteristiche dei verbi dei modi d'azione incoativo, delimitativo, terminativo e completivo;
- confrontare le modalità di trasmissione degli specifici modi d'azione in russo e in inglese sulla base del materiale linguistico e identificare le corrispondenze frequenti, tenendo conto non solo delle forme morfologiche dei verbi, ma anche degli altri modi di esprimere l'aspettualità in russo e in inglese.

Alla fine del lavoro è stata confermata l'ipotesi che alcuni valori aspettuativi presenti nel testo russo non trovano corrispondenze nel testo inglese a causa della mancanza di certi valori aspettuativi nella lingua inglese.

Il Capitolo 1 è dedicato al bilinguismo e alla teoria della traduzione di V.V. Nabokov. Il suo talento linguistico e l'approccio accurato e consapevole alla traduzione hanno assicurato l'alta qualità delle sue autotraduzioni e permettono di utilizzarle per uno studio tipologico.

Nel Capitolo 2 si presenta un excursus sulle riflessioni relative all'aspetto in russo e in inglese. Nello studio dell'aspettualità nella lingua russa l'approccio è stato eclettico. Da un lato, abbiamo utilizzato un approccio semantico che mette al centro la proprietà aspettuale del significato lessicale dei verbi (Vendler 1957). Dall'altro, abbiamo adottato un approccio grammaticale che riflette la tradizione degli studi aspetnologici russi e tratta l'aspetto come una categoria grammaticale legata soprattutto alle forme morfologiche del verbo. Inoltre, abbiamo seguito il metodo della grammatica funzionale di A. V. Bondarko, che offre la nozione del campo semantico-funzionale aspettuale in cui il centro è formato dalle caratteristiche aspettuative legate alle forme morfologiche e alla categoria dell'aspetto (o aspetti), mentre altri valori e categorie aspettuative meno regolari e importanti si collocano verso la periferia.

Come prima cosa, abbiamo studiato le caratteristiche azionali del significato lessicale dei verbi che sono anche chiamate azionalità. Sono importanti per comprendere l'aspettualità nella lingua russa e svolgono un ruolo chiave nell'aspetto inglese. Infatti in base a queste caratteristiche si distinguono classi di verbi lessico-grammaticali o classi azionali di verbi. Nella tesi sono considerati i seguenti significati aspettuativi del lessico: telicità, istantaneità/durata (anche i verbi iterativi e semelfattivi), staticità/dinamicità, determinazione di fase.

La telicità caratterizza le azioni dal punto di vista della loro finalizzazione/non-finalizzazione ad una certa meta, con il raggiungimento della quale l'azione cessa. Esistono delle differenze nell'interpretazione della telicità per i verbi russi e i verbi inglesi. In russo, i verbi telici costituiscono le coppie cosiddette teliche, dove il verbo imperfettivo si riferisce al processo che mira ad ottenere un potenziale obiettivo (*Долго убеждал — ci ha impiegato molto tempo a convincere; Он засыпает — lui si sta addormentando; Дерево падает — l'albero sta per cadere*) e il verbo perfettivo significa l'evento al quale ha portato questo processo (*Наконец он нас убедил — alla fine lui ci ha convinto; Он заснул — lui si è addormentato; Дерево упало — l'albero è caduto*) (esempi da Bondarko 2002: 398 e Petruchina 2009: 77-81).

In russo si usa un semplice test per determinare una coppia telica: questi verbi possono essere usati in una frase come *строить, строить и построить* (costruire e finalmente riuscire a/finire di costruire). Inoltre, i verbi che, di per sé, sono atelici possono diventare telici in presenza di un oggetto o un complemento di limite (meta)

d'azione che li finalizza al raggiungimento di un preciso scopo, e.g.: *курить* и *курить/выкурить сигарету* — *fumare* vs. *fumare una sigaretta*; *идти* (медленно) и *идти/прийти сюда* — *andare* (lentamente) vs. *andare / venire qui* (esempi da Maslov 1978/2004: 315-316). Proprio questo comportamento è caratteristico dei verbi inglesi: lo stesso verbo può essere sia telico, sia atelico, e la telicità è determinata dall'oggetto che determina la fine della situazione, e.g.: *Joe is reading* (atelico), *Joe is reading a book* (telico).

Inoltre, i verbi russi manifestano due tipi di telicità. La telicità che è stata discussa in precedenza è una telicità in senso stretto chiamata anche telicità lessicale. I verbi russi possono esprimere anche un altro tipo di telicità, quella non correlata al significato lessicale del verbo, ma che esprime all'aspetto perfettivo. Si tratta di fissare un confine oltre il quale l'azione cessa e non può più continuare oltre. Nella letteratura questa telicità, intesa in senso ampio, è spesso chiamata *boundedness* (e.g. Bertinetto 1997: 31). Tutti i verbi perfettivi sono *bounded*, inclusi i verbi dei modi d'azione incoativo (*зашуинеть*), delimitativo (*поспать*), terminativo (*прошутеть*), completivo (*донеть*).

La caratteristica della durata é rilevante soprattutto per le classi dei verbi semelfattivi e iterativi. I verbi inglesi possono essere semelfattivi e iterativi, e.g.: *to cough*, e i loro significati sono chiariti dalla forma morfologica e dal contesto. Nella lingua russa l'iteratività è la base delle relazioni semantiche nelle coppie triviali, e.g. *дать/давать* — *dare (una volta) / dare (ripetutamente)*. Inoltre, vi è un rapporto aspettuale tra verbi moltiplicativi/non moltiplicativi nelle coppie semelfattive, e.g.: *кинуть/кидать* — *lanciare una volta / lanciare in successione*, *махнуть/махать* — *sventolare (un gesto)/sventolare (un successione dei gesti)*. In queste coppie il verbo imperfettivo descrive una certa attività mentre il verbo perfettivo denota un unico "atto" di questa attività. I verbi del modo d'azione incoativo si possono derivare molto facilmente dai verbi moltiplicativi (e non dai verbi iterativi), e.g.: *махать* — *замахать*. La caratteristica della durata é cruciale per il significato dei verbi delimitativi (*посидеть* — *rimanere seduto per un po' di tempo*) e terminativi (*проговорить* — *enunciare*, l'azione è vista come un singolo atto senza durata interna). I verbi incoativi implicano una durata: denotano solo la fase iniziale dell'azione e ne suppongono la continuazione.

La distinzione di fasi, i.e. l'indicazione delle fasi iniziali, intermedie o finali dello svolgimento dell'azione o del processo, si manifesta soprattutto nei verbi incoativi e completivi. In inglese, la designazione della fase viene espressa sia con i verbi fasici, che indicano una fase del processo verbale indicato dal verbo, e.g.: *to read/to begin reading/to finish reading*, sia con i verbi frasali, e.g.: *to eat/to eat up, to drink/to drink up*.

La classificazione dei verbi inglesi di Zeno Vendler raggruppa i verbi secondo le loro valenze semantico-aspettuali. È basata sulla telicità, sulle valenze sintattiche dei verbi (con le specificazioni di tempo e durata) e sul comportamento morfologico (la possibilità o impossibilità di creare le forme aspettuali-temporanee, in particolare le forme Continuous).

I verbi continuativi (activities) sono atelici, riguardano azioni "omogenee" e hanno le forme Continuous, e.g.: *to run, to drive*. I verbi risultativi (accomplishments) sono telici e sono utilizzati nelle forme Continuous, e.g.: *to paint a picture, to build a house*. I verbi trasformativi (achievements) indicano gli eventi che si verificano istantaneamente e implicano un cambiamento di stato, non sono utilizzati nelle forme Continuous, e.g.: *to recognize, to find*. I verbi stativi (stative verbs) non hanno una dinamicità, sono atelici, e.g.: *to know, to love*.

Le classi vendleriane, i rapporti tra i verbi nelle coppie aspettuali e i modi d'azione si riferiscono ai fenomeni dello stesso ordine e uniscono i verbi in base alle loro valenze aspettuali. Un confronto dettagliato dei modi d'azione con le classi di Vendler è difficile da effettuare, in quanto le loro componenti aspettuali principali non coincidono. Riteniamo che nelle coppie incoative (*закунать/закунеть*) i verbi imperfettivi designino i processi e corrispondano alle attività, e che i verbi perfettivi si riferiscano agli *achievements*. I modi d'azione incoativo, terminativo e completivo corrispondono di più agli *achievements*, perché il confine temporale intrinseco sottintende un cambiamento di stato, "un salto nel nuovo" senza indicare il processo che porta a questo cambiamento.

Dopo le riflessioni sulle valenze aspettuali nel significato aspettuale, abbiamo studiato i livelli dell'aspettualità legati alla morfologia. Il campo funzionale-semantico dell'aspettualità in russo è monocentrico. Al suo centro c'è la categoria dell'aspetto che è obbligatoriamente presente in tutti i verbi russi. Alla periferia del campo ci sono i

modi d'azione, le valenze aspettuative che fanno parte del significato lessicale di verbi (telicità, statività, ecc) così come attributi semantici trasmessi dalle specificazioni del modo d'azione temporale tipo "lentamente", "gradualmente", "subito", ecc.

La categoria dell'aspetto è una categoria grammaticale obbligatoria del verbo russo. Le caratteristiche tipologiche importanti della lingua russa si manifestano nella stretta connessione tra la morfologia e la derivazione: la derivazione prefissale e suffissale è utilizzata per la formazione di forme grammaticali di verbi perfettivi e imperfettivi.

Per capire la semantica aspettuale russa sono importanti le caratteristiche aspettuative dell'integrità e della limitazione d'azione, proposti da A.V. Bondarko, e la caratteristica aspettuale del collegamento di sequenza, che era stata aggiunta alle caratteristiche centrali da A. Barentsen. Queste caratteristiche della categoria dell'aspetto si evidenziano nei verbi perfettivi e sono assenti nei verbi imperfettivi. L'integrità d'azione (*целостность*) comporta, da un lato, l'unità della fase iniziale, intermedia e finale, e dall'altro, l'assenza della struttura dinamica nello svolgimento dell'azione nel tempo. Il concetto dell'unità della fase iniziale, intermedia e finale non contraddice il fatto che i verbi incoativi e completivi mettono in risalto solo la fase iniziale o finale, e.g. *занеть, донеть*. Questi modi d'azione esprimono l'integrità di una fase d'azione, rispettivamente iniziale o finale, e le altre fasi rimangono implicite nel significato lessicale del verbo e/o nel contesto.

La caratteristica della limitazione dell'azione (*ограниченность действия пределом*) è legata alla finalizzazione dell'azione e al raggiungimento di un certo limite. La caratteristica della limitazione dell'azione non si manifesta abbastanza chiaramente nei verbi incoativi e delimitativi. Infatti, il verbo incoativo esprime l'azione confinata nella sua prima fase e le fasi successive vengono sottintese. Invece i verbi incoativi accoppiati esprimono diversamente il termine della fase iniziale: l'imperfettivo indica il passaggio della prima fase e il perfettivo esprime il risultato della prima fase: *деревья зацветают* — i primi fiori stanno sbocciando; *деревья зацвели* — gli alberi fioriscono, cioè vediamo gli alberi in fiore. Nei verbi delimitativi (*посидеть*) la caratteristica della limitazione temporale dell'azione consente di mettere in risalto una singola "porzione" dell'azione.

Il collegamento della sequenza (sekventnaja svjaz) è la terza caratteristica aspettuale fondamentale. Quando si usano i verbi perfettivi in una catena di eventi, la funzione di collegamento della sequenza sta nel legare la fine di un'azione con l'inizio di un'altra. Il collegamento della sequenza spiega il principio di base del funzionamento dell'aspetto nella narrazione al passato: i verbi perfettivi formano la linea della trama e i verbi imperfettivi formano lo sfondo su cui si svolgono gli eventi. Se la catena di azioni successive include i verbi che denotano i processi o le attività non limitati dal termine, la lingua russa ha la necessità di identificare i confini temporali di questi processi. Ciò è possibile attraverso l'uso di verbi prefissati incoativi e delimitativi, e probabilmente verbi completivi, e.g.: *Допил чай и заговорил; Заплакал ребенок, и она быстро дорезала хлеб.*

I modi d'azione verbali sono dei gruppi lessico-grammaticali dei verbi. Sono associati, da un lato, alla categoria dell'aspetto, e dall'altro, alla derivazione. I verbi dei modi d'azione sono verbi che non formano coppia, perfettivi o imperfettivi, derivati dai verbi senza prefissi tramite prefissazione, suffissazione o aggiunta di circumfissi. I verbi dei modi d'azione incoativo, delimitativo, terminativo e completivo sono prefissati e perfettivi. Tutti i verbi di un modo d'azione hanno una componente del significato aspettuale comune, dettata dal modello di derivazione. Questo distingue i modi d'azione dalla prefissazione come un modo di derivazione di verbi perfettivi che fanno parte di una coppia, dove il valore del prefisso è strettamente legato al significato del verbo e, infatti, non lo cambia. Tali prefissi sono talvolta denominati "vuoti". Bisogna distinguere i modi d'azione dai gruppi di verbi che possono essere identificati esclusivamente in base a criteri semantici (senza derivazione), come risultatività, telicità, durata e altri. Nella letteratura, non-russa, è ampiamente utilizzato il termine *Aktionsart*.

Un'altra caratteristica dei modi d'azione è che sono classi aperte. I modelli di derivazione sono molti, ma non tutti sono chiamati modi d'azione. Gli studiosi individuano i modi d'azione solo per gruppi più estesi di verbi. I linguisti offrono diverse classificazioni e diversi nomi per i gruppi di verbi, quindi abbiamo scelto i nomi più comunemente utilizzati, basandoci principalmente sulla terminologia della "Grammatica russa" e sul libro di testo di Anna A. Zaliznjak e A.D. Šmelev (Grammatica russa §1415, §1418, § 1432, § 1433; Zaliznjak, Šmelev, 2015a).

Sebbene i modi d'azione uniscano verbi che non fanno parte di una coppia, essi sviluppano la dualità aspettuale in due modi. Innanzitutto, i verbi del modo d'azione incoativo formano verbi imperfettivi suffissali, e.g.: *заговорить/заговаривать*. In secondo luogo, il collegamento di sequenza nelle catene narrative riduce il grado di consapevolezza dell'uso dei verbi incoativi e delimitativi e, secondo E.V. Petruchina, questo porta alla grammaticalizzazione di queste forme. Quindi, i verbi incoativi e delimitativi perdono il valore aspettuale dei loro modi d'azione e iniziano a funzionare come un verbo di coppia per i corrispondenti verbi senza prefissi, e. g.: *Ребенок увидел незнакомого человека, пронзительно закричал и побежал к дому – Ребенок видит незнакомого человека, пронзительно кричит и бежит к дому*. Inoltre, i delimitativi tendono ad assumere il ruolo del verbo di coppia al passato, quando la successione di eventi è resa chiara dal contesto o è insignificante: *Они покричали, поспорили, но ни до чего не договорились – Они кричат, спорят, но ни до чего не договариваются* (esempi da Petruchina 2009: 108-109). Questi processi di grammaticalizzazione sono stati presi in considerazione durante la selezione del materiale per l'analisi. È stata condotta un'analisi dettagliata di ogni esempio per il grado di grammaticalizzazione del valore del prefisso e la perdita del significato aspettuale del modo d'azione.

Il campo funzionale-semanticamente dell'aspettualità in inglese, a nostro parere, è molto diverso da quello russo e si presenta così: al centro ci sono i valori aspettuativi, espressi regolarmente nelle forme morfologiche aspetto-temporali, mentre le valenze aspettuative lessicali dei verbi e altri mezzi aspettuativi saranno situati verso la periferia. Il campo funzionale-semanticamente dell'aspettualità inglese è policentrico. Uno dei centri è il significato dell'aspetto progressivo (espresso dalle forme del Continuous), l'altro è il significato del Perfetto (espresso dalle forme del Perfect), che in inglese abbina le valenze delle categorie dell'aspetto e del taxis (correlazione temporale). Altri aspetti, in primo luogo l'aspetto abituale e l'aspetto gnomico, non hanno un'espressione formale e non formano centri ben definiti. L'aspetto abituale ha diversi valori ed è espresso da varie combinazioni perifrastiche (*used to, would*) e le forme del Present Simple. L'aspetto gnomico è espresso dalle forme del Present Simple, che ha anche altri valori aspettuativi. L'aspettualità in inglese si manifesta non solo nelle forme morfologiche, ma

anche nelle valenze aspettuali dei verbi e dei mezzi contestuali, che spesso giocano un ruolo chiave.

Supponiamo che il passato in inglese (Past Simple) si avvicini all'aspetto perfettivo prototipico, i.e. "una considerazione 'globale' del processo verbale medesimo" (Bertinetto 1986: 79; cf. Comrie 1976: 3-4). Il perfetto prototipico sinoppone all'imperfetto (e al Perfetto) che va inteso "come la considerazione del processo verbale secondo un punto di vista interno al suo svolgimento" (Bertinetto 1986: 79; cf. Comrie 1976: 3-4). Il perfettivo prototipico si avvicina all'aspetto perfettivo russo in una caratteristica: l'integrità, cioè l'espressione dell'intera azione, il suo inizio, la parte centrale e la fine, insieme. Le forme del Past Simple sono anche vicine al perfetto prototipico e al perfettivo russo perché sono utilizzati per fare riferimento a catene di azioni nella narrazione.

Il valore ingressivo dei verbi inglesi nella forma del Past Simple è diverso dal valore aspettuale dei verbi incoativi russi. I verbi come *to believe, to sit, to know*, acquisiscono il valore ingressivo quando dalla classe stativa migrano nella classe degli achievements in certi contesti, e.g.: *and suddenly he knew/understood what was happening* (esempio da: Comrie 1976: 20). Questo cambio di valore è simile alla relazione semantica delle cosiddette coppie aspettuali perfettive come *увидеть/видеть, верить/поверить, сидеть/сесть*, dove il verbo perfettivo indica un nuovo stato e non il risultato dell'azione. I verbi incoativi russi indicano la fase iniziale della situazione come un attacco dell'azione successiva che ha una durata.

In generale, va notato che i sistemi dell'aspetto russo e inglese hanno poche corrispondenze e punti di contatto. Il punto di contatto più importante è la somiglianza delle forme del Past Simple alle forme perfettive russe in base alle caratteristiche dell'integrità e del collegamento di sequenza (ma non in base alla limitazione d'azione o *boundeness*, secondo B. Comrie (Comrie 1976: 18).

Il Capitolo 3 è dedicato alla metodologia di ricerca e alla presentazione dell'oggetto della ricerca. In primo luogo, vengono approfonditi alcuni metodi utilizzati nello studio: il criterio di Maslov per determinare la coppia aspettuale; l'analisi morfologica dei verbi russi per individuare i prefissi associati al significato aspettuale; l'analisi contestuale dei mezzi di espressione non verbali dei valori aspettuali e delle condizioni di attualizzazione dei tratti semantici dei verbi in diversi contesti.

Come abbiamo già sottolineato, il focus dell'analisi non è tanto la categoria dell'aspetto del verbo russo, quanto i modi dell'azione verbale che hanno delle proprietà particolari perché sono associati sia alla categoria dell'aspettualità, sia alla derivazione verbale e, più precisamente, alla prefissazione. I seguenti metodi d'azione sono diventati oggetto del nostro studio.

- I verbi del modo d'azione incoativo hanno il prefisso *за-*, che può essere interpretato con la perifrasi "iniziare a + infinito": *засмеяться, заметаться*. I verbi incoativi indicano la fase iniziale di una situazione come l'inizio di un'azione che ha una certa durata, e tutta l'azione può essere identificata da questa prima fase, perché l'azione è uniforme per tutta la sua durata. I verbi incoativi scelti per questo studio si distinguono in due grandi gruppi: i verbi incoativi propri e i verbi incoativi impropri. I verbi incoativi selezionati per l'analisi sono derivati da verbi relativi a suoni e *verba dicendi* (*завонить, засмеяться*), verbi di movimento multi-direzionale e verbi moltiplicativi che denotano un'azione omogenea (*заплавать, заметаться*), verbi relativi a condizioni fisiche e mentali (*занемочь*). I verbi incoativi propri sono *perfectiva tantum* (cioè non hanno un verbo imperfettivo correlato) e non formano un verbo imperfettivo tramite suffissazione secondaria. I verbi incoativi impropri, invece, possono formare una coppia aspettuale. Tra di essi si distinguono i verbi incoativi totali (*захотеть*) che possono esprimere l'azione nella sua totalità (non solo la fase iniziale) e i verbi incoativi che formano coppia (*заболеть/заболевать*).

- I verbi delimitativi hanno il prefisso *по-* e si distinguono secondo il seguente criterio formale: si abbinano con la specificazione di durata, espressa con un nome nel caso accusativo senza una preposizione, e.g.: *погулял два часа, поглядела (на снимок) две секунды*. I verbi delimitativi indicano la posizione nello spazio (*посидеть*), le condizioni fisiche e mentali (*понаблюдать*), diverse attività e il movimento multi-direzionale (*поддержать, погулять*).

- I verbi del modo d'azione terminativo hanno il prefisso *про-*, e devono essere distinti dai verbi del modo d'azione perdurativo, che richiede le specificazioni di tempo ed è formato da una vasta gamma di verbi, e.g. *проплавать весь день*. I verbi del modo d'azione terminativo derivano solo dai verbi che indicano suoni e *verba dicendi*. Il loro significato aspettuale non coinvolge la durata: l'inizio e la fine dell'azione sono come se

fossero uniti, e.g. *прошептать, пропеть*. I verbi del modo d'azione terminativo a volte formano verbi imperfettivi secondari.

- I verbi del modo d'azione completivo hanno il prefisso *до-* e indicano il passaggio all'ultima fase e il completamento dell'azione, e.g. *дозвонуть*. Abbiamo incluso nel gruppo dei verbi completivi anche i verbi di moto con il prefisso *до-* che indicano il raggiungimento della fine (o un punto intermedio visto nel contesto come il punto finale), e.g.: *дойти, доехать*. I verbi del modo d'azione completivo formano regolarmente coppie aspettuali tramite imperfettivizzazione secondaria.

L'analisi vera propria inizia con il Capitolo 4 dedicato allo studio dei modi di trasferire in inglese i valori aspettuali dei verbi prefissati perfettivi dei modi d'azione incoativo, delimitativo, terminativo e completivo. Le valenze aspettuali chiave (per le quali erano ricercate le corrispondenze in inglese) erano l'accentuazione dello svolgimento della fase iniziale (per il modo d'azione incoativo), la limitazione del tempo di svolgimento dell'azione (per i modi d'azione delimitativo e terminativo) e la compiutezza di un'azione continuata (per il modo d'azione completivo). I verbi dei modi d'azione russi sono tutti perfettivi, e la maggioranza di questi ha la forma del passato. Ci sono 112 verbi, incluse alcune forme non finite (participi). Le principali conclusioni sono le seguenti.

Il modo d'azione incoativo

Sono stati analizzati 65 esempi contenenti verbi del modo d'azione incoativo. L'analisi del materiale rileva i seguenti modi di trasmettere il valore incoativo in inglese.

- Il valore incoativo viene trasmesso esplicitamente solo attraverso costruzioni perifrastiche con i verbi fasici *to start* e *to begin* (5 esempi su 65 - 7,7%), e.g.:

(1) *Она спросила: "Но почему голубой, когда она белая? Почему — Господи Боже мой..." — и зарыдала снова.*

*She said: "Why blue when it is white, why blue for heaven's sake?" and **started to cry** again... (Lolita, parte II, cap.26)*

- Una posizione intermedia tra l'espressione esplicita e implicita del valore incoativo è tenuta dalla perifrasi inglese *go + un aggettivo* dello stato fisico o mentale,

che dà l'idea di un graduale sviluppo dello stato o di transizione nello stato (1 esempio su 65 - 1,6%), e.g.:

(2) *Сегодня за обедом старая ехидна, искоса блеснув косым, по-матерински насмешливым взглядом на Ло (я только что кончил описывать в шутливом тоне прелестные усики щеточкой, которые почти решил отпустить), сказала: "Лучше не нужно, иначе у кого-то совсем **закружится** головка".*

*At dinner tonight the old cat said to me with a sidelong gleam of motherly mockery directed at Lo (I had just been describing, in a flippant vein, the delightful little toothbrush mustache I had not quite decided to grow): "Better don't if somebody is not **to go** absolutely **dotty**."* (Lolita, parte I, cap. 11)

- Il valore incoativo (valore dello svolgimento della fase iniziale del processo) non è trasmesso dalle forme del Past Simple in un contesto narrativo in presenza di una catena di eventi (47 esempi su 65 - 72%), e.g.:

(3) *Тут она приподнялась, охнула, **затараторила** с бредовой быстротой что-то о лодках, дернула простыню и впала обратно в свое темное, цветущее, молодое бесчувствие.*

*And then, she sat up, gasped, **muttered** with insane rapidity something about boats, tugged at the sheets and lapsed back into her rich, dark, young unconsciousness.* (Lolita, parte I, cap. 29)

- Il valore incoativo non è espresso:
 - dalle forme Continuous (3 esempi su 65 - 4,7%), e.g.:

(4) *Весь дом вдруг **загудел** от голоса говорливой Луизы, докладывающей госпоже Гейз, которая только что вернулась, о каком-то мертвом зверьке, найденном ею и Томсоном (соседским шофером) в подвале - и, конечно, моя Лолиточка не могла пропустить такой интересный случай.*

*The house **was** suddenly **vibrating** with voluble Louise's voice telling Mrs. Haze who had just come home about a dead something she and Leslie Tomson had found in the basement, and little Lolita was not one to miss such a tale.* (Lolita, parte I, cap. 11)

- dalle forme Simple di verbi stativi (3 esempi su 65 — 4,7%), e.g.:

(5) *На мгновение мы оба **заплавали** в теплой зелени зеркала, где отражалась вершина тополя вместе с нами и небом.*

*For a moment, we **were** both in the same warm green bath of the mirror that reflected the top of a poplar with us in the sky. (Lolita, parte I, cap. 11)*

- da participi e aggettivi (6 esempi su 65 — 9,3%), e.g.:

(6) *Лолита задержала во рту только что взятый глоток воды и поставила обратно на стол свой **затанцевавший** стакан.*

*Lo arrested the mouthful of water she had just taken, and put down her **dancing** glass. (Lolita, parte I, cap. 27)*

Particolarmente rilevante è la differenza tra i verbi incoativi propri (incoativi per eccellenza) e gli incoativi impropri. Sono stati analizzati 31 verbi incoativi impropri, e 25 di questi corrispondono alle forme del Past Simple. Ora osserveremo i verbi incoativi impropri in modo più dettagliato. Per i verbi incoativi che formano coppia (*заболеть/заболевать, запеть/запевать*), questo rapporto è di 17:4. Una ricorrenza così alta delle forme del Past Simple conferma in parte il fatto che la forma perfettiva di questi verbi rappresenta sia lo svolgimento della situazione iniziale, che un risultato, i.e. un cambiamento che porta ad una nuova situazione (per esempio, era sana e ora è ammalata). Nei verbi incoativi totali (*закричать, захотеть, заорать*) il rapporto tra le forme del Simple Past e le altre è di 8:2, il che conferma indirettamente che questi verbi rappresentano l'intera azione, anziché lo svolgimento della parte iniziale dell'azione. Le forme del Past Simple non hanno una ricorrenza così alta tra i verbi incoativi propri (come illustrato in Appendice 1, grafico 1).

Il modo d'azione delimitativo

Sono stati analizzati 19 esempi contenenti verbi delimitativi. In inglese il significato della limitazione temporale dell'azione è espresso in diversi modi.

La corrispondenza più frequente è con i verbi continuativi nella forma Simple: 10 casi su 19 (52,6%). Così in inglese la specifica valenza aspettuale dei verbi russi rimane inespressa, e.g.:

(7) *Свернул на кладбище, вышел и погулял между разнокалиберными памятниками.*

*I turned into the cemetery and **walked** among the long and short stone monuments.*

(Лолита II, 33)

Il valore della limitazione temporale dell'azione può essere espresso nel significato lessicale del verbo. Questo valore è in certa misura trasmesso in inglese con un sintagma formato dal verbo e da un sostantivo con la valenza semelfattiva - 1 caso su 19 (5,3%), e.g.:

(8) *Мне шел седьмой год, брату шестой, и, рано проснувшись, я с ним быстро посоветался, заключил безумный союз, — и мы оба бросились к чулкам, повешенным на изножье.*

*Upon awakening, I **held a furtive conference** with my brother, after which, with eager hands, each felt his delightfully crackling stocking, stuffed with small presents...* (Drugije berega, parte 2, cap. 4)

Il valore di limitazione di un'azione può essere espresso in modo esplicito con modalità non verbale attraverso i complementi di durata *for a moment*, *for a while* o le locuzioni di quantità *a bit of*, *a little of* oppure con il sostantivo *a moment*, 8 esempi su 19 (42,1%). Evidenziamo che queste locuzioni non sono usate in russo, dove il valore aspettuale è espresso esclusivamente dal verbo del modo d'azione, e.g.:

(9) *Я обсуждал про себя вопрос, не заговорить ли с одним из немногих пешеходов. Отказался от этой мысли. **Посидел** в запаркованном автомобиле.*

*I deliberated only if I should talk to any of the sparse foot-passengers. I did not. I **sat for a while** in the parked car.* (Drugije berega, parte I, cap. 19)

Riassumendo, possiamo dire che il valore della limitazione temporale dell'azione può essere espresso o non espresso in inglese con frequenza approssimativamente uguale. Viene espresso esplicitamente dalle specificazioni di durata *for a while*, *for a moment* nel 100% dei casi con i verbi di posizione nello spazio *посидеть*, *постоять*.

Il modo d'azione terminativo

Sono stati analizzati 16 esempi contenenti verbi del modo d'azione terminativo. Sono tutti *verba dicendi*, in 11 casi si tratta del verbo *проговорить*. Tutti i verbi servono per introdurre il discorso diretto. Come abbiamo già detto, questo modo d'azione ha un particolare valore aspettuale di durata che permette di rappresentare l'atto di parola come un singolo gesto indivisibile in cui l'inizio e la fine si amalgano senza lasciar spazio alla parte intermedia. Questo valore aspettuale è diverso dal valore di compiutezza che acquisiscono i verbi nel Past Simple nella catena dell'azione che significa semplicemente la fine di un'azione. In tutti i casi, i verbi del modo d'azione terminativo russi corrispondono ai verbi inglesi nella forma del Past Simple di cui la forma morfologica non trasmette il valore aspettuale del modo d'azione terminativo.

In 13 corrispondenze analizzate (81%) sia con il verbo *проговорить*, sia con altri verbi del modo d'azione terminativo, il valore aspettuale di durata non è espresso in inglese neanche con altre modalità, e.g.:

(10) "*Выберите ваше любимое обольщение*", *промурлыкала она*.

"*Choose your favorite seduction*," *she purred*. (Lolita, parte I, cap. 11)

In 3 corrispondenze analizzate (19%) in inglese è messa in risalto la durata. In un caso, è usato il verbo *to pronounce*, che enfatizza il momento articolatorio del parlare e la durata è espressa dal significato lessicale del verbo. In 2 esempi, il verbo *pronemь* corrisponde al verbo *to sing out*, che però trasmette l'idea dello svolgimento dell'azione e non la valenza della durata limitata.

Vorremmo sottolineare che il valore aspettuale del modo d'azione terminativo, che rappresenta l'atto di parola come un unico gesto senza lo svolgimento temporale, non è mai espresso nei verbi inglesi.

Modo d'azione completivo

Come abbiamo già evidenziato, il valore aspettuale della completezza mette in risalto lo svolgimento dell'ultima fase dell'azione. Sono state analizzate 12 frasi con verbi russi del modo d'azione completivo (compresi i verbi di movimento). Le corrispondenze in lingua inglese sono molto diverse e possono essere sistematizzate con molta generalizzazione.

Il valore aspettuale della completezza è stato in qualche modo trasmesso solo in due esempi (17%). In un caso, in inglese c'è un verbo nella forma del Present Perfect con un complemento di luogo. Nell'altro caso, il verbo del modo d'azione completivo russo corrisponde alla frase inglese con un sintagma nominale:

(11) *"В половине — она подавила новый зевок — "седьмого", дозевнула до конца с содроганием всего тела.*

"Half-past — "she stifled another yawn — "six" — yawn in full with a shiver of all her frame. (Lolita, parte II, cap. 27)

In 5 esempi (41,5%) in inglese il solo valore del completamento è espressamente indicato attraverso il significato lessicale del verbo di arrivo o raggiungimento e il valore dello svolgimento dell'ultima fase non c'è, e.g.:

(13) *Последний этап моего путешествия наступал, когда, вымытый, вытертый, я доплывал наконец до островка постели.*

The final stage in the course of my vague navigation would come when I reached the island of my bed. (Другие берега, Гл. 4, 3)

In 5 esempi (41,5%) in inglese, il valore del modo d'azione completivo non è espresso.

Dal lavoro della tesi e dalle analisi effettuate è emerso che la situazione tipica dell'uso dei verbi è la successione di azioni e questi verbi danno movimento alla narrazione. In russo, tali contesti sono caratterizzati dalla designazione accentuata dell'inizio e della fine dell'attività o del processo inclusi nella narrazione. A questo proposito servono, innanzitutto, i verbi dei modi d'azione incoativo e completivo, e.g.:

(14) Грубо говоря, в течение того сумасшедшего года (с августа 1947-го до августа 1948-го года) наш путь начался с разных извилин и завитков в Новой Англии; затем **зазмеился** в южном направлении, так и сяк, к океану и от океана; глубоко окунулся в се *qu'on appelle "Dixieland"*; **не дошел** до Флориды ... ; повернул на запад; зигзагами прошел через хлопковые и кукурузные зоны ... ; пересек по двум разным перевалам Скалистые Горы; **закрутился** по южным пустыням, где мы зимовали; **докатился** до Тихого Океана; поворотил на север сквозь бледный сиреневый пух калифорнийского мирта, цветущего по лесным обочинам; почти **дошел** до канадской границы; и затем потянулся опять на восток, через солончаки, иссеченные яругами, через равнины в хлебах, назад к грандиозно развитому земледелию ... ; и, наконец, вернулся под крыло Востока, пунктирчиком кончившись в университетском городке Бердслей.

*Roughly, during that mad year (August 1947 to August 1948), our route began with a series of wiggles and whorls in New England, then **meandered** south, up and down, east and west; dipped deep into ce *qu'on appelle Dixieland*, **avoided** Florida ... , veered west, zigzagged through corn belts and cotton belts ... ; crossed and recrossed the Rockies, **straggled** through southern deserts where we wintered; **reached** the Pacific, turned north through the pale lilac fluff of flowering shrubs along forest roads; almost **reached** the Canadian border; and proceeded east, across good lands and bad lands, back to agriculture on a grand scale, ... ; and finally returned to the fold of the East, petering out in the college town of Beardsley.*
(Lolita, parte II, cap. 1).

Nei contesti narrativi vengono utilizzati anche i verbi del modo d'azione delimitativo che rappresentano una certa "porzione" dell'azione inclusa nella catena narrativa. Invece i verbi del modo d'azione terminativo (e a volte anche incoativo) svolgono un'altra funzione: introducono il discorso diretto e così segnalano il cambiamento successivo di situazioni. In altre parole, fanno parte di dialoghi come le parole dell'autore e così fanno avanzare la narrazione.

Evidenziamo che, nel contesto narrativo in cui si usa il passato, i verbi russi di tutti i modi d'azione sono più comunemente resi in inglese con il Past Simple. Non

trasmettono gli specifici valori aspettuati dei modi d'azione. Le forme del Past Simple si verificano in 83 casi su 112 (74%). I valori aspettuati dei modi d'azione possono essere trasmessi con altre modalità.

In conclusione, possiamo dire che la derivazione prefissale verbale consente di creare sfumature aspettuati abbastanza particolari e sottili. I valori dei modi d'azione russi trovano molto raramente corrispondenza in inglese. La lingua inglese permette di esprimere questi valori nei seguenti modi:

- il valore del modo d'azione incoativo: attraverso i sintagmi con i verbi fasici *to start* e *to begin*;
- il valore del modo d'azione delimitativo: attraverso l'aggiunta dei complementi di durata *for a moment*, *for a while*, con locuzioni di quantità *a bit of*, *a little of* oppure con il sostantivo *a moment*;
- il valore del modo d'azione terminativo non viene espresso;
- il valore del modo d'azione completivo viene espresso sia attraverso perifrasi dell'intera frase sia parzialmente attraverso il significato lessicale dei verbi stessi (verbi dell'arrivo o del raggiungimento).

Possiamo concludere che i valori dei modi d'azione incoativo, delimitativo, terminativo e completivo russi sono difficili da trasmettere, o a volte sembrano quasi intraducibili, in inglese e la corrispondenza più frequente che troviamo è con i verbi inglesi nella forma del Past Simple.